

ISSN 2410-0773

Socio Time

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№1(25)

2021

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1(25)
2021

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426.

Тел. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 — исторические науки и археология; 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки

Редактор русского текста *А. И. Богданов*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 29.06.2021. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 6843.
Дата выхода в свет: 02.07.2021. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3
Отпечатано в ООО «Принтекс». 424002, Йошкар-Ола, бульвар Победы, 14, пом. III.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) — главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) — секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России:

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмерикович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Н. Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Мингтвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1(25)
2021

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square, room 426.
Tel. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgotech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 — historical sciences and archeology; 22.00.00 — sociological sciences; 09.00.00 — philosophical sciences.

Editor *A. I. Bogdanov*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 29.06.2021. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 6843.
Release date: 02.07.2021. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square
Printed from the original layout at LLC «Printecs». 424002, Yoshkar-Ola, room III, 14, Pobedy Boulevard.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2021

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V. A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia:**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S. L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Tmava, Slovakia)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Perinchek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Ибрагимов З. З., Серебряков Ф. Ф., Хазиев А. Х.

Противоречия и реалии постсоветского общества как фактор восприятия советской цивилизации	9
--	---

Нуруллин Р. А.

Эвристический потенциал математики	19
--	----

Пашина Л. А.

Перспективы развития геронтолингвистической парадигмы знания	28
--	----

Спицын П. А., Костин В. А.

Анализ методологий построения научной картины социальной реальности	45
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Беляева Е. С.

Сельская школа в фокусе социологического исследования	58
---	----

Лунай Т. П., Жоголь-Лабзеева И. П.

Анализ опыта разработки научно-методического обеспечения мониторинга качества образования в странах ОЭСР	71
---	----

Potapova M. L.

Problems of modern youth adaptation in the Arkhangelsk region in the conditions of social distance (Потанова М. Л. Проблемы адаптации современной молодежи в Архангельской области в условиях социального дистанцирования)	83
--	----

ИСТОРИЯ

Ночвина Б. А.

Социальная память российского студенчества о Великой Отечественной войне	97
---	----

Шишкин А. Е.

Исторические сценарии солидаризации общества в контексте консциентальной безопасности	105
--	-----

Подготовка и порядок приёма рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Ibragimova Z. Z., Serebryakov F. F., Khaziev A. Kh.

Contradictions and realities of post-Soviet society as a factor of perception of Soviet civilization	9
--	---

Nurullin R. A.

Heuristic potential of mathematics	19
--	----

Pashina L. A.

Prospects for the development of gerontolinguistic paradigm of knowledge	28
--	----

Spitsyn P. A., Kostin V. A.

Analysis of methodologies for building a scientific picture of social reality	45
---	----

SOCIOLOGY

Belyaeva E. S.

Rural schools in the focus of sociological research	58
---	----

Lipai T. P., Zhogol-Labzeva I. P.

Analysis of experience in the development of scientific and methodological support for monitoring the quality of education in OECD countries	71
--	----

Potapova M. L.

Problems of modern youth adaptation in the Arkhangelsk region in the conditions of social distance	83
--	----

HISTORY

Nochvina B. A.

Social memory of Russian students about the Great Patriotic War	97
---	----

Shishkin A. E.

Historical scenarios of society solidarization in the context of conciential safety	105
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать пятом номере журнала **SocioTime / Социальное время** (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из России и Белоруссии. Материалы посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе статей журнала — современные и исторические процессы развития человека и общества. Журнал SocioTime позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного

совета журнала, представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

География участников журнала традиционно широка и носит общероссийский и международный характер. В 25 номере научного журнала «SocioTime / Социальное время» представлены 9 научных работ авторов, из вузовских и научных академических центров Казани, Н. Новгорода, Архангельска, Новокузнецка, Калининграда, Самары, а также из Минска (Беларусь).

В раздел «Философия» включены 4 научные работы. В статье *Ибрагимовой З. З., Серебрякова Ф. Ф. и Хазиева А. Х. (Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань)* исследуются актуальные сегодня противоречия и реалии постсоветского общества как фактор восприятия советской цивилизации. В статье ещё одного автора из Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань) *Нуруллина Р. А.* проведён анализ эвристического потенциала математики. В статье *Пашиной Л. А. (Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк)* исследованы перспективы развития геронтолингвистической парадигмы знания. Авторы из Калининграда (*Филиал федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Калининград*) *Спицын П. А., Костин В. А.* в центр своего исследования поместили анализ методологий построения научной картины социальной реальности.

В разделе «Социология» представлено 3 научные статьи. *В материале представителя Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского (Н.Новгород) Беляевой Е.С.* исследуется сельская школа и молодежь, как факторы устойчивого социально-экономического развития региона. В коллективной статье *Липай Т. П. (Минский городской институт развития образования, Минск, Беларусь), и Жоголь-Лабзеева И. П. (Национальный институт образования, Минск, Беларусь),* проведён анализ опыта разработки научно-методического обеспечения мониторинга качества образования в странах ОЭСР. *Потапова М. Л. (Северный (Арктический) федеральный университет*

имени М. В. Ломоносова, Архангельск) исследует в своей статье проблемы адаптации современной молодёжи в Архангельской области в условиях социального дистанцирования.

Третий раздел номера «История» включает в себя две аналитические работы. В первой из них **Ночвина Б. А.** (*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*) исследует ставшую сегодня на острие актуальности проблему социальной памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне. Автор **Шишкин А. Е.** (*Медицинский университет «Реавиз», Самара*) в центр своего многолетнего исследования поставил анализ исторических сценариев солидаризации общества в контексте концентриальной безопасности российского общества.

Как мы видим, научная палитра номера предельно широка и актуальна: от насущных проблем научной методологии, критического анализа истории и поиска путей дальнейшего развития общества, до проблем национальной безопасности, социологии молодёжи и метаморфоз мировоззрения современного общества.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание мы уделяем поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы современной науки, культуры, мировоззрения и общества.

Уважаемые коллеги, мы ждём ваши работы и открыты для обсуждения и дискуссий. Журнал «SocioTime / Социальное время» — это, несомненно, ваше социальное время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а. E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net. Тел. редакции: 8-8362-686800, 686840.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И РЕАЛИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

3. 3. Ибрагимова, Ф. Ф. Серебряков, А. Х. Хазиев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Введение. Восприятие советской цивилизации в российском постсоветском обществе никогда не было однозначным. Современное состояние российского общественного сознания в этом отношении характеризуется одновременно несколькими противоречащими обстоятельствами: ностальгией по советской цивилизации с её очевидными социальными преимуществами, разной степенью критическим к ней отношением, безразличием, наконец, откровенным неприятием и третированием её. Эта неоднозначность находит объяснение в некоторых особенностях постсоветского развития.

Методы. Используются исторический и сравнительно-исторический методы, которые позволяют проследить формирование рассматриваемых факторов, а также метод восхождения от абстрактного к конкретному, дающий возможность получить знание о рассматриваемом явлении как о многоаспектном сложном образовании.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Некоторые существенные особенности российского постсоветского развития и проявившиеся в результате противоречия выступают факторами, которые препятствуют адекватному восприятию и, главное, пониманию этой цивилизации, причём даже благоприятно настроенной к ней частью общества. Это адекватное понимание, по убеждению авторов, состоит в том, что советская цивилизация, несмотря на все её противоречия и недостатки, представляет собой не только вершинное явление в российской истории, но на сегодняшний день — и самый зрелый социальный (как выражение человеческого, социально-справедливого) плод всемирного развития. Рассмотрению некоторых из этих факторов и посвящена настоящая статья.

Речь, прежде всего, идёт о частной собственности, неудержимой тяге к ней и «экзистенциальных последствиях» этого.

Авторы приходят к выводу, что, реалии современного российского общества привели значительную часть населения к отрезвлению бездумно воспринятых «ценностей» «новой России». Вместе с этим пришло осознание, в принципиальном отношении, подлинно человеческого характера советской социальной цивилизации. Но вышеуказанные факторы, обнаруживая всю противоречивость современного общественного сознания, серьёзно препятствуют объективному восприятию советской цивилизации.

Заключение. Отношение к человеку и ко всему окружающему стало как к товару, как к чуждому, как к вещи. В эти отношения «товаропроизводителей» оказались втянутыми очень большие массы людей. И даже противоположные этому социальные симпатии большей части людей не в силах сопротивляться их «человеческой природе». Они пасуют перед её соблазнами. И вряд ли им можно противостоять без коренного изменения «общего потока жизни», т.е. общественно-экономических оснований, которые производят и не могут не производить подобную «человеческую природу».

Ключевые слова: постсоветское общество; советская цивилизация; капитализм; буржуа; частная собственность; «природа человека»; противоречие; общество потребления; воспитание; общественное сознание; ценности.

Введение. Что ни говори, русский поэт Сергей Есенин был прав: «Лицом к лицу лица не увидать / Большое видится на расстоянии». Например, есть немало людей, полагаем, которые также как и мы, могут заявить сегодня: для нас несомненно, что советская социальная цивилизация, несмотря на все противоречия и недостатки её, представляет собой не только вершинное явление в российской истории, взлёт последней на высоту, на которую только способна подняться обособленная («национальная») история, но на сегодняшний день — и самый зрелый социальный (как выражение человеческого, социально-справедливого) плод всемирного развития.

Но ещё лет двадцать-двадцать пять тому назад это мнение было бы воспринято в самом лучшем случае как очень несерьёзное, а человек, его высказавший, заслужил бы непременно репутацию безнадёжного и ограниченного догматика, вконец некогда зомбированного советской пропагандой и совершенно неспособного самостоятельно мыслить, неспособного ничего ни видеть, ни слышать, ни понимать. Но что-то изменилось с тех пор. Что?

Методы. Анализ рассматриваемой проблемы возможен, в первую очередь, при опоре на метод восхождения от абстрактного к конкретному, позволяющий не ограничиваться голой абстракцией «частной собственности», а увидеть всё конкретное многообразие её неоднозначных проявлений и последствий в богатстве социальной жизни. Использован познавательный потенциал диалектики единого и многого, сущности и явления, логического и исторического, формы и содержания, а также возможности сравнительного и сравнительно-исторического методов и аналогии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Так что же изменилось? Нужно было пройти через «лихие 90-е», как их, похоже, очень нежно называют; нужно было, чтобы появились господа и слуги, хозяева и холопы — об этих социальных типах русской истории смутно помнили лишь деды и прадеды тех, кто жил к началу 90-х.

Нужно было, чтобы на заводах и фабриках, в госучреждениях и университетах, а тем более в тысячах частных компаниях работники всякий раз в ответ на малейшие свои справедливые претензии или законные требования неизменно слышали: «Не хотите — уходите, там ещё тысячи ждут», и с рабской покорностью, многие — и с подобоострастием уходили бы, готовые и дальше терпеть, и быть благодарными хоть за 60-ти часовую рабочую неделю, хоть за 20-ти минутный обеденный перерыв, хоть за работу без больничных, трудовых книжек и отпусков.

Нужно было, чтобы всё, абсолютно всё, покупалось и продавалось, а нажива стала самой сильной мерой оценки людей, деяний, отношений, святынь; «успешность», понимаемая исключительно как материально-финансовое обогащение и карьерное превосходство, стала критерием, если и неофициально, то, во всяком случае, фактически единственно признанным и «общественно значимым» в мнении едва ли не всего постсоветского поколения, да уже и значительной части со-

ветского. Стала «священной коровой»¹, которая, может быть, и обретаена путём поспрания закона и справедливости, но которая всегда должна оставаться неприкосновенной.

Нужно было, чтобы всё это было, дабы люди стали смотреть и видеть, прозревать и думать², дабы они иначе стали относиться к «советской пропаганде». Вот уж воистину: нет пророка в своём отечестве, и люди, что бы ни говорили, учатся, только испытав всё на собственной «шкуре», только на своих ошибках.

Но даже при всём этом не приходится надеяться на очень многое в смысле прозрения людей, прошедших даже через «дантовы круги» 90-х, ибо есть несколько факторов, почти «непреодолимых», чтобы можно было «надеяться на очень многое». Есть вещи (в философском смысле «вещи»), с которыми люди не захотят уже расставаться, раз они попали в тенёта их власти.

Есть нечто, что, как удав кролика, будет заворачивать людей и притягивать их, добровольно, по собственному их желанию, даже если разумом они будут понимать все «прелести» такого соседства кролика и удава. Есть «вещи», лежащие за пределами их разума, — в инстинктах, в их «природе». Это, как вера в бессмертие души: что значит верить в бессмертие души, спрашивал Мигель де Унамуну? Это значит «желать, чтобы душа могла быть бессмертной, но желать этого с такой силой, чтобы это желание могло растоптать разум и пойти дальше него» [2].

Сами по себе воспоминания о негативных сторонах советской цивилизации, о материальных проблемах и даже о «тоталитарной власти» не могут быть непреодолимым препятствием для прозрения. Но в совокупном действии с другими факторами становятся серьёзным основанием для нежелания прозревать или, точнее, сколько-нибудь критически относиться к «современной цивилизации», которую люди воспринимают весьма однобоко («потребительски»), не видя никакой *органичной связи* между её «благами» и социальными, нравственными, политическими, межличностными и прочими порождениями её (пороками), столь порицаемыми даже людьми, вкушающими блага этой цивилизации³. О чём идёт речь, о каких факторах?

В одной книге о К. Марксе, интересной и полезной, её автор, Фрэнсис Уин (Francis Wheen), приведя знаменитые слова из «Манифеста Коммунистической партии», этого, по его словам, «самого известного политического памфлета всех времён»: «Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей», продолжает так. «Единственными „цепями“, которые сковывают сегодня рабочий класс, являются браслеты поддельных „Роллексов“; но у современных пролетариев есть ещё много,

¹ Точнее было бы сказать, конечно, — «золотым тельцом».

² Это было настоящим просвещением, тем более прочным, что оно происходило на личном опыте — просвещение лихолетием, испытанием — личным, социальным и национальным, просвещение прозрением. А девизом Просвещения, по Канту, и является: «Sapere aude! Habe Mut, dichdeineseigenen Verstandeszubedienen!» [1]. Правда, оно не могло быть массовым, поголовным: и потому что мужество, вообще говоря, не является сильно распространённым явлением, тем более труднейшая его разновидность — мужество пользоваться собственным разумом, и потому, что оно, как увидим, весьма противоречиво.

³ О метаморфозах человека в постсоветское время, о его «грехопадении» см. сборник интервью видного советского философа-логика, бывшего долгое время диссидентом, хорошо известным и на Западе, А. А. Зиновьева «Я мечтаю о новом человеке» (очень характерно название одного из них — «Куда делся советский народ?» [3]. См. также другой его сборник [4]. О сегодняшней российской буржуазии см. [5].

чего бы они ни за что не хотели потерять: микроволновые печи, оплачиваемые отпуска, спутниковые антенны и т. д. Они купили модельные дома, у них есть акции приватизированных коммунальных предприятий...» [6].

Скажем, цепи вовсе не «единственные», есть и другие, куда более прочные, правда, незримые, а потому не столь блестящие, в прямом и переносном смысле, как браслеты «Роллексов». Но в остальном всё верно: имеют и «ни за что не хотели потерять».

И дело вовсе не в конкретных микроволновых печах и спутниковых антеннах, даже не в акциях. Само по себе владение ими ещё ничего не означает, кроме как обладания вещами — в этом отношении нет разницы между обладанием микроволновой печью и кастрюлей: времена определяют потребности, и в техническом (потребительском) отношении нет разницы между ложкой, сюртуком, радиоприёмником и автомобилем, компьютером. Кремнёвые ножи столь же естественны для первобытного времени, как и автомобили для современного. *Дело только в том, иметь ли это, чтобы жить либо жить, чтобы иметь.* А это определяет всё остальное. Дальнейшие рассуждения исходят из этого обстоятельства, из этого «постулата».

Из сказанного в предыдущем абзаце ясно, что Ф. Уин неправильно подытоживает, когда, перечислив, чем владеет «современный пролетарий», пишет: «Сегодня мы все буржуа».

Буржуа — не тот, кто владеет вещами, а тот, кто владеет частной собственностью, средствами производства, капиталом, то есть участвует в производстве и воспроизводстве отношений наёмного труда в качестве покупателя рабочей силы, приносящей прибавочную стоимость, как это известно из вузовских курсов политической экономии.

Справедливости ради отметим, впрочем, следующее. Политико-экономическое значение этого понятия и не единственное, и не самое распространённое — в истории и в художественной литературе имеются и другие: от морально-ценностного до бытового (в смысле образа жизни). Так, Н. Бердяев, русский философ, писал «Я называю буржуа... всякого, кто наслаждается и развлекается искусством как потребитель, не связывая с этим жажды преобразования мира и преобразования своей жизни» [7].

И «Флобер сказал «J'appelle bourgeois qui conquepense bassement» («Я называю буржуа всякого, кто мыслит низко») [8, с.160]⁴. Тот же Н. Бердяев в «Русской идее» — «Слова «буржуа», «буржуазный» в России носили порицательный характер, в то время как на Западе эти слова означали почтенное общественное положение» [10]. Здесь, как видим, это слово употребляется совсем не в том смысле, в каком его выше обозначили мы.

Причём эти, распространённые, смыслы очень разные⁵. Неудивительно поэтому, что Балибар Э. и Валлерстайн И., авторы книги «Раса, нация, класс. Дву-

⁴ Так, по существу, относился к этому и Мопассан. «Мы живём в буржуазном обществе, — писал он. — Оно ужасающе посредственно и трусливо» [9].

⁵ См. также работу итальянского литературоведа Франко Моретти «Буржуа: между историей и литературой» [11].

смысленные идентичности», первым изданием вышедшей во Франции ещё в 1988 году, выбрали эпиграфом к её девятой главе, «Буржуазия: понятие и реальность с XI по XXI век», слова французского историка Эрнеста Лабрусса: «Определить понятие буржуа? — Мы бы никогда не договорились».

Но они же при этом, тем не менее, считают нужным подчеркнуть: «Но в целом, как поклонники фигуры буржуа, так и его критики, соглашались в том, что буржуа, это буржуа-капиталист» [8, с. 162]. И далее: «Буржуа» был тот, кто капитализировал средства производства и нанимал за плату рабочих, которые, в свою очередь, производили товар. В той мере, в какой доход от продаж превышал издержки производства, включая заработанную плату, можно было говорить о наличии прибыли — цели буржуа-капиталиста» [8, с. 161].

Так что, владение даже «Мерседесами» само по себе ещё не делает человека буржуа.

Но вот что здесь, на самом деле, важно, вот что, на самом деле, вытекает из этих фактов, которые дали основание Ф. Уину заявить «Сегодня мы все буржуа». Всё это порождает, воспроизводит постоянное *желание*, становящееся *страстью*, *жаждой*, *постоянной потребностью*, *вожделением*, всё это иметь вновь и вновь, подчиняет этому *помыслы*. Это порождает буржуазное сознание, сознание буржуа, буржуазное отношение ко всему вокруг, которое показано в том же «самом известном политическом памфлете всех времён»: произведения искусства, красивые минералы, семья, любовь становятся в первую очередь товаром, даже брак — эксклюзивной формой собственности (это тоже Маркс).

Но, разумеется, ни владение, ни «потребительское стремление» сами по себе это порождают, а, говоря словами русского мыслителя Г. П. Федотова, это «поддерживается общим потоком жизни» (тотальностью соответствующих общественных отношений, прежде всего, отношений социально-экономических, идеологических, межличностных, а также школой, СМИ и пр.). И только при этом условии это возможно.

Некоторые умники во времена «перестройки» острили: мол, вот есть «ударники коммунистического труда», но никто в цивилизованном мире не додумался ещё до того, чтобы присваивать «ударников капиталистического труда» — теперь наиболее ловкие, хваткие и бессовестные из них весьма преуспели на ниве «ударного капиталистического труда». Если бы они были чуть более образованными, то понимали бы, что «цивилизация», «цивилизированный мир» — понятия не политико-экономические и ничего не говорят о социально-экономических характеристиках общества, а поэтому надо выражаться определённо, называть вещи своими именами: «цивилизированный мир», «западный мир» — это эвфемизмы, в действительности — это капиталистический мир.

И это уже есть внятное политико-экономическое понятие для обозначения общества, в котором «внутренние браслеты» куда менее привлекательны, чем даже от поддельных «Роллексов».

Это значит, далее: чтобы быть «ударником капиталистического труда», особого труда (не в смысле физических и интеллектуальных усилий, разумеется) не нужно — им может стать каждый. Достаточно принять «правила игры», девизом в

которой являются сакраментальные слова: «Ничего личного — только бизнес», достаточно желать «иметь» (сразу вспоминается название работы Э. Фромма «Иметь или быть»). «Обогащайтесь!», как выразился однажды Н. Бухарин, русский политик-коммунист 30-х годов, обвинённый в «правом уклоне» (тенденции).

Это и не трудно понять, впрочем. Есть анекдот о Сократе: одна гетера сказала ему: «Хочешь, я сделаю так, что все твои друзья перейдут ко мне?». «Верю, — ответил философ, — ведь путь, по которому веду я — путь вверх, по которому ты — вниз». Ровным счётом ничего не стоит «путь вниз», путь к «ударнику капиталистического труда» — разве что, просто отдаться «течению» — собственнической природе.

Что же это за путь «вниз»?

«Мы все (или почти все — авторы) стали буржуа» — в этом Ф. Уин прав, но только не в том смысле, который он в это вкладывает, а в другом, разъяснённом нами. Но что это: «мы все стали буржуа» (в разъяснённом нами смысле)? Инстинкты, «природа человека», воспитание, дрессура?

Видимо, влечение к частной собственности и все связанные с этим «экзистенциальные проявления», о которых мы говорили выше, — вовсе не «кража»⁶, как выразился, кажется, Прудон, а есть та самая «природа». Затаённая «человеческая природа», которая (прямо по Фрейду!) во всех известных нам общественных формациях сдерживалась её абсолютному выходу «на гора» и удерживалась в определённых рамках соответствующими каждому типу общества преградами и «системой табу» (бессильными, однако, подавить её вовсе): традициями, обычаями, религиозными предписаниями («не кради» и пр.), рациональными соображениями о сохранении полисной (общественной) выживаемости, возведёнными в правовые нормы или закреплёнными в негласных правилах, и т.д. Но когда открываются шлюзы, благоприятствующие «течению этой природы», она разливается множеством потоков, расцветает, как в своё время говорили в Китае, сотней цветов. Свидетелями чего мы сегодня и являемся.

Однажды один английский физиолог, присутствовавший на опытах академика Павлова, вышел из лаборатории потрясённый. Он наблюдал за реакцией собаки, которой (в ходе опытов по исследованию рефлексов) прижигали кожу, и она реагировала на это естественно, как на боль, «по природе»: сопротивлялась, кусалась, визжала, но вместе с этим одновременно стали её подкармливать, и собака стала реагировать «ненормально», «неестественно», «не по природе»: она реагировала как на удовольствие.

Условный рефлекс подавил безусловный. «Теперь я понимаю, — сказал потрясённый англичанин, — ту радость, с которой мученики восходили на костёр». Те самые мученики, которым гореть тоже не доставляло никакого удовольствия, но естественное чувство и сознание боли которых подавлялось другим сознанием, «приобретённым», «условным», культивированным воспитанием и «сознательной верой» — чувством долга, сознанием верности и праведности. Они знали, за что умирают, и это сознание придавало им силу и мужество.

⁶ Однако были ли когда-нибудь в истории мира исключения из печального наблюдения апостола Павла: «Корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим 6:10)? Сомневаемся.

Описанный здесь физиологический механизм лежит, в принципе, в основе всякой тренировки, всякой дрессуры, всякого воспитания. Условный рефлекс вытесняет или подавляет безусловный. Культура, образование, воспитание, система общественных ценностей подавляют зоологическое, «природное». Ясно, разумеется, что в обществе это происходит сложнее.

Какую же роль играли все эти названные выше преграды, табу, традиции? Они подавляли зоологическое, «природное» в человеке, формировали в нём общественно-солидаристское, человеческое, нравственное. Такова природа всякого воспитания, *образ-ования* человека. Это — путь наверх. Очевидно, трудный путь, требующий усилий, борения и подавления «естества», готового вырваться наружу в каждую минуту, если оно оставлено «без присмотра». Поэтому естественно говорить об «ударнике коммунистического труда».

Освободиться от этих преград и с удовольствием отдаться в объятия такой «человеческой природе» — путь вниз. Поэтому не нужно быть «ударником капиталистического труда», для этого не надобны «ударные усилия», а достаточно «быть самим собой» в полном соответствии с этой природой, не сопротивляться ей, а потакать ей. Это тем более легче, что капитализм и «общество потребления» и субъективно, и объективно культивируют «эту природу», объявляют её нормой, естественной сутью, воспроизводят её ежеминутно, ибо такое воспроизводство и есть необходимая форма их существования.

Здесь уместно будет сослаться на Г. Торо, давшего прекрасные зарисовки классического буржуазного духа и порядков, с их главным стремлением — к наживе и их максимой — «ничего личного — только бизнес», которые захватывают человека, обывателя, куют его по своему «образу и подобию» и клонируют одного за другим. «У рабочего нет досуга, чтобы соблюсти в себе человека, он не может позволить себе человеческих отношений с людьми, это обесценит его на рынке труда... он — машина». Верно, обесценит: он перестанет быть конкурентоспособным во что бы то ни стало, не сможет уже относиться к другому по принципу: «ничего личного — только бизнес», будет видеть в нём человека, «входить в его положение»...

И далее читаем; «Вы вечно в крайности, вечно пытаетесь пристроиться к делу и избавиться от долгов, а они всегда были трясиной,... и всегда вы обещаете выплатить, завтра же выплатить, а сегодня умираете в долгу; и все стараетесь угодить нужным людям и привлечь клиентов — любыми способами,... вы лжёте, льстите, голосуете, угодливо свиваетесь в клубочек или стараетесь выказать щедрость во всю ширь слабых возможностей — и всё ради того, чтобы убедить ваших ближних заказывать у вас обувь, или шляпы, или сюртуки, или экипажи, или бакалейные товары; вы наживаете себе болезни, пытаетесь кое-что отложить на случай болезни, кое-что запрятать...» [12]. Если бы мы не знали, когда были написаны эти строки, подумали бы, что речь идёт о современной России.

Реалии современного российского общества привели значительную часть населения к отрезвлению бездумно воспринятых «ценностей» «новой России». Вместе с этим пришло осознание, в принципиальном отношении, подлинно человеческого характера советской социальной цивилизации. Но вышеуказанные факторы,

обнаруживая всю противоречивость современного общественного сознания, серьёзно препятствуют объективному восприятию советской цивилизации. Они обнаруживают всю противоречивость современного общественного сознания. В том числе в аспекте восприятия социальной действительности.

Заключение. Верно, что отношение к человеку, к «ближнему» и ко всему окружающему стало как к товару, как к чуждому, как к вещи. Но верно и другое — в эти отношения «товаропроизводителей» оказались втянутыми (добровольно или по принуждению) очень большие массы людей, от пенсионеров до детей. И даже справедливые социальные симпатии большей части этих людей не в силах сопротивляться их «человеческой природе». Они пасуют перед её соблазнами. И вряд ли им можно противостоять вообще без целенаправленного и тотального (от школы до СМИ) «культивирования» культуры, иных, отличных от современных, человеческих, *то есть* нравственных, ориентированных на социальную справедливость ценностей.

И главное — без коренного изменения все более изощренного капитализированного «общего потока жизни», его общественно-экономических оснований, которые производят и не могут не производить подобную противоречивую «человеческую природу».

Здесь, во всё большей степени, становится со всей ясностью понятна и гиперболизирована в своей актуальности тема того отчуждения и изощренного насилия над человеческой сущностью, что современный капитализм, в лице мирового общества потребления [13], «подарил» человеку, как общечеловеческое благо обетованное.

Здесь непросто понять, что это общечеловеческое благо обетованное достигается ценой разрушения самого человека и духовно и телесно. Оно делает из этого человека инструмент капитала в его двойной эксплуатации человека (двойного его отчуждения), дважды отчуждая и эксплуатируя социальную и природную сущность человека. Сначала отнимая у человека его творческую и трудовую сущность, а затем отчуждая его социальные потребности и интересы на потребительском рынке, посредством превращения этого человека в массового покупателя товаров и услуг, им же произведенных.

В итоге, манипулятивные инструменты первой (природной) и второй (социальной) природы человека, доведенные современным капиталом до совершенства, конструируют человека как бифуркационный тип, ставший благодатным строительным материалом этого глобального общества потребления, устанавливаемого этим глобальным капитализмом, обещающим человеку его общечеловеческое благо [14].

Список литературы

1. I. Kant. «Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?» // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. «Трактаты и статьи» (1784-1796). М., Издательская фирма АО «Камі», 1993. — С. 125.
2. Unamuno de M. The Tragic Sense of Life. Dover Publications, Inc. New York 1954 p. 114.
3. Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке / А. Зиновьев. — М.: Алгоритм, 2007.
4. Зиновьев А. А. Распутье / А. А. Зиновьев. — М.: Элефант, 2005.
5. Ханин Г. И. Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза) // TerraEconomicus. 2013. Т. 11. № 1. С. 9-28.

6. Уин Ф. Карл Маркс / Ф. Уин. Пер. с англ. А. Ю. Шманевского. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С.9.
7. Бердяев Н. А. Самопознание / Н. Бердяев. — М.: Книга, 1991. — С.186.
8. Балибар Э., Валтерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Пер с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицко. Москва: Издательство «Логос», 2004.
9. Лану, А. Мопассан: пер. с фр. Э. Лазебниковой / А. Лану. - 2 Изд. — М.: Молодая гвардия, 1971.
10. Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев. — СПб.: Азбука-классика, 2008 — С. 239.
11. Моретти, Франко. Буржуа: между историей и литературой / Франко Моретти, пер. с англ. Инны Купшаревой. — Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014
12. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу / Генри Торо: [пер. с англ. З. Александровой]. — М.; «Панглосс», 2019. — С. 31, 32.
13. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. — 2015. — N3. — С. 48-57.
14. Шалаев В.П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. — 2016.-N2 (6). — С.71-81.

Авторская справка

ИБРАГИМОВА Зильфия Зайтуновна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: yuldyz@rambler.ru.

СЕРЕБРЯКОВ Фаниль Фагимович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: fanserebr@yandex.ru.

ХАЗИЕВ Аклим Хатыпович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: aklim.haziev@yandex.ru.

UDC 316.4; 316.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.9

CONTRADICTIONS AND REALITIES OF POST-SOVIET SOCIETY AS A FACTOR OF PERCEPTION OF SOVIET CIVILIZATION

Z. Z. Ibragimova, F. F. Serebryakov, A. Kh. Khaziev

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. The perception of Soviet civilization in Russian post-Soviet society has never been unambiguous. The current state of Russian public consciousness is characterized simultaneously by several contradictory circumstances: nostalgia for Soviet civilization with its obvious social advantages, varying degrees of critical attitude to it, indifference, and finally, outright rejection and neglect of it. This uncertainty is explained, including in some features of the post-Soviet development.

Methods. Historical and comparative-historical methods are used, which allow us to trace the formation of the factors under consideration, as well as the method of ascent from the abstract to the concrete, which makes it possible to gain knowledge about the phenomenon under consideration as a multidimensional complex formation.

Results. Some essential features of the Russian post-Soviet development and the resulting contradictions are the factors that prevent adequate perception and most importantly, understanding of this civilization, even by a favourably disposed part of society. This adequate understanding, according to the authors, is that the Soviet civilization, despite all its contradictions and shortcomings, is not only the highest phenomenon in Russian history but also the most mature social (as an expression of human, socially fair) outcome of world development. This article is devoted to the consideration of some of these factors.

This is primarily about private property, the irresistible craving for it, and the "existential consequences" of it.

The authors conclude that, although the realities of modern Russian society led a significant part of the population to re-evaluate initially, thoughtlessly interpreted in the 90s "values" of the "new Russia", that is, the bourgeois, although there comes an understanding of their inhumane nature, and along with this - an awareness, in principle, of the truly human character of the Soviet social civilization, but these factors, revealing all the contradictions of modern public consciousness, seriously hinder the objective perception of the Soviet civilization.

Conclusion. The attitude to a person and to everything around him has become like a commodity, like a foreign, like a thing. Very large masses of people were drawn into these relations of "commodity producers". And even the opposite social sympathies of the majority of people are not able to resist their "human nature". They succumb to its temptations. And it is unlikely that they can be resisted without a radical change in the "general flow of life", i.e., the socio-economic foundations that produce and cannot fail to produce such a "human nature".

Keywords: post-Soviet society; Soviet civilization; capitalism; bourgeoisie; private property; "human nature"; contradiction; consumer society; upbringing; public consciousness; values.

References

1. Kant. Answering the Question: What Is Enlightenment? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?] Kant I. Works in 4 volumes in German and Russian. V.I. «Treatises and articles» (1784-1796). Moscow. Publishing house of JSC "Kam", 1993. p.125.
2. Unamuno de M. The Tragic Sense of Life. Dover Publications, Inc. New York 1954 p. 114.
3. Zinoviev A. A. I Have a Dream of a New Man. A. Zinoviev. Moscow, Algorithm Publ., 2007.
4. Zinoviev A. A. The Crossroads. A. A. Zinoviev. — Moscow. Elephant Publ., 2005.
5. Khanin G. I. Contemporary Russian bourgeoisie (experience of economic sketch) TerraEconomicus. 2013. Vol. 11. No. 1. p. 9-28.
6. Wheen F. Karl Marx. W. W. Norton & Company, Reprint edition, 2001 [Win F. Karl Marx. Translation from English by A. Yu. Shmanevsky. — Moscow. LLC "Publishing house AST", 2003. — p. 9]
7. Berdyaev N. A. Samopoznanie [Self-discovery] N. Berdyaev. Moscow. Kniga, 1991. p. 186.
8. Balibar E. Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous identities. Translated from French by O. Nikiforov and P. Khitsky. Moscow, Logos Publishing House., 2004
9. Lanu, A. Maupassant: Translation from French by E. Lazebnikova A. Lanu. — 2nd Ed. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1971
10. Berdyaev N. The Russian idea. N. Berdyaev. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008, p. 239.
11. Moretti, Franco. Bourgeois: Between history and literature. Translated from English by Inna Kushnareva. Moscow, Gaidar Publ., 2014.
12. Henry David Thoreau. Walden; or, Life in the Woods: translated from English by Z. Alexandrova. Moscow, "Pangloss" Publ., 2019. p. 31, 32.
13. Shalaev V. P. Ostorozhno, mutaciya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut // Socio Time / Social'noe vremya. — 2015. — № 3. — Pp. 48-57.
14. Shalaev V. P. Bifurkatsionnyj chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya // Socio Time/Social'noe vremya. — 2016. — № 2 (6). — Pp. 71-81.

Author's Bio

IBRAGIMOVA Zulfiya Zaytunovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: yuldyz@rambler.ru.

SEREBRYAKOV Fanil Fagimovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: fanserebr@yandex.ru.

KHAZIEV Aklim Khatypovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: aklim.haziev@yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Ибрагимова З. З., Серебряков Ф. Ф., Хазиев А. Х. Противоречия и реалии постсоветского общества как фактор восприятия советской цивилизации // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 9-18. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.9

УДК 51

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.19

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАТЕМАТИКИ

Р. А. Нуруллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Введение. Данная статья является рецензией на монографию самарского исследователя Х. И. Мингулова *Эвристический потенциал математики: монография*. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2018. 108 с. ISBN 978-5-94622-852-7. Работа посвящена анализу эвристического потенциала математики как самостоятельной формы познания, а также как необходимого средства построения фундаментальных теорий в самых разных областях науки.

Методы. Используется сравнительный анализ методологий построения формальных систем логики, математики и естествознания в исследовании систем познания в биологии и социологии. Также используется диалектический подход в оценке возможностей формальных наук в исследовании социальных систем познания, где индивидуальные факторы имеют существенное значение.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Автор рецензируемой работы выделяет значение математики в качестве ключевого методологического инструментария на всех исторических этапах возникновения и развития идеалов научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. Отмечая огромную роль математики в развитии различных областей естествознания, автор также говорит о трудностях и проблемах математизации в гуманитарном знании. Критика работы построена на том, что автор, говоря о математике, отождествляет её с математической физикой, что не вполне правомерно. Подводить менее абстрактные методы естествознания под более абстрактную методологию математики и логики представляется некорректным.

Заключение. Автор рецензируемой статьи абсолютизирует творческие возможности математики. Математика и логика не отличаются высокой эвристичностью. Математика — это хороший инструмент доказательства готового знания, где исходное основание всегда находится за пределами самой математики.

Ключевые слова: математика, естествознание, гуманитарные науки, эвристика, методология, философия, мировоззрение, культура.

Введение. На рубеже XIX-XX вв. произошёл переход от классической философии к неклассической, связанный с изменениями в науке. Возникла неклассическая наука, которая не претендует на полное объективное знание. Понятие истинности замещается понятием валидности (внутренней формально-логической обоснованности). Причинность и детерминизм классической науки уступают место вероятности и индетерминизму. Значимыми в познании становятся математические теории и модели, которые учёный строит сам. Меняется социальная роль науки. Классическая наука превращается в технотехнику. Наука становится инструментальной и прагматичной. Цель науки становится не знания и истина, а власть над природой. Математика не осталась в стороне от этих тенденций в общественном сознании. В попытке устранения (нео)позитивистами метафизики из научного мышления, за математикой и формальной логикой как, впрочем, и за философией остались только функции достижения точности использования языка науки. Со становлением информационной цивилизации резко ускорила стратегическая направленность общественного развития в сторону рационализации всех сторон социального бытия. Передача машинам всего рутинного и однообразного не-только преобразило цивилизацию, но также сказалась и на характере познавательной дея-

тельности, что было бы невозможно без широкого внедрения математических методов в процессе отражения действительности. В этом смысле, тема исследования Х. И. Мингулова, безусловно является актуальной.

Методы. В основе методологии исследования лежит диалектика, которая позволяет анализировать умозрительные конструкции сложных многомерных объектов как тождества противоположных категорий. На основе оценок мировоззренческих представлений категориальный арсенал философии позволяет выдвигать адекватные суждения о возможных путях развития любых систем познания, включая умозрительные конструкции математики. В работе также используются общенаучные методы и принципы: соответствия, дополнительности, системности и синергетики, которые позволяют рассматривать познание как асимптотически сходящийся процесс движения мысли к абсолютной истине, путём достижения относительных истин на каждом этапе исторического развития. В работе также используется метод идеализации, позволяющий в предельно абстрактной форме создавать умозрительные конструкции. Идеализация позволяет свести многообразие отражения реальных социальных процессов за длительный период развития истории человечества к исследованию одного интеграла, который будет в существенных отношениях концептуально отражать этапы реальной истории.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Автор в своей монографии ставит задачу исследования эвристических возможностей математики в научном познании. Как известно, познание не является кумулятивным процессом, и тесно связано с творчеством самого исследователя. Считается, что процесс познания начинается с эмпирических фактов, но для научной полноты данные эмпирического уровня отражения требуют своего теоретического обоснования. Именно теория приближает познающего человека к сущности вещей. Создание теории прямо или косвенно не обходится без математических представлений, построенных дедуктивным способом. Математик, в отличие от представителя частных наук, если и находится в рамках строгих правил формальной логики, всё же свободен в выборе краевых условий задач (аксиоматики) в построении своих умозрительных конструкций. Меняя исходные основания, математик способен создавать в потенциале любые непротиворечивые мысленные системы, которые в дальнейшем могут быть использованы для отображения систем действительности.

Математику в каком-то смысле можно трактовать как гуманитарную науку, как язык, на котором общается естествознание, поэтому автор начинает своё исследование с рассмотрения проблем возможностей понятийного мышления для построения различных мировоззренческих систем мира. Именно здесь автор видит гуманистический потенциал математического познания как одного из важнейших факторов формирования научного образа мира [3, с. 31-51]. Автор отмечает, что математика сильна в генерации и исследовании бытия возможного, которая связана со свободой выбора математиком исходных условий для построения своих теорий. Констатируется, что математика в этом смысле имеет огромный эвристический потенциал для науки в целом [3, с. 52-72]. Последнюю главу монографии автор посвящает исследованию значения проникновения математики как в естество-

знание, так и в области гуманитарного знания [3, с. 73-93]. Не умаляя достоинства данной работы, далее остановимся лишь на критических моментах.

Автор монографии в своём исследовании пытается придать математическому мышлению такой же универсальный статус, как философскому [3, с. 6, 8, 29, 46, 75, 90, 91, 92, 98]. Но, как нам представляется, математика и философия не являются науками в строгом смысле этого слова, т.к. эти формы отражения, в отличие от науки, не имеют специфического, только им принадлежащего объекта исследования в реальном (ощущаемом) мире вещей, явлений и процессов. Поэтому математика и философия более подпадают под вненаучные формы постижения действительности, хотя широко могут включать в свой круг в качестве вспомогательных обсуждаемых вопросов научные понятия. Для эпистемологии эти формы мышления — есть не более, чем язык образов и символов, на котором общается наука. Отношения между философией и математикой меняются. Философия всё более превращается в метафизику, обслуживающую спекулятивное мышление представителей частных наук, включая и математиков [6, с. 27-35].

Математика строит различные формально-логические конструкции, которые на этапе становления науки в самостоятельную форму общественного сознания стали широко использоваться естествознанием. Естествознание, наполняя чистые формы математики реальным смыслом (конкретным содержанием), получает возможность построения своих умозрительных конструкций, которые используются для отражения изучаемых явлений и процессов. Гуманитарные науки в своих исследованиях также могут включать различные методы и результаты математики, но настолько, насколько они в них отражают систематические (детерминистские и вероятностно-детерминистские) изменения социального бытия. Гуманитарные исследования связаны с отражением отношений субъектов разного уровня. При всей зависимости результатов этих исследований от ценностей (причин конца — целей), субъект человечества в целом всё же есть явление космическое (т.е. естественное), а потому в своём содержании с необходимостью должен иметь под собой и объективную составляющую. Декларируя в качестве центральной проблемы исследование возможностей математики, автор, на наш взгляд, всё же акцентирует своё внимание на отражении феномена не чистой математики как таковой, а на математической физике [3, с. 6, 7, 19, 24, 41, 45, 50, 57, 73, 87, 89], которая, как известно, более форматируется не философией математики, а критериями (ограничениями) частных наук.

Для математики и философии все данные частных наук, включая и теоретические результаты этих наук, есть не более чем ментальная практика. А практика развития научного познания, какой бы она не была, как известно, даёт лишь описательное знание математических конструкций, и не даёт теоретического знания о теориях, т.е. собственно философского (рефлексивного) знания. На наш взгляд, в своём исследовании математики автор идёт не путём теоретика (где сильны интуитивные, холистические аспекты познания), а избрал длинный путь социально-практического обоснования прикладной математики в приложениях. Но из теории систем известно о том, что можно как угодно глубоко и долго описывать частные научные достижения, в зависимости от приложения аналитических возможностей

математики. Исследователю будет трудно выйти к построению собственной оригинальной (эвристичной) целостной концепции, которая бы приоткрывала новые перспективы развития математики, как особой формы отражения вообще. Максимум на что может рассчитывать искатель — это выйти на итерационный путь отражения развития математики в зависимости от результатов других наук и экстраполировать эту зависимость исходя из представлений культуры в целом. Все это устраняет рефлексию внутренних факторов развития математики, а потому автору о математике приходится говорить в статусе производной (зависимой) формы мышления от приложений к другим наукам.

Математика не является наукой в строгом смысле этого слова. Наука, в отличие от математики, всегда имеет объект своего исследования в реальном мире вещей явлений процессов. Математика, в отличие от других форм отражения, всегда имеет дело с чистыми формами, отвлечёнными от любого физического содержания. Связано это с особенностями процесса абстрагирования, которая в чистой математике доведена до идеализации (абсолютизации существенных сторон математических конструкций до нуля или до бесконечности). Для математики в качестве существенных выступают чистые формы и количественные (универсальные) отношения, которые являются полностью отвлечёнными от любого физического содержания и качественных отношений. Для математики не является существенным то, из какого материала сделана точка, линия, треугольник, числа, дифференциал, тензор и т.д. Но именно этой независимостью от физического содержания определяется проникающая способность математики в другие области познания, поэтому математика в пределе имеет возможность моделировать любые физические содержания. Подобно тому, как в теории информации независимость количества информации от количества энергии, позволяет в реальности с помощью малых значений энергий, несущих информацию, управлять большими потоками энергии.

Далее физика способна наполнять чистые формы математики любым интересующим её содержанием и на базе этих интерпретаций уже строить свои теории. Возможность широкого использования приёмов математики другими науками обусловлена тем обстоятельством, что физика фундирована законами симметрии (сохранения) и нечувствительна к индивидуальности изучаемых объектов. Только начиная с химии (где, например, зеркально-симметричные пространственное расположение некоторых радикалов в структуре молекулы одного и того же класса способно кардинально определять свойства всего веществ) и далее, если идти по линии усложнения изучаемых объектов природы, в таких науках как биология, социология и т.д., где значимость индивидуальности в результатах исследований становится существенной, применение математики всё более ограничивается. Но и там, где есть повторяемость, усреднение по ансамблю и / или по времени работают законы математики, которые позволяют гуманитарным наукам, сосредоточенных на отражении индивидуальных явлений, использовать генерализующие законы, полученные математикой. Всё это позволяет гуманитарным и общественным наукам реализовать диалектику отношений исторического и логического, где на генерализующие законы, найденные методами математики, гуманитарии смогут в дальнейшем нанизывать знания высокой вероятности об индивидуальных особен-

ностях исторических событий. Поэтому проникающая способность математики обусловлена, прежде всего, пустотой своих форм от реального (физического и социального) содержания. Это в дальнейшем даёт возможность частным наукам наделять чистые формы, полученные математикой, своими интерпретациями и логически выходить к объяснению познаваемых явлений.

Ещё более абстрактной формой мышления выступает формальная логика. Для логики несущественны как формы, так и содержания реальных объектов. Её интересует только специфика самих количественных (универсальных) отношений. Отсюда появляется возможность конструировать при помощи законов логики любые формы и содержания бытия. Сегодня так и происходит с развитием информационных технологий, которые привели к бурному развитию новой реальности — виртуальной. Физика, как любая другая частная наука, тоже использует абстрактные объекты, но здесь абстрагирование осуществляется не по форме, а по существенному интересующему исследователя реальному содержанию. Такие абстрактные объекты уже не будут относиться к сфере чистой математики, а будут подпадать под объекты математической физики. Поэтому натягивать менее абстрактную физику для обоснования более абстрактной математики было бы некорректным. По тем же причинам нельзя полностью свести и математику под ещё более абстрактную логику. В своей работе исследователь пытается исторически (описательно, через цепь исторических фактов в теории познания, т.е. фактологически) обосновать математику через физику, по линии, где физика принадлежит науке, — наука принадлежит одной из форм общественного сознания, где общественное сознание есть проекция значимых ценностей и идеалов культуры на конкретное историческое время вообще. Другими словами, автор выбирал для себя длинный, не имеющий конца, асимптотический путь доказательства правомерности формальных суждений математики эмпирическим способом, т.е. через описание конкретных мыслительных процедур взаимодействия частных наук с математикой.

Вся работа автора, по сути, есть расширенное толкование значимости для теории познания предписания условно-логического закона достаточного основания, сформулированного ещё Г. Лейбницем [2, с. 449-486]. Автор на множестве примеров из теории познания «доказывает» свою убеждённость, что математические теории производны от культуры. Эту убеждённость автор проводит через всё содержание своей монографии. Но если К. Гёдель в своих теоремах «О неполноте...» [5] доказал невозможность обоснования математики как формальной системы на языке самой математики (в силу невозможности за конечное время определить бесконечное число краевых условий для всей математики), то апелляция к культуре, которая пользуется обыденным языком, сама является сомнительной в своих основаниях, что следует из самого Логико-философского трактата Л. Витгенштейна [1, с. 5-19]. Все эти доводы автора можно отнести лишь к отражению реальной действительности, т.е. к математической физике и её производных, но не как к чистой математике (т.е. к математике вообще). Чистая математика не привязана к реальному миру вещей и математик-теоретик (он же метафизик) свободен в выборе своих оснований, где главный критерий — это непротиворечивость.

Именно интуиция, связанная с работой бессознательного в человеке, и уровень развития культуры общества + дедуктивная непротиворечивость определяют творческое богатство математических моделей, на фоне которых в дальнейшем в рамках частных наук могут найти своё объяснение явления реального бытия. Опыт человека и всей культуры показывает, что непротиворечивые суждения, какими бы они на данный момент истории не казались химерическими, рано или поздно все же находят своё место в адекватном отражении феноменов действительности. Поэтому автору в своём исследовании, на наш взгляд, следовало бы разделить рассмотрение чистой математики и прикладной, т.к. они служат разным общественным образованиям, и имеют принципиально разные, даже противоречивые по отношению друг к другу, механизмы развития. Тем самым автор отвёл бы от себя многие критические замечания в свой адрес. Между теоретической и прикладной математикой связь не формально-логическая, а диалектическая, поэтому их взаимодействие следует рассматривать на принципах дополнительности друг к другу.

Так, если прикладная математика более сосредоточена на моделировании мира вещей и тесно связана с технаукой, которая способствует развитию цивилизации как производству новых товаров и услуг для производства и потребления, то чистая наука служит производству идей и понятий и в этом смысле тесно взаимодействует с мировоззрением, т.е. с миром идеальных форм и духовных ценностей культуры. Следует также учесть, что динамика развития культуры и цивилизации с переходом к информационному обществу теряют временную согласованность по отношению друг к другу. Разница в динамике их развития, связанные с конечностью скорости воспроизводства поколений людей и нелинейным ускорением смены поколения технологий. Так культура как производство духовных ценностей требует людей с нелинейным творческим мышлением открывателя (основанного на приоритете личностного принципа «знания человеком своего незнания»), хотя само количественное приращение идей (куда входят и фундаментальные знания науки) прогрессируют по линейному закону. Цивилизация как производство ценностей и материальных благ требует людей с креативным мышлением изобретателя (основанного на личностном принципе «знания человеком своего знания»), от которых зависят создание и внедрение инноваций. Цивилизация, в отличие от культуры, развивается с ускоренными нелинейными темпами, т.к. всего одно фундаментальное открытие, принадлежащее культуре, может лечь в основу множества различных изобретений, определяющих развитие цивилизации [4, с. 126-129]. Автор, к сожалению, в своей работе не рассматривает этих особенностей современного общественного развития и ограничивается лишь обобщённым представлением о культуре как поставщика для математизированной науки мировоззрения.

Автор пытается говорить об эвристичности математики в соотношении её проникновения в различные области научного познания. Отмечает, что, если использование методов математики даёт значительные результаты в естествознании, то в решении проблем социальных и гуманитарных наук моделирование многопараметрических систем дифференциальными уравнениями не отличается большой эффективностью. Причины этого автор видит в недостаточной развитости самих частных наук [3, с. 85-86].

Думается, здесь дело обстоит не только в интуитивной невообразимости математических объектов или в особенностях использования специфической образности и ассоциативности в области гуманитарного знания. На наш взгляд, причины границ математизации кроются в принципиальной различной значимости индивидуальных факторов изучаемых объектов в естествознании и в гуманитарных науках. Дело в том, что формальная логика, используемая при отражении относительно закрытых систем неживой природы, построена на противопоставлении противоположностей, которые априорно при полном совпадении благодаря суперпозиции сворачиваются в ноль, а апостериорно, в реальных процессах больших ансамблей, усредняются. Диалектика строится на отражении противоречащих суждений, которые никогда не сворачиваются в ноль, т.к. каждая из сторон противоречия в свёрнутом виде содержит целостность другого. Поэтому диалектика, в отличие от формальной логики, характеризует не движение отношений к сингулярности, а — от неё и всегда указывает на развитие, на причину-источник возникновения нового, т.е. того, чего никогда ещё не было.

Наиболее близко к отражению диалектических взаимоотношений на языке математики, требующих поиска несуществующего на сегодня общего решения неоднородных нелинейных дифференциальных уравнений, подошла синергетика. На уровне поиска частных решений этих уравнений выход даёт ситуационный подход. Но автор глубоко не углубляется в рассмотрение этой актуальной проблемы современности. Отмечает лишь слабые позиции междисциплинарных исследований в области экономики, экологии и политики [3, с. 79-86].

Заключение. Эвристичность математики и логики всегда считались довольно незначительными, т.к. любое рациональное мышление начинается с иррационального (интуитивного или фактологического), которое опирается, с одной стороны, в механизмы работы бессознательного, а с другой — в ограниченность развития культуры, обусловленного незавершённостью истории как человечества, так и Вселенной, соответственно. Математика и логика хорошие инструменты для обоснования того, что люди и так знают на уровне интуитивного понимания и практики. Истинность логических умозаключений, по определению, не выше истинности исходных утверждений. Отсюда автор поступает как истинный математик — пытается обосновать то, что и так всем известно через практику, т.е. через историческую состоятельность математики в создании теорий науки.

Монография: «Эвристический потенциал математики» Мингулова Х. И. в целом оставляет хорошее впечатление, а высказанные соображения носят преимущественно риторический характер и во многом обусловлены субъективными позициями самого оппонента. Думается, работа будет полезной всем, кто интересуется вопросами философии математики и науки.

Список литературы

1. Витгенштейн Людвиг. Философские работы: в 2 ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
2. Лейбниц. Монадология // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 776 с.
3. Мингулов Х. И. Эвристический потенциал математики: монография. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2018. 108 с.

4. Нуруллин Р. А. Культура как линейное производство новаций в условиях нелинейного развития инновационной цивилизации // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сб. науч. статей под общей ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2017.с. 126-129.

5. Подниекс К. М. Вокруг теоремы Гёделя. Рига: Зинатне, 1992. 192 с.

6. Сафонов А. С. Философия в меняющемся мире: три типа метафилософии // SocioTime/ Социальное время. 2018. № 4 (16). С. 27-35. DOI:10.15350/2410-0773.2018.4.27. URL: <https://www.volgatech.net/sociotime/archive/>

Авторская справка

НУРУЛЛИН Рафаиль Асгатович, доктор философских наук, профессор кафедры Общей философии, Институт Социально-философских наук и Массовых коммуникаций. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. E-mail: nurulla958@mail.ru.

UDC 51

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.19

HEURISTIC POTENTIAL OF MATHEMATICS

R. A. Nurullin

Kazan (Volga) Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. This article is a review of the monograph of Samara researcher Kh. I. Mingulov "Heuristic potential of mathematics": a monograph. Samara: Publishing house Samar. state econ. University, 2018.108 p. ISBN 978-5-94622-852-7. The work is devoted to the analysis of the heuristic potential of mathematics as an independent form of knowledge, as well as a necessary means of constructing fundamental theories in various fields of science.

Methods. A comparative analysis of the methodologies for constructing formal systems of logic, mathematics and science in the study of cognitive systems in biology and sociology is used. A dialectical approach is also used in assessing the possibilities of formal sciences in the study of social systems of cognition, where individual factors are essential.

Results. The author emphasizes the importance of mathematics as a key methodological toolkit at all historical stages of the emergence and development of ideals of scientific rationality: classical, non-classical and post-non-classical. Noting the huge role of mathematics in the development of various fields of natural science, the author also talks about the difficulties and problems of mathematization in humanitarian knowledge. Criticism of the work is based on the fact that the author, speaking of mathematics, identifies it with mathematical physics, which is not entirely legitimate. To bring fewer abstract methods of natural science under a more abstract methodology of mathematics and logic seems incorrect.

Conclusion. The author of the peer-reviewed article absolutizes the creative possibilities of mathematics. Mathematics and logic are not highly heuristic. Mathematics is a good tool for proving finished knowledge, where the original foundation is always outside of mathematics itself.

Keywords: mathematics, natural sciences, humanities, heuristics, methodology, philosophy, worldview, culture.

References

1. Wittgenstein Ludwig. Philosophical work: in 2 hours. Moscow: Gnosis, 1994. Part I. 612 p.
2. Leibniz. Monadology // Anthology of world philosophy: in 4 vols. Moscow: Thought, 1970. V. 2. 776 p.
3. Mingulov H. I. Heuristic Potential of Mathematics: Monograph. Samara: Publishing house Samar. state econ. University, 2018.108 p.

4. Nurullin R. A. Culture as a linear production of innovations in the conditions of non-linear development of innovative civilization // Revolution and evolution: development models in science, culture, society: collection of books. scientific articles under the general ed. I. T. Kasavina, A. M. Feigelman. N. Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod State. University, 2017.p. 126-129.

5. Podnieks K. M. Around Godel's theorem. Riga: Zinatne, 1992.192 p.

6. Safonov A. S.Philosophy in changing world: Three types of metaphilosophy // Socio Time 2018. № 4 (16). p. 27-35. DOI:10.15350/2410-0773.2018.4.27 URL:<https://www.volgatech.net/sociotime/archive/>

Author's Bio

NURULLIN Rafail Asgatovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Philosophy, Institute of social and philosophical Sciences and Mass communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: nurulla958@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Нуруллин Р. А. Эвристический потенциал математики // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 19-27. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.19

УДК 314/316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.28

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕРОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЗНАНИЯ

Л. А. Пашина

Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк (Россия)

Введение. Цель данной статьи состоит в актуализации социального взгляда на феномен старения. В статье осуществляется обзор современных зарубежных исследований, посвящённых анализу социальных аспектов старения. Автор описывает наиболее значимые темы этой области исследований. В статье рассматривается формирование научного интереса к изучению языковой опосредованности феномена старения. Анализируются причины востребованности геронтолингвистических знаний, приводятся аргументы, обосновывающие их актуальность.

Методы. Основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, логические методы).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье рассматривается становление научного интереса к исследованию языкового опосредования феномена старения. Анализируются причины востребованности геронтолингвистического знания, приводятся доводы, обосновывающие его актуальность. Описываются основные направления исследований связи языка и процесса старения, а также существующие интерпретации термина «геронтолингвистика».

Заключение. По результатам исследования сделан вывод о том, что геронтолингвистика становится междисциплинарной областью, аккумулирующей усилия всего корпуса геронтологического знания, направленного как на поддержание языкового здоровья стареющего населения, так и на реализацию стратегии активного и здорового старения в условиях перехода к гипервозрастному обществу.

Ключевые слова: геронтолингвистика, старение, геронтология, языковое старение, языковое здоровье пожилых людей, благополучие языковой жизни пожилых людей.

Введение. Современное общество находится в процессе кардинальной демографической трансформации, в результате которой меняются представления о возрастной стратификации в целом и о периоде старения, в частности. Переосмысливается роль пожилых людей в развитии общества, изменяются представления о границах и характеристиках этого периода. Например, появились понятия «третий возраст» и «четвёртый возраст», отражающие кардинальное удлинение средней продолжительности жизни, улучшение её качества и увеличение возможностей для самоактуализации на этапе ранней старости.

Одной из стратегий, направленных на преодоление последствий современного демографического вызова являются попытки всестороннего научного осмысления проблем, характерных для стареющих обществ с целью формирования единой геронтологической теории, которая смогла бы стать основой построения эффективной государственной политики в отношении пожилых людей, основой формирования сбалансированной системы социального обеспечения старшего поколения и стабильной экономики, стать основой для реформирования области здравоохранения с целью создания эффективной системы здорового старения. Сложности конституирования единого научного знания о старении многообразны [2, с. 291], но одной из самых критичных на современном этапе является разрозненность геронтологических изысканий, проводимых самыми разными дис-

циплинами. В силу чего, одним из важнейших императивов на ближайшее будущее, видится конституирование трансдисциплинарного геронтологического знания, синтезирующего достижения всех областей, занимающихся этой проблематикой.

Методы. Источниками материалов исследования послужили труды учёных самых разных направлений человековедения, занимающихся изучением лингвистической и коммуникативной сторон процесса старения, начиная с середины XX века и по настоящее время. Результаты исследования опирались на работы ведущих представителей социальной психологии, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной науки, изучающих связи языка, коммуникации и процесса старения. Используются следующие методы научного исследования: анализ теоретической литературы зарубежных авторов по исследуемой теме, а также теоретический и сравнительный методы, систематизации и обобщения материалов. Проведённое исследование дало возможность выявить, проанализировать и описать основные направления геронтолингвистических исследований в современном человековедении.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Самые первые шаги в исследовании проблемы старения были предприняты биологическими и медицинскими науками, в силу чего её осмысление основывалось на имплицитной посылке, согласно которой завершающий жизненный период — это время неизбежного снижения и деградации всех возможностей организма (физиологических, биологических, когнитивных). Со времён расширения дисциплинарных границ геронтологического знания, начала формироваться альтернативная точка зрения, раскрывающая новые возможности старения. Дефицитарным взглядам на процесс старения стала противопоставляться новая модель отношения к старшему возрасту, т.н. парадигма «успешного», «продуктивного», «позитивного», «активного» старения, предполагающая иной взгляд на особенности и возможности этого жизненного этапа. В рамках этой системы взглядов осуществляется поиск возможностей повышения качества жизни в позднем возрасте. Одна из них постулирует формирование представлений о продуктивном старении, под которым понимается создание оптимальных условий для повышения качества жизни за счёт поддержания функционального здоровья в пожилом возрасте, активного участия в социальной жизни, улучшения коммуникативного благополучия (в т.ч. за счёт повышения коммуникативной компетентности), во многом влияющего на эмоционально-психическое состояние, опосредующее наше здоровье. Продуктивное старение противопоставляется номинальному удлинению жизни при значительном ухудшении её качества (возрастанию хронических заболеваний, зависимости, социальной изоляции).

Безусловно, старение фундировано своей биологической основой, но человек является сложным существом, в котором этот естественный природный процесс приобретает дополнительные измерения (социальное, психологическое, культурное и пр.), диалектически взаимодействующие между собой. Человеческое старение имеет многофакторную природу, составляющие которой только начинают осознаваться научным знанием. В результате дисциплинарного расши-

рения границ геронтологического знания происходило появление всё новых взглядов и подходов в постижении его природы. Разработки темы старения появились в социологии, экономике, политологии, демографии, психологии, педагогике и других науках. Одной из плодотворных областей явилась сфера исследований языка, коммуникации и старения, которая осветила возможности решения многих геронтологических проблем, в связи с чем язык и коммуникация начали рассматриваться как ресурсы для осмысления проблемы старения.

На стадии зарождения этой области, интерес к языку в его связи со старением, был скорее инструментальным, и лишь после создания необходимых теоретических матриц анализа интерактивной межпоколенческой коммуникации с пожилыми людьми (например, теории коммуникативной аккомодации, в редакции Х. Джайлза, Э. Мулака, Р. Стрита, Д. Харвуда, Д. Брэдэка, П. Джонсон, модели «коммуникативного затруднения старения» Э. Райан, Х. Джайлза, Д. Бертоллуччи, К. Хенвуд, модели «описывающей причины актуализации возрастных стереотипов в межпоколенческом общении» М. Л. Хаммерт, Д. Шейнер, Т. Гартска, С. Хэнри, модели «коммуникативного усовершенствования старения» Э. Райан, М. Л. Хаммерт, Д. Орейдж, Л. Бойч, теории воплощения стереотипов Б. Леви, Б. Мейснера) появилась реальная возможность изучения влияния особенностей и качества коммуникации на протекание процесса старения, ведь именно эффективная коммуникация во многом определяет благополучие и качество жизни пожилого человека, его здоровье.

Изучение особенностей коммуникации пожилых людей строится на предпосылке, что психологическое и физическое здоровье влияют друг на друга, причём здоровье пожилых людей опосредует валентность их коммуникативной активности, что подтверждается исследованиями, указывающими на существование предикторов эмоционально-психологического благополучия, формирующих субъективные показатели здоровья, например, такие как самооценка, удовлетворённость жизнью, отсутствие депрессии [7, 21, 25, 49]. Языковое благополучие пожилых во многом определяет качество и длительность процесса старения, являясь важным инструментом изучения процесса старения и потенциально предоставляя возможности управления им. Неудовлетворённость общением, напротив, приводит к усилению возрастных стереотипов и изменениям в социальном взаимодействии и самооценке [23, 33]. Исследования указывают на связь между самооценкой, удовлетворённостью жизнью и качеством коммуникативной активности, которые определяют качество жизни пожилых людей [68, 81, 82]. Формирование комплексного знания, дающего ясное понимание связи языка, коммуникации, процесса старения и здоровья даст возможность продлить этап здорового и активного старения, опираясь на понимание его языковых экспликаций.

Несколько десятилетий назад в научной терминологии появилось понятие «геронтолингвистика», которое в первом приближении, следуя его этимологии, описывает научную область, исследующую языковую сторону процесса старения. Основные вопросы этой области можно сформулировать следующим образом: Как связаны язык, коммуникация и старение? Каким образом старение

влияет на язык, коммуникацию? Как язык, коммуникация могут модифицировать опыт старения? Каковы особенности общения представителей различных возрастных когорт? Какие потенциально важные закономерности существуют в межпоколенческой коммуникации с пожилыми людьми? Какие коммуникативные стратегии могут помочь гармонизировать межпоколенческое общение с участием пожилых? Постепенно сложилось два толкования дисциплинарной принадлежности геронтолингвистики. Во-первых, как области прикладной лингвистики. В этом значении существует три понимания её потенциала и функций:

1) геронтолингвистика — это трансформировавшаяся в своих пределах и интересах социолингвистика старения, делающая акцент на анализе социально-психологической стороны старения (П. Бакхаус, К. Грейнджер, С. Макони). По мнению представителей этого направления, геронтолингвистическое знание занимается тем, что (1) производит эмпирический анализ рутинной межпоколенческой коммуникации с пожилыми, с целью выявления коммуникативных стратегий, характерные для общения с пожилыми (elderspeak, дискурсивные конструкции старости); (2) изучает особенности институциональной беседы с престарелыми людьми в учреждениях по уходу за ними; (3) занимается поиском коммуникативных стратегий, гармонизирующих институциональную коммуникацию;

2) геронтолингвистика — это часть прикладной лингвистики, посвящённой изучению тем, связанных с проблемой старения (Ш. Асахи, П. Бакхаус, Ф. Иноуэ, Й. Йошиока, Ф. Кульмас, Т. Кэрролл, М. Усами);

3) геронтолингвистика призвана заниматься языковыми проблемами пожилых людей с целью поддержания их здоровья (Й. Сугатани).

В целом, все три толкования схожи в том, что генетически и методологически геронтолингвистика является частью материнской науки — лингвистики, но в силу усложняющегося осмысления феномена старения, дисциплинарные границы геронтолингвистических изысканий размываются.

Во-вторых, геронтолингвистика воспринимается как междисциплинарная область, находящаяся на пересечении интересов геронтологии и лингвистики, направленная на изучение языкового старения пожилых людей и поддержание их языкового здоровья и благополучия. Подобный взгляд на геронтолингвистику может быть найден, например, в статьях таких учёных из Китая как Ж. Йан, Г. Йин «Геронтолингвистика и её перспективы в области здравоохранения в провинции Шаньдун» [86], Хуанг Л. и К. Жу «Прагматические исследования в геронтолингвистике: перспективы, методы и темы» [35].

Л. Хуанг и К. Жу пишут о том, что ядром геронтолингвистики является изучение закономерностей и факторов деградации прагматических коммуникативных характеристик пожилых людей, как с нормальным, так и с патологическим старением. Но в перспективе предметные границы этой системы знаний должны расширяться. В статье Ж. Йан и Г. Йин даётся подробный обзор наличного состояния геронтолингвистического знания и причин его востребованности с точки зрения актуальных демографических проблем Китая. Авторы пишут о том, что, столкнувшись с мощными вызовами современности КНР начала проводить стремительное государственное планирование в сфере развития структуры здравоохра-

нения. По прошествии времени началось академическое становление этого поля исследований, но до сих пор оно не стало интегративным, исследования коммуникативной и языковой сторон процесса старения по-прежнему продолжают проводиться чаще всего независимо друг от друга группами учёных из разных научных дисциплин. Если попытаться увидеть наиболее общие интенции в исследовании связи старения и языка, то перед нами предстанут две магистральные области интереса: первая анализирует связи языка, коммуникации, процесса старения и здоровья, вторая — направлена на раскрытие социально-конструктивистской природы языка и коммуникации.

Многие науки проявляют интерес к области исследования, интересующейся спецификой взаимосвязи языка, коммуникации и процесса старения. В фокусе внимания оказываются нижеследующие ракурсы рассмотрения геронтолингвистической проблематики.

Во-первых, актуальным является исследование последствий влияния на язык и коммуникацию массового старения населения, главным образом, рассматриваются такие вопросы как трансформация языков (изменение языковых норм, изучение лексических, семантических, синтаксических, прагматических изменений языка в результате старения его носителей) и изменение особенностей межпоколенческой коммуникации (снижение скорости межпоколенческой коммуникации, феминизация старости) [1, 3, 39];

Во-вторых, многие авторы уделяют внимание изучению лексики, описывающей феномены, ассоциируемые с поздним жизненным периодом [3].

В-третьих, можно отметить, что как на первых этапах развития геронтологического знания, так и в современности в фокусе интереса данной темы находится изучение различных паралингвистических характеристик старения [60, 61, 64].

В-четвёртых, популярными являются исследования особенностей стереотипического изображения пожилых людей, процесса старения в СМИ, изучение влияния СМИ на формирование стереотипов о старости [17, 43, 62, 87], исследование особенностей стереотипического изображения пожилых людей в художественной литературе [6], анализ изменения отношения к старению в языке и литературе [39].

В-пятых, большое внимание уделяется изучению особенностей межпоколенческого и внутрипоколенческого общения с участием пожилых людей. Учёные этого направления транслируют убеждённость в определяющей важности качества коммуникативных отношений (общение с друзьями, в семье, в медицинских учреждениях, в домах для престарелых) на особенности протекания процесса старения [57]. Также проводится анализ и таксономия потенциальных проблем социального окружения пожилых людей, изучаются атрибуты их социальных связей, особенности структуры их межличностных сетей [5, 10, 18, 38].

В-шестых, важной сферой развития обсуждаемой темы является исследование коммуникативных особенностей и практик, характерных для межпоколенческого общения с пожилыми людьми, с целью выявления причин

его проблематизации и поиска возможностей повышения его эффективности [7]. Например, производится анализ особенностей межпоколенческого дискурса, речевого регистра, часто используемого в общении с пожилыми людьми (elderspeak / patronizing talk) (описание его отличительных черт, характерных для него дискурсивных конструкций (многословность (off-target verbosity) [29], «болезненное самораскрытие» (painfull self-disclosure) [53, 80]), выявляются причины и последствия их использования) [11, 12, 31, 54]. Также важным вопросом является исследование особенностей дискурса в учреждениях институционального ухода за престарелыми [4, 50, 51, 83].

В-седьмых, плодотворным направлением развития темы является исследование стереотипов, описывающих старение, изучение их влияния на здоровье в течение позднего периода жизни, изучение феномена самостереотипизирования, формулирование теорий, объясняющих причины актуализации возрастных стереотипов [36, 37, 46, 56, 65, 66].

В-восьмых, осуществляется рассмотрение образов старения, специфики самоидентификации пожилых людей, особенностей формирования идентичности в пожилом возрасте, отражаемой в использовании языка и создаваемой им [19, 22, 28, 41, 47, 63, 70, 75].

В-девярых, уже традиционным для данной области изысканий является анализ темы возрастной дискриминации, эйджизма, изучение различных языковых способов их выражения [13, 14, 55, 76], например, рассмотрение изменений форм обращения к пожилым людям, изменение отношения к использованию терминов родства по отношению к пожилым людям [52].

В-десятых, одно из магистральных и востребованных в этой области — исследование особенностей коммуникации в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи (health care communication) с целью формирования эффективных коммуникативных паттернов общения врачей и среднего медицинского персонала с пожилыми пациентами: исследования в рамках медицинского дискурса с акцентом на изучении особенностей общения «доктор — пожилой пациент»; языковые практики, используемые в онкологии и паллиативной медицине для выстраивания продуктивных отношений, в том числе с пожилыми пациентами и их родственниками, для улучшения результатов и / или облегчения процесса лечения) [32, 42, 79, 86].

Связь коммуникации и здоровья начала привлекать внимание учёных социально-гуманитарных наук достаточно давно. Начиная с 1950-х гг. движение гуманистической психологии, подчеркнув важность терапевтической коммуникации в укреплении эмоционального благополучия, психологического здоровья, вдохновило зарождение исследований в области коммуникации в сфере здравоохранения (health care communication), исследований, которые изучают терапевтическую силу реляционной коммуникации. Область коммуникации в сфере здравоохранения начала формализовываться в начале 1970-х годов. Это междисциплинарная сфера исследований прежде всего связана с изучением влияния особенностей коммуникации на качество оказания медицинской помощи и укрепление здоровья, а также с изучением влияния коммуникации на продолжитель-

ность жизни людей [44]. Сферу её компетенции можно рассматривать как причину того, почему коммуникация в области здравоохранения является одной из наиболее быстро развивающихся дисциплин в коммуникативистике [77].

Число исследований, изучающих коммуникацию в сфере здравоохранения, увеличивается год за годом, но по-прежнему тревогу вызывает тот факт, что наиболее часто упоминаемой причиной неудовлетворительных результатов лечения пациентов остаются коммуникативные неудачи, поскольку общение между медицинскими работниками и пациентами нередко признаётся неэффективным и может приводить к возникновению ошибок, причинению вреда пациентам, ведь недопонимание, какова бы ни была причина, обуславливает плохой уход за пациентом, его неэффективное лечение [45, 58, 74].

С первых шагов формирования этой области появились попытки выявления причин коммуникативных дилемм в общении врачей, медицинского персонала и пожилых пациентов, попытки создания теорий и моделей, помогающих справиться с коммуникативными сложностями в медицинской институциональной среде. На ранних этапах становления этих исследований основное внимание уделялось исследованию межличностной перспективы общения, происходящего во время медицинских консультаций, с точки зрения степени удовлетворительности общения пациентов [72, 78], поэтому в качестве причины коммуникативных дилемм предлагался дефицит имеющегося у медицинских работников репертуара эффективных коммуникативных навыков [84]. И такой взгляд позволил осмыслить часть детерминант, вызывающих коммуникативные сложности в сфере общения врача и пациента [9]. Позднее понимание процесса коммуникации всё более усложнялось, что позволило концептуализировать его особенности для сферы здравоохранения и послужить основой для плодотворного развития этого направления коммуникативной науки. Итак, улучшение ухода за пациентами за счёт улучшения коммуникации в настоящее время рассматривается как одна из плодотворных областей развития коммуникативной и медицинской наук.

В-одиннадцатых, производится анализ взаимосвязи процесса старения и языка посредством описания характерных для пожилых людей изменений языковых и коммуникативных способностей. Одно из направлений центрируется на исследовании влияния на коммуникативный процесс когнитивного старения, на изучении нарушений коммуникативных способностей при старении, отягощённом нейродегенеративными заболеваниями [15, 20, 27, 31, 59, 69]. Другое направление исследований посвящено изучению особенностей изменения языка и коммуникации в процессе здорового старения, выявлению закономерностей языковой деградации («распада языка», «языковой эрозии»), в том числе с целью определения ранних маркеров деменции или факторов устойчивости к ней [34].

В-двенадцатых, востребованным современностью является исследование коммуникативных особенностей и практик, характерных для межпоколенческого общения с пожилыми людьми, страдающими нейродегенеративными расстройствами и / или ослабленными иными заболеваниями, влияющими на использование языка [16].

В-тринадцатых, актуальной темой геронтолингвистических изысканий является анализ влияния просмотра ТВ на языковую деятельность пожилых людей, на их когнитивный статус; кроме того, начинают появляться исследования, посвящённые изучению особенностей использования медиа в стареющем обществе [71].

В-четырёхнадцатых, интересным направлением является анализ возможностей эффективного влияния на здоровье в позднем возрасте с помощью выстраивания позитивной коммуникативной среды, в том числе за счёт теоретической концептуализации особенностей межпоколенческого общения с пожилыми [26, 48, 67, 73, 85].

В-пятнадцатых, редко проблематизируемой темой в геронтолингвистической области является феномен жестокого обращения с пожилыми людьми, проявляемый, например, как эмоциональное насилие в форме вербальных действий, выражающих унижение, высмеивание взглядов, ценностей пожилого человека, высказывание пренебрежения по отношению к нему, причиняющих страдания, снижающих социально-психологическое качество жизни престарелого человека [24].

В-шестнадцатых, исследование связи старения, коммуникации и гендерной проблематики [40].

Опираясь на знание о ведущих направлениях изучения связи языка, коммуникации и геронтологической проблематики, можно сформулировать основные причины важности рассмотрения лингвистической стороны процесса старения.

Во-первых, язык обладает высоким потенциалом в сфере здоровья и здравоохранения (язык является (1) эффективным инструментом диагностирования возрастных нейродегенеративных заболеваний, (2) адекватным инструментом описания языковых и коммуникативных особенностей, проявляющихся при подобных расстройствах; (3) язык является плодотворным инструментом исследования языковых способностей людей раннего и среднего возрастов с целью ранней диагностики степени вероятности развития возрастных нейродегенеративных заболеваний и их раннего упреждения; (4) для профилактики подобных заболеваний себя зарекомендовали специальные лингвистические методики).

Во-вторых, признана высокая роль адаптирующей коммуникации (в качестве аккомодации к возрасту старости, к болезни, к необходимому лечению) в повышении качества жизни, в том числе и пожилых людей.

В-третьих, язык обладает высоким потенциалом в сфере реализации своей социально-конструктивистской функции. Во многом система идей «успешного старения» реализуется за счёт знания, получаемого посредством внимательного исследования связи языка и старения: получения представлений о возможностях языка в формировании и транслировании представлений о старости, поддержании коммуникативного благополучия пожилых людей.

Заключение. Анализ источников по исследуемой тематике с точки зрения сопоставления интересов к языку и коммуникации со стороны различных научных направлений, позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии исследований в области геронтолингвистических исследований.

Во-первых, интегративных изысканий, вбирающих в себя разнообразие методологических подходов и сторон исследованию лингвистической и коммуникативной стороны феномена старения, пока не существует. Но большая часть из рассмотренных исследований этой области, опирается на понимание старения как интегрального процесса, сочетающий в себе различные детерминанты: демонстрирующего и его физиологическую природу, и влияние на его протекание внешних факторов, и важность личностных характеристик индивида. Во-вторых, если попытаться проследить наиболее общие интенции в исследовании связи старения и языка, то перед нами предстанут две магистральные области интереса: первая анализирует связи языка, коммуникации, процесса старения и здоровья, вторая — направлена на раскрытие социально-конструктивистской природы языка и коммуникации. В-третьих, в рамках геронтолингвистических изысканий осуществляется поиск возможностей повышения качества жизни в позднем возрасте. В качестве одной из таких возможностей постулируется формирование представлений о продуктивном старении, под которым понимается создание оптимальных условий для повышения качества жизни.

В целом, для создания системы эффективного управления процессом старения необходимо применение всего имеющегося геронтологического знания, в том числе раскрывающего особенности лингвистической стороны процесса старения. Понимание того, какие именно стороны и в какой степени определяют процесс старения даёт возможность осознания основных слагаемых этого знания и его развития. В результате, единое знание о старении может послужить основой управления процессом старения.

Список литературы

1. Лантюхова Н. Н. Исследование синтаксической организации русских письменных текстов лиц позднего возраста. Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе (Актуальные проблемы изучения русского языка), 2019. № 29. С. 36-39.
2. Папина Л. А. Сложности формирования единого геронтологического знания. КАНТ. 2020. № 4 (37). С. 291.
3. Backhaus P. Coming to terms with age: some linguistic consequences of population ageing. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) *The Demographic challenge: a handbook about Japan*. Leiden, Boston. 2008. pp. 455-472.
4. Backhaus P. Politeness in institutional elderly care in Japan: A cross-cultural comparison. *Journal of politeness research*, 2009. Vol. 5. pp. 53-71.
5. Berkman L., Syme L. Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda county residents. *American journal of epidemiology*. Malden, 1979. Vol. 109. No 2. pp. 186-204.
6. Berman L., Sobkowska-Ashcroft I. The old in language and literature. *Language and Communication*, 1986. Vol. 6. pp.139-144.
7. Bower A. R. The Value of Talk: Critical Perspectives on Studying the Speech Practices of Elderly People in the United States with Implications for Japan. In Matsumoto Y. (ed.) *Faces of Ageing: the lived experience of the elderly in Japan*, 2011. Standford University Press pp. 137-169.
8. Cai D., Giles H., Noels K. A. Elderly perceptions of communication with older and younger adults in China: Implications for mental health. *Journal of Applied Communication Research*, 1998. Vol. 26. pp. 32-51.

9. Cargile A. C., Giles H. Intercultural communication training: Review, critique, and a new theoretical framework. In B. Burleson (ed), *Communication yearbook 19*, 1996. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 385-423.
10. Cornwell B., Laumann E. O., Schumm L. P. The social connectedness of older adults: A national profile. *American sociological review*. Washington, 2008. Vol. 73. No 2. pp. 185-203.
11. Coupland N., Coupland J., Giles H. *Language, society and the elderly: Discourse, identity and ageing*. Oxford: Basil Blackwell. 1991.
12. Coupland J., Coupland N., Grainger K. Intergenerational discourse: Contextual versions of aging and elderliness. *Aging in society*, 1991. Vol. 11. pp. 189-208.
13. Coupland J., Coupland N. Discourses of ageism and anti-ageism. *Journal of ageing studies*, 1993. Vol. 7. No 3. pp. 279-301.
14. Coupland N., Coupland J. Ageing, ageism and anti-ageism: moral stance in geriatric medical discourse. In Hamilton H. (ed) *Language and Communication in Old Age: multidisciplinary perspectives*, 1998.
15. Craik F. I. M., Salthouse T. A. (eds). *The handbook of aging and cognition* 3rd ed. New York, NY: Psychology Press. 2007.
16. Davis B. H., Smith M. K. Dementia Care Communication in Residential Facilities: Intersections of Training and Research. In Backhaus P. (ed.) *Communication in Elderly Care: Cross-Cultural Perspectives*, 2011. pp. 20-39. Continuum International Publishing Group.
17. Davis R. H., Kubey R. W. Growing older on television and with television. In D. Pearl, L. Bouthilet, J. Lazar (eds.) *Television and behavior*, 1982. Rockville, Md.: National Institute of Mental Health.
18. Evans S. That lot up there and we down here: Social interaction and a sense of community in a mixed tenure UK retirement village. *Ageing and society*. Cambridge, 2009. Vol. 29. No 2. pp. 199-216.
19. Featherstone M., Hepworth M. Images of ageing: Cultural representations of later life. *The Cambridge handbook of age and ageing*, 2005. pp. 354-362.
20. Ferguson A., Spencer E., Craig H., Colyvas K. (Propositional idea density in women's written language over the lifespan: Computerized analysis. *Cortex*, 2014. Vol. 55, pp. 107-121.
21. Giles H. Cross-generational health communication. In T. L. Thompson (ed.) *Encyclopedia of health communication*, 2014. Vol. 1, Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 273-275.
22. Giles H., Coupland N., Wiemann, J. M. *Communication, Health and the Elderly*, 1990. Manchester: Manchester University Press.
23. Giles H., Gasiorek J. Intergenerational communication practices. In K. W. Schaie, S. L. Willis (eds.) *Handbook of the psychology of aging*, 2011. Vol. 2, London, UK: Academic Press. pp. 233-244.
24. Giles H., Helmle J. Elder abuse and neglect: A communication framework. In Duszak A., Okulska U. (eds) *Language, Culture and the Dynamics of Age. Language, power, and social process*, 2011. Walter de Gruyter. pp. 223-252.
25. Giles H., Ryan E. B., Anas A. P. Perceptions of intergenerational communication by young, middle-aged, and older Canadians. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 2008. Vol. 40. pp. 267-278.
26. Fowler C., Gasiorek J., Giles H. The Role of Communication in aging well: introducing the communicative ecology model of successful aging. *Communication Monographs*, 2015. Vol. 82, No. 4, pp. 431-457.
27. Garrard P., Maloney L., Hodges J., Patterson, K. The effects of very early Alzheimer's disease on the characteristics of writing by a renowned author. *Brain*, 2005. Vol. 128. pp. 250-260.
28. Gilleard C., Higgs P. Ageing without agency: Theorizing the fourth age. *Ageing and mental health*, 2010. Vol. 14. No 2. pp. 121-128.
29. Gold D. P., Arbuckle T. Y., Andres D. Verbosity in Older Adults. In Hummert M. L., Wiemann J. M., Nussbaum J. F. *Interpersonal Communication in Older Adulthood Interdisciplinary Theory and Research*, 1994. pp. 107-129.
30. Greene M. G., Adelman R. D., Friedmann E., Charon, R. Older patient satisfaction with communication during an initial medical encounter. *Social science and medicine*, 1994. Vol. 38. pp. 1279-1288.
31. Hamilton H. (ed) *Language and communication in old age: Multidisciplinary perspectives*, 1999. New York, NY: Garland.
32. Hamilton H., Wen-ying Sylvia Chou (eds) *Routledge Handbook of Language and Health Communication*, 2014.

33. Harwood J., Giles H., Ryan, E. B. Aging, communication, and intergroup theory: Social identity and intergenerational communication. In J. F. Nussbaum, J. Coupland (eds) *Handbook of communication and aging research*, 1995. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. pp. 133-160.
34. Henderson A. Cognition, language, and aging. In Henderson A., Wright H. H. (eds) *Cognition, language and ageing*, 2016. pp. 1-12.
35. Huang L., Zhu Q. Pragmatic Studies in Geronto-linguistics: Perspectives, Methods and Topics // *Journal of East China Normal University. Philosoph*, 2019. Vol. 51, № 6. P. 129-137.
36. Hummert M. L. Age Stereotypes and Aging. In K. W. Schaie, S. L. Willis (eds) *Handbook of the psychology of aging*, 2010. pp. 249-264.
37. Hummert M., Shaner J., Garstka T., Henry C. Communication with older adults: The influence of age stereotypes, context, and communicator age. *Human Communication Research*, 1998. Vol. 25. pp. 125-152.
38. Hurlbert J. S., Haines V. A., Beggs J. J. Core networks and tie activation: What kinds of routine networks allocate resources in non-routine situations? *American sociological review*. Washington, 2000. Vol. 65. No 4. pp. 598-618.
39. Inoue F. Population Ageing and Language Change. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) *The Demographic Challenge: A Handbook about Japan*, 2008. Leiden, Boston. pp. 473-490.
40. Iwao S. Gendered Age. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) *The Demographic challenge: a handbook about Japan*, 2008. Leiden, Boston. pp. 531-546.
41. Kielkiewicz-Janowiak A. Discursive construction of (old) age identity in Poland. In Duszak A., Okulska U. (eds) *Language, culture and the dynamics of age. Language, power, and social process*, 2011. Walter de Gruyter. pp. 253-272.
42. Kissane D., Bultz B., Butow P., Finlay I. (eds) *Handbook of Communication in Oncology and Palliative Care*, 2010.
43. Korzeny F., Neuendorf K. Television viewing and the self-concept of the elderly. *Journal of Communication*, 1980. Vol. 30. pp. 71-80.
44. Kreps G. L. Health Communication, History of. In Thompson T. L. (ed) *Encyclopedia of Health Communication*, 2014. pp. 567.
45. Leonard M., Graham S., Bonacum D. The human factor: The critical importance of effective teamwork and communication in providing safe care. *Quality and Safety in Health Care*, 2004. Vol. 13. pp. 185-190.
46. Levy B. R. Stereotype embodiment: A psychosocial approach to aging. *Current Directions in Psychological Science*, 2009. Vol. 18. pp. 332-336.
47. Lloyd L., Calnan M., Cameron A., Seymour J., Smith R. Identity in the fourth age: Perseverance, adaptation and maintaining dignity. *Ageing and society*, 2014. Vol. 34. No 1. pp. 1-19.
48. Lubinski R. Creating a positive communication environment in long-term care. In Backhaus P. (ed.) *Communication in elderly care: cross-cultural perspectives*, 2011. Continuum International Publishing Group. pp. 40-61.
49. Noels K. A., Giles H., Gallois C., Ng S. H. Intergenerational communication and psychological adjustment: a cross-cultural examination of Hong Kong and Australian adults. In M. L. Hummert, J. F. Nussbaum (eds), *Aging, communication, and health: linking research and practice for successful aging*, 2001. Lawrence Erlbaum: Mahwah, NJ. pp. 249-278.
50. Makoni S. B. From elderspeak to gerontolinguistics: sociolinguistics myths. In García O., Flores N., Spotti M. (eds) *The Oxford handbook of language and society*, 2017. Oxford University Press. pp. 369-380.
51. Makoni S., Grainger K. Comparative gerontolinguistics: characterizing discourses in caring institutions in South Africa and the United Kingdom. *Journal of Social Issues*, 2002. Vol. 58 (4). pp. 805-824.
52. Mamoru N. (ed.) (2003) *Kōreisha kea no manā to kotobazukai* [Manners and language usage in caring for the elderly]. Tokyo: Hitotsubashi Shuppan.
53. Matsumoto Y. Reframing to regain identity with humor: what conversations with friends suggest for communication in elderly care. In Backhaus P. (ed) *Communication in elderly care: cross-cultural perspectives*, 2016. Continuum International Publishing Group. pp. 145-165.

54. Matsumoto Y. Beyond stereotypes of old age: the discourse of old Japanese women. In Matsumoto Y. (ed) *Faces of Ageing: the lived experience of the elderly in Japan*, 2011. Stanford University Press. pp. 194-212.
55. Mayumi U., Yoshioka Y. *Kōreisha komyunikētā kōza: Tekisuto* [Lessons for communicators with the elderly: Text], 2004. Tokyo: Nichii Gakkan.
56. Meisner B. A., Levy B. R. Age stereotypes' influence on health: stereotype embodiment theory. In Bengtson V. L., Settersten R. A. (eds) *Handbook of theories of aging*, 2016. Chapter 14.
57. Nussbaum J. F., Thompson T., Robinson J. D. *Communication and Aging*, 1989. New York: Harper and Row Publishers.
58. Ong M. S., Coiera, E. A systematic review of failures in handoff communication during intrahospital transfers. *Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety*, 2011. Vol. 37. pp. 274-284.
59. Ramanathan V. *Alzheimer discourse: Some sociolinguistic dimensions*, 1997. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
60. Ramig L. A. Aging speech: physiological and sociological aspects. *Lunguclge and Communication*, 1986. Vol. 6. pp. 25-34.
61. Ramig L. A., Ringel R. L. Effects of physiological aging on selected acoustic characteristics of voice. *Journal of Speech and Hearing Research*, 1983. Vol. 26. pp. 22-29.
62. Robinson J. D., Skill T., Turner J. W. Media Usage Patterns and Portrayals of Seniors. In Nussbaum J. F., Coupland J. (eds) *Handbook of communication and aging research*, 2004. pp. 162-184.
63. Rosenfeld E. T. When and how old age is relevant in discourse of the elderly: a case study of Georgia O'Keeffe / Hamilton H. (ed.) *Language and communication in old age: Multidisciplinary perspectives*, 1999. New York, NY: Garland. pp. 209-232.
64. Ryan E. B., Capadano H. Age perceptions and evaluative reactions toward adult speakers. *Journal of Gerontology*, 1978. Vol. 33. pp. 98-102.
65. Ryan E.B., Giles H., Bartolucci G., Henwood K. Psychological and social psychological components of communication by and with the elderly. *Language and Communication*, 1986. Vol. 6. pp. 1-24.
66. Ryan E. B., Kwong See S., Meneer B. W., Trovato D. Age-based perceptions of conversational skills among younger and older adults. In Hummert M. L., Wiemann J. M., Nussbaum J. F. (eds) *Interpersonal Communication in Older Adulthood Interdisciplinary Theory and Research*, 1994.
67. Ryan E. B., Meredith S. D., MacLean M. J., Orange J. B. Changing the way we talk with elders: promoting health using the communication enhancement model. *Journal of ageing and human development*, 1995. Vol. 41 (2). pp. 89-107.
68. Ryan E. B., See S.-K., Meneer W. B., Trovato D. Age-based perceptions of language performance among younger and older adults. *Communication Research*, 1992. Vol. 19. pp. 423-443.
69. Schrauf R., Mueller N. (eds) *Dialogue and dementia: cognitive and communicative resources for engagement*, 2014. New York, NY: Psychology Press.
70. Seebus I. Multiple identities of elderly Dutch-Australians. In Duszak A., Okulska U. (eds) *Language, culture and the dynamics of age. Language, power, and social process*, 2011. Walter de Gruyter. pp. 53-76.
71. Shiraishi N. Media Use in the Ageing Society. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) *The demographic challenge: a handbook about Japan*, 2008. Leiden, Boston. pp. 513-530.
72. Street R. L. Accommodation in medical consultations. In H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (eds) *Contexts of accommodation: developments in applied sociolinguistics*, 1991. New York, NY: Cambridge University Press pp. 131-156.
73. Street R. Communication in medical encounters: an ecological perspective. In T. L. Thompson (ed) *The routledge handbook of health communication*, 2003. New York, NY: Routledge. pp. 77-104.
74. Sutcliffe K., Lewton E., Rosenthal M. Communication failures: an insidious contributor to medical mishaps. *Academic Medicine Special Theme: Physician-Patient Relationships*, 2004. Vol. 79. pp. 186-194.
75. Taylor B. C. Frailty, language and elderly identity: interpretive and critical perspectives on the aging subject. In Hummert M. L., Wiemann J. M., Nussbaum J. F. *Interpersonal communication in older adulthood: interdisciplinary theory and research*, 1994. pp. 162-184.
76. Thimm C. *Alter-Sprache-Geschlecht: Sprach und kommunikation swissenschaftliche Perspektiven auf das höhere Lebensalter*. Frankfurt/Main: Campus, 2000.

77. Thompson T. L. Introduction. In Thompson T. L. (ed) Encyclopedia of Health Communication, 2014. pp. XXXV.
78. Watson B. M., Gallois C. Communication accommodation between patients and health professionals: Themes and strategies in satisfying and unsatisfying encounters. International Journal of Applied Linguistics, 1999. Vol. 9. pp. 167-184.
79. Watson B. M., Jones L., Hewett D. J. Accommodating Health. In Giles H. (ed) Accommodation theory: negotiating personal relationships and social identities across contexts. Cambridge University Press. pp. 152-168.
80. West K., Glynos J. «Death talk», «loss talk» and identification in the process of ageing. Ageing and society, 2016. Cambridge. Vol. 36. No 2, pp. 225-239.
81. Williams A., Coupland N. Epilogue: The socio-political framing of aging and communication research. Journal of Applied Communication Research, 1998. Vol. 26. pp.139-154.
82. Williams A., Giles, H. Retrospecting intergenerational conversations: The perspective of young adults. Human Communication Research, 1996. Vol. 23. pp. 220-250.
83. Williams K. N. Elderspeak in institutional care for older adults. In Backhaus P. (ed.) Communication in elderly care: cross-cultural perspectives, 2011. Continuum International Publishing Group. pp. 1-19.
84. Wright K. B., Sparks L., O'Hair H. D. Health communication in the 21st century, 2013. Maldon: MA: Wiley-Blackwell.
85. Wu Q. L., Street R. L. The Communicative ecology of chinese patients' experiences with health care. Journal of Health Communication, 2020. pp. 1-11.
86. Yan Z., Yin G. Gerontolinguistics and its prospect in the health care industry in Shandong. US-China Education Review, 2020. Vol. 10. № 2. pp. 79-88.
87. Zhang Y. B., Harwood J., Williams A., Ylänn-McEwen V., The portrayal of older adults in advertising. Journal of Language and Social Psychology. 2006. Vol. 25 No 3. pp. 264-282.

Авторская справка

ПАШИНА Людмила Александровна, кандидат философских наук, доцент, Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк, Россия. E-mail: lapash@yandex.ru.

UDC 314/316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.28

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF GERONTOLINGUISTIC PARADIGM OF KNOWLEDGE

L. A. Pashina

Siberian State Industrial University, Novokuznetsk (Russia)

Introduction. The article considers the formation of scientific interest in the study of language mediation of the phenomenon of aging. The reasons for the demand for gerontolinguistic knowledge are analyzed, and the arguments justifying its relevance are given.

Methods. The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, logical methods).

Results. The article deals with the constitution of scientific interest in the study of language mediation of the phenomenon of aging. The reasons for the demand for gerontolinguistic knowledge are analyzed, and the arguments justifying its relevance are given. The article describes the main directions of research on the relationship between language and the aging process, as well as existing interpretations of the term "gerontolinguistics".

Conclusion. It is shown that gerontolinguistics is becoming an interdisciplinary field that accumulates the efforts of the entire body of gerontological knowledge aimed both at maintaining the language health of the aging population and at implementing the strategy of active and healthy aging in the transition to a hyper-age society.

Keywords: gerontolinguistics, aging, gerontology, language aging, language health of the elderly, well-being of the elderly's linguistic life.

References

1. Lantyukhova N. N. Issledovanie sintaksicheskoy organizatsii russkikh pismennykh tekstov lits pozdnego vozrasta. Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v VUZe i shkole (Aktual'nye problemy izucheniya russkogo yazyka) [Study of the syntactic organization of Russian written texts of people of late age. Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at a university and school (Current problems of studying the Russian language)], 2019. № 29. P. 36-39.
2. Pashina L. A. Slozhnosti formirovaniya edinogo gerontologicheskogo znaniya [Difficulties in forming a single gerontological knowledge.]. KANT. 2020. № 4 (37). P. 291.
3. Backhaus P. Coming to terms with age: some linguistic consequences of population ageing. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) The Demographic challenge: a handbook about Japan. Leiden, Boston. 2008. pp. 455-472.
4. Backhaus P. Politeness in institutional elderly care in Japan: A cross-cultural comparison. Journal of politeness research, 2009. Vol. 5. pp. 53-71.
5. Berkman L., Syme L. Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda county residents. American journal of epidemiology. Malden, 1979. Vol. 109. No 2. pp. 186-204.
6. Berman L., Sobkowska-Ashcroft I. The old in language and literature. Language and Communication, 1986. Vol. 6. pp.139-144.
7. Bower A. R. The Value of Talk: Critical Perspectives on Studying the Speech Practices of Elderly People in the United States with Implications for Japan. In Matsumoto Y. (ed.) Faces of Ageing: the lived experience of the elderly in Japan, 2011. Stanford University Press pp. 137-169.
8. Cai D., Giles H., Noels K. A. Elderly perceptions of communication with older and younger adults in China: Implications for mental health. Journal of Applied Communication Research, 1998. Vol. 26. pp. 32-51.
9. Cargile A. C., Giles H. Intercultural communication training: Review, critique, and a new theoretical framework. In B. Burleson (ed), Communication yearbook 19, 1996. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 385-423.
10. Comwell B., Laumann E. O., Schumm L. P. The social connectedness of older adults: A national profile. American sociological review. Washington, 2008. Vol. 73. No 2. pp. 185-203.
11. Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, society and the elderly: Discourse, identity and ageing. Oxford: Basil Blackwell. 1991.
12. Coupland J., Coupland N., Grainger K. Intergenerational discourse: Contextual versions of aging and elderliness. Aging in society, 1991. Vol. 11. pp. 189-208.
13. Coupland J., Coupland N. Discourses of ageism and anti-ageism. Journal of ageing studies, 1993. Vol. 7. No 3. pp. 279-301.
14. Coupland N., Coupland J. Ageing, ageism and anti-ageism: moral stance in geriatric medical discourse. In Hamilton H. (ed) Language and Communication in Old Age: multidisciplinary perspectives, 1998.
15. Craik F. I. M., Salthouse T. A. (eds). The handbook of aging and cognition 3rd ed. New York, NY: Psychology Press. 2007.
16. Davis B. H., Smith M. K. Dementia Care Communication in Residential Facilities: Intersections of Training and Research. In Backhaus P. (ed.) Communication in Elderly Care: Cross-Cultural Perspectives, 2011. pp. 20-39. Continuum International Publishing Group.
17. Davis R. H., Kubey R. W. Growing older on television and with television. In D. Pearl, L. Bouthilet, J. Lazar (eds.) Television and behavior, 1982. Rockville, Md.: National Institute of Mental Health.
18. Evans S. That lot up there and we down here: Social interaction and a sense of community in a mixed tenure UK retirement village. Ageing and society. Cambridge, 2009. Vol. 29. No 2. pp. 199-216.
19. Featherstone M., Hepworth M. Images of ageing: Cultural representations of later life. The Cambridge handbook of age and ageing, 2005. pp. 354-362.
20. Ferguson A., Spencer E., Craig H., Colyvas K. (Propositional idea density in women's written language over the lifespan: Computerized analysis. Cortex, 2014. Vol. 55, pp. 107-121.
21. Giles H. Cross-generational health communication. In T. L. Thompson (ed.) Encyclopedia of health communication, 2014. Vol. 1, Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 273-275.

22. Giles H., Coupland N., Wiemann, J. M. *Communication, Health and the Elderly*, 1990. Manchester: Manchester University Press.
23. Giles H., Gasiorek J. Intergenerational communication practices. In K. W. Schaie, S. L. Willis (eds.) *Handbook of the psychology of aging*, 2011. Vol. 2, London, UK: Academic Press. pp. 233-244.
24. Giles H., Helmle J. Elder abuse and neglect: A communication framework. In Duszak A., Okulska U. (eds) *Language, Culture and the Dynamics of Age. Language, power, and social process*, 2011. Walter de Gruyter. pp. 223-252.
25. Giles H., Ryan E. B., Anas A. P. Perceptions of intergenerational communication by young, middle-aged, and older Canadians. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 2008. Vol. 40. pp. 267-278.
26. Fowler C., Gasiorek J., Giles H. The Role of Communication in aging well: introducing the communicative ecology model of successful aging. *Communication Monographs*, 2015. Vol. 82, No. 4. pp. 431-457.
27. Garrard P., Maloney L., Hodges J., Patterson, K. The effects of very early Alzheimer's disease on the characteristics of writing by a renowned author. *Brain*, 2005. Vol. 128. pp. 250-260.
28. Gilleard C., Higgs P. Ageing without agency: Theorizing the fourth age. *Ageing and mental health*, 2010. Vol. 14. No 2. pp. 121-128.
29. Gold D. P., Arbuckle T. Y., Andres D. Verbosity in Older Adults. In Hummert M. L., Wiemann J. M., Nussbaum J. F. *Interpersonal Communication in Older Adulthood Interdisciplinary Theory and Research*, 1994. pp.107-129.
30. Greene M. G., Adelman R. D., Friedmann E., Charon, R. Older patient satisfaction with communication during an initial medical encounter. *Social science and medicine*, 1994. Vol. 38. pp. 1279-1288.
31. Hamilton H. (ed) *Language and communication in old age: Multidisciplinary perspectives*, 1999. New York, NY: Garland.
32. Hamilton H., Wen-ying Sylvia Chou (eds) *Routledge Handbook of Language and Health Communication*, 2014.
33. Harwood J., Giles H., Ryan, E. B. Aging, communication, and intergroup theory: Social identity and intergenerational communication. In J. F. Nussbaum, J. Coupland (eds) *Handbook of communication and aging research*, 1995. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. pp. 133-160.
34. Henderson A. Cognition, language, and aging. In Henderson A., Wright H. H. (eds) *Cognition, language and ageing*, 2016. pp. 1-12.
35. Huang L., Zhu Q. Pragmatic Studies in Geronto-linguistics: Perspectives, Methods and Topics // *Journal of East China Normal University. Philosoph*, 2019. Vol. 51, № 6. P. 129-137.
36. Hummert M. L. Age Stereotypes and Aging. In K. W. Schaie, S. L. Willis (eds) *Handbook of the psychology of aging*, 2010. pp. 249-264.
37. Hummert M., Shaner J., Garstka T., Henry C. Communication with older adults: The influence of age stereotypes, context, and communicator age. *Human Communication Research*, 1998. Vol. 25. pp. 125-152.
38. Hurlbert J. S., Haines V. A., Beggs J. J. Core networks and tie activation: What kinds of routine networks allocate resources in non-routine situations? *American sociological review*. Washington, 2000. Vol. 65. No 4. pp. 598-618.
39. Inoue F. Population Ageing and Language Change. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) *The Demographic Challenge: A Handbook about Japan*, 2008. Leiden, Boston. pp. 473-490.
40. Iwao S. Gendered Age. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) *The Demographic challenge: a handbook about Japan*, 2008. Leiden, Boston. pp. 531-546.
41. Kielkiewicz-Janowiak A. Discursive construction of (old) age identity in Poland. In Duszak A., Okulska U. (eds) *Language, culture and the dynamics of age. Language, power, and social process*, 2011. Walter de Gruyter. pp. 253-272.
42. Kissane D., Bultz B., Butow P., Finlay I. (eds) *Handbook of Communication in Oncology and Palliative Care*, 2010.
43. Korzeny F., Neuendorf K. Television viewing and the self-concept of the elderly. *Journal of Communication*, 1980. Vol. 30. pp. 71-80.
44. Kreps G. L. Health Communication, History of. In Thompson T. L. (ed) *Encyclopedia of Health Communication*, 2014. pp. 567.
45. Leonard M., Graham S., Bonacum D. The human factor: The critical importance of effective teamwork and communication in providing safe care. *Quality and Safety in Health Care*, 2004. Vol. 13. pp. 185-190.

46. Levy B. R. Stereotype embodiment: A psychosocial approach to aging. *Current Directions in Psychological Science*, 2009. Vol. 18. pp. 332-336.
47. Lloyd L., Calnan M., Cameron A., Seymour J., Smith R. Identity in the fourth age: Perseverance, adaptation and maintaining dignity. *Ageing and society*, 2014. Vol. 34. No 1. pp. 1-19.
48. Lubinski R. Creating a positive communication environment in long-term care. In Backhaus P. (ed.) *Communication in elderly care: cross-cultural perspectives*, 2011. Continuum International Publishing Group. pp. 40-61.
49. Noels K. A., Giles H., Gallois C., Ng S. H. Intergenerational communication and psychological adjustment: a cross-cultural examination of Hong Kong and Australian adults. In M. L. Hummert, J. F. Nussbaum (eds), *Aging, communication, and health: linking research and practice for successful aging*, 2001. Lawrence Erlbaum: Mahwah, NJ. pp. 249-278.
50. Makoni S. B. From elderspeak to gerontolinguistics: sociolinguistics myths. In García O., Flores N., Spotti M. (eds) *The Oxford handbook of language and society*, 2017. Oxford University Press. pp. 369-380.
51. Makoni S., Grainger K. Comparative gerontolinguistics: characterizing discourses in caring institutions in South Africa and the United Kingdom. *Journal of Social Issues*, 2002. Vol. 58 (4). pp. 805-824.
52. Mamoru N. (ed.) (2003) *Kōreisha kea no manā to kotobazukai* [Manners and language usage in caring for the elderly]. Tokyo: Hitotsubashi Shuppan.
53. Matsumoto Y. Reframing to regain identity with humor: what conversations with friends suggest for communication in elderly care. In Backhaus P. (ed) *Communication in elderly care: cross-cultural perspectives*, 2016. Continuum International Publishing Group. pp. 145-165.
54. Matsumoto Y. Beyond stereotypes of old age: the discourse of old Japanese women. In Matsumoto Y. (ed) *Faces of Ageing: the lived experience of the elderly in Japan*, 2011. Stanford University Press. pp. 194-212.
55. Mayumi U., Yoshioka Y. *Kōreisha komyunikētā kōza: Tekisuto* [Lessons for communicators with the elderly: Text], 2004. Tokyo: Nichii Gakkan.
56. Meisner B. A., Levy B. R. Age stereotypes' influence on health: stereotype embodiment theory. In Bengtson V. L., Settersten R. A. (eds) *Handbook of theories of aging*, 2016. Chapter 14.
57. Nussbaum J. F., Thompson T., Robinson J. D. *Communication and Aging*, 1989. New York: Harper and Row Publishers.
58. Ong M. S., Coiera, E. A systematic review of failures in handoff communication during intrahospital transfers. *Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety*, 2011. Vol. 37. pp. 274-284.
59. Ramanathan V. *Alzheimer discourse: Some sociolinguistic dimensions*, 1997. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
60. Ramig L. A. Aging speech: physiological and sociological aspects. *Language and Communication*, 1986. Vol. 6. pp. 25-34.
61. Ramig L. A., Ringel R. L. Effects of physiological aging on selected acoustic characteristics of voice. *Journal of Speech and Hearing Research*, 1983. Vol. 26. pp. 22-29.
62. Robinson J. D., Skill T., Turner J. W. Media Usage Patterns and Portrayals of Seniors. In Nussbaum J. F., Coupland J. (eds) *Handbook of communication and aging research*, 2004. pp. 162-184.
63. Rosenfeld E. T. When and how old age is relevant in discourse of the elderly: a case study of Georgia O'Keeffe / Hamilton H. (ed.) *Language and communication in old age: Multidisciplinary perspectives*, 1999. New York, NY: Garland. pp. 209-232.
64. Ryan E. B., Capadano H. Age perceptions and evaluative reactions toward adult speakers. *Journal of Gerontology*, 1978. Vol. 33. pp. 98-102.
65. Ryan E.B., Giles H., Bartolucci G, Henwood K. Psychological and social psychological components of communication by and with the elderly. *Language and Communication*, 1986. Vol. 6. pp. 1-24.
66. Ryan E. B., Kwong See S., Meneer B. W., Trovato D. Age-based perceptions of conversational skills among younger and older adults. In Hummert M. L., Wiemann J. M., Nussbaum J. F. (eds) *Interpersonal Communication in Older Adulthood Interdisciplinary Theory and Research*, 1994.
67. Ryan E. B., Meredith S. D., MacLean M. J., Orange J. B. Changing the way we talk with elders: promoting health using the communication enhancement model. *Journal of ageing and human development*, 1995. Vol. 41 (2). pp. 89-107.
68. Ryan E. B., See S.-K., Meneer W. B., Trovato D. Age-based perceptions of language performance among younger and older adults. *Communication Research*, 1992. Vol. 19. pp. 423-443.

69. Schrauf R., Mueller N. (eds) Dialogue and dementia: cognitive and communicative resources for engagement, 2014. New York, NY: Psychology Press.
70. Seebus I. Multiple identities of elderly Dutch-Australians. In Duszak A., Okulska U. (eds) Language, culture and the dynamics of age. Language, power, and social process, 2011. Walter de Gruyter. pp. 53-76.
71. Shiraishi N. Media Use in the Ageing Society. In Coulmas F., Conrad H., Schad-Seifert A., Vogt G. (eds) The demographic challenge: a handbook about Japan, 2008. Leiden, Boston. pp. 513-530.
72. Street R. L. Accommodation in medical consultations. In H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (eds) Contexts of accommodation: developments in applied sociolinguistics, 1991. New York, NY: Cambridge University Press pp. 131-156.
73. Street R. Communication in medical encounters: an ecological perspective. In T. L. Thompson (ed) The routledge handbook of health communication, 2003. New York, NY: Routledge. pp. 77-104.
74. Sutcliffe K., Lewton E., Rosenthal M. Communication failures: an insidious contributor to medical mishaps. Academic Medicine Special Theme: Physician-Patient Relationships, 2004. Vol. 79. pp. 186-194.
75. Taylor B. C. Frailty, language and elderly identity: interpretive and critical perspectives on the aging subject. In Hummert M. L., Wiemann J. M., Nussbaum J. F. Interpersonal communication in older adulthood: interdisciplinary theory and research, 1994. pp. 162-184.
76. Thimm C. Alter-Sprache-Geschlecht: Sprach und kommunikation swissenschaftliche Perspektiven auf das höhere Lebensalter. Frankfurt/Main: Campus, 2000.
77. Thompson T. L. Introduction. In Thompson T. L. (ed) Encyclopedia of Health Communication, 2014. pp. XXXV.
78. Watson B. M., Gallois C. Communication accommodation between patients and health professionals: Themes and strategies in satisfying and unsatisfying encounters. International Journal of Applied Linguistics, 1999. Vol. 9. pp. 167-184.
79. Watson B. M., Jones L., Hewett D. J. Accommodating Health. In Giles H. (ed) Accommodation theory: negotiating personal relationships and social identities across contexts. Cambridge University Press. pp. 152-168.
80. West K., Glynos J. «Death talk», «doss talk» and identification in the process of ageing. Ageing and society, 2016. Cambridge. Vol. 36. No 2, pp. 225-239.
81. Williams A., Coupland N. Epilogue: The socio-political framing of aging and communication research. Journal of Applied Communication Research, 1998. Vol. 26. pp.139-154.
82. Williams A., Giles, H. Retrospecting intergenerational conversations: The perspective of young adults. Human Communication Research, 1996. Vol. 23. pp. 220-250.
83. Williams K. N. Elderspeak in institutional care for older adults. In Backhaus P. (ed.) Communication in elderly care: cross-cultural perspectives, 2011. Continuum International Publishing Group. pp. 1-19.
84. Wright K. B., Sparks L., O'Hair H. D. Health communication in the 21st century, 2013. Maldon: MA: Wiley-Blackwell.
85. Wu Q. L., Street R. L. The Communicative ecology of chinese patients' experiences with health care. Journal of Health Communication, 2020. pp. 1-11.
86. Yan Z., Yin G. Gerontolinguistics and its prospect in the health care industry in Shandong. US-China Education Review, 2020. Vol. 10. № 2. pp. 79-88.
87. Zhang Y. B., Harwood J., Williams A., Ylänne-McEwen V., The portrayal of older adults in advertising. Journal of Language and Social Psychology. 2006. Vol. 25 No 3. pp. 264-282.

Author's Bio

PASHINA L. A., Novokuznetsk Institute (Branch), Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.
E-mail: Lapash@Yandex.ru.

Библиографическая ссылка

Пашина Л. А. Перспективы развития геронтолингвистической парадигмы знания // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 28-44. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.28

УДК 141.78

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.45

АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЙ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

П. А. Спицын, В. А. Костин

Филиал федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Калининград (Россия)

Введение. Цель данной статьи — комплексно исследовать теоретико-методологические основы построения научной картины мира социальной реальности в социальной философии. Актуальность исследования обоснована современными социальными процессами, идущими в нашем обществе. В кризисные моменты всё общество и каждая личность ощущают потребность в анализе социальной картины мира как для познания, так и для ориентации в социальном и индивидуальном бытии. Проблема исследования — каковы направления и способы построения научной картины социальной реальности с учётом современных достижений науки и практики.

Методы. Анализ и синтез научной литературы, системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Анализ научных публикаций показал, что теоретико-методологические основы построения научной картины социальной реальности зависят от актуальной научной картины мира. В настоящее время также актуален вопрос построения научной картины социальной реальности виртуального пространства. Сеть Интернет предоставляет возможности перевода в виртуальное пространство решений социальных вопросов. В настоящее время можно отметить конвергенцию виртуального и реального социального пространства, это свидетельствует о формировании «социальной виртуальности».

Заключение. Теоретическая и практическая значимость полученных результатов заключается в дополнении теоретических положений по методологии построения научной картины социальной реальности, результаты могут применяться как методический материал для обучения студентов философских факультетов. Актуальным для последующего изучения остаётся вопрос методологии построения научной картины социальной реальности виртуального пространства и решение проблем внедрения виртуального пространства в повседневную жизнь.

Ключевые слова: научная картина, социальная реальность, системный подход.

Введение. Цель данной статьи — комплексно исследовать теоретико-методологические основы построения научной картины мира социальной реальности в социальной философии.

Задачи исследования: 1. Обобщить данные научной литературы по вопросу сущности понятия социальная реальность в социальной философии. 2. Рассмотреть виды представлений о картине мира и картине социальной реальности в социальной философии. 3. Изучить причины изменения научных картин социальной реальности в социальной философии. 4. Исследовать методологию социального познания в социальной философии. 5. Раскрыть понятие виртуальная реальность и рассмотреть её роль в построении научной картины социальной реальности.

Актуальность исследования обоснована особенностями развития социально-философского познания в современном мире. Современный мир динамичный и сложный, наполненный виртуальными элементами, которые представляют огромные возможности конструирования социальной реальности, но при этом необхо-

димы глубокие соответствующие знания. Понятие научная картина социальной реальности в социальной философии имеет размытое значение, с неопределённым категориальным статусом, но при этом термин часто используется.

Сегодня возросла роль междисциплинарных исследований, учёные изучают сложные и сверхсложные объекты, особую роль здесь играет синергетика [18], поэтому, необходимо понимать картину исследуемой реальности, с помощью построения научной картины социальной реальности в её сложности. Научная картина социальной реальности в социальной философии меняется и будет изменяться с учётом новых научных достижений. Актуальность исследования во многом определяется современными социальными процессами, идущими в обществе. В кризисные моменты всё общество и каждая личность ощущают потребность в анализе социальной картины мира как для познания, так и для ориентации в социальном и индивидуальном бытии. Проблема исследования — каковы направления и способы построения научной картины социальной реальности с учётом современных достижений науки и практики.

Вопросом методологии построения научной картины социальной реальности занимались многие учёные. Е. В. Армер в своём труде «Картина мира и картина социальной реальности: социально-конструктивистский подход» рассматривал один из подходов к формированию научной картины социальной реальности.

А. Е. Иванов изучал взаимосвязь философских и психологических аспектов виртуальной и социальной реальности. В. Т. Немировский занимался исследованиями классических и постнеклассических подходов к анализу социальной реальности. В. Ф. Петренко и В. А. Маслихин рассматривали проблематику конструктивизма как новой парадигмы в науках о человеке.

В. Л. Силаева изучала подмену реальности как социокультурный механизм виртуализации общества. Е. Н. Смирнова исследовала многомерную парадигму как стратегию познания социальной реальности. А. П. Фомин занимался вопросами виртуализации социальной реальности в современном мире. В. В. Цыганков освещал теоретико-методологические основы исследования знаковости социальной реальности.

В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович и другие авторы изучали отношение к социальной реальности в российском обществе. В настоящее время существует достаточно много научных работ, которые в том или ином аспекте рассматривают построение научной картины социальной реальности. Авторы затрагивают в своих трудах какую-либо сторону проблемы, но многостороннего рассмотрения в работах не наблюдается. Для построения научной картины социальной реальности необходим системный подход, применение которого в научных публикациях встречается лишь частично.

Для дальнейших научных поисков определим основные понятия, встречающиеся в данном исследовании. Научная картина мира — это отражение научного понимания окружающего мира, систематизированный набор основных научных идей. Научная картина мира также определена как форма теоретического знания, зависящая от этапа исторического развития научной мысли, она отражает и обоб-

щает достижения в различных научных областях. Научная картина мира меняется с течением времени в результате научных революций.

Социальная реальность — это неотъемлемое условие и результат жизнедеятельности человека. Социальная реальность — определяется также следующим образом: содержание жизненного мира конкретного социального субъекта. Социальная реальность создаётся человеком в определённую эпоху и с учётом обстоятельств. Исторически социальная реальность изменяется и воздействует на отдельного человека и общество в целом. Необходимо найти баланс между тем, что человек привносит в социальную реальность и как она воздействует на него. Человеку необходимо развиваться как личность в течение жизни, это позволит внести больший вклад в социальную реальность. Тема развития здесь центральная.

Методология в философской энциклопедии определяется как учение об организации теоретической и практической деятельности человека. Методологию в словаре педагогических терминов определяют, как учение о принципах научно-познавательной деятельности. Методология в словаре психологических терминов объясняется, как оптимальная последовательность действий, выполняя которые, можно достичь цели и задач с наименьшими потерями времени и средств. Методология может включать в себя технологию. Технология — это алгоритм действий, следуя которому, гарантированно можно получить спроектированный результат. Научная картина социальной реальности определена как часть общенаучной картины мира. Это понятие на данный момент разработано недостаточно полно.

Методы. В качестве главных методов исследования использованы анализ и синтез научной литературы, а также, системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Анализ научных публикаций показал, что на сегодняшний день понятие «картина мира» чаще встречается в публикациях и соответственно в большей степени теоретически разработано, чем понятие «картина социальной реальности». Под картиной мира, в основном, имеется в виду «научная картина мира». Понятие «социальная реальность» введено в научный дискурс Шюцем во второй половине XX века. Понятие «картина социальной реальности» используется в научных публикациях в трёх вариантах: как часть общенаучной картины мира, как характеристика системного взгляда на общество или даже в неотрerefлексированном виде [1, 5, 7, 17].

Для дальнейших научных поисков необходимо определить понятия мир и социальная реальность с точки зрения социальной философии. Мир — это совокупность всего сущего, которая существует в разных формах (природная, социальная и др.). Картина социальной реальности — это часть картины всего мира. При этом картина мира не сводится только к сумме своих частей. Картина мира и картина социальной реальности взаимосвязаны, при изменении картины мира меняется и картина социальной реальности. Классификация картин мира имеет разделение на общенаучные (например, натурфилософская, механистическая, квантово-релятивистская, эволюционная и др.) и частнонаучные

(например, физическая, химическая, биологическая, социологическая, экономическая, юридическая и др.) картины мира.

Научная картина социальной реальности включает в себя несколько составляющих — экономику, социально-политическую подсистему и культуру. Анализ научных публикаций показал, что теоретико-методологические основы построения научной картины социальной реальности зависят от актуальной научной картины мира. Кроме того, результаты экспериментов частных наук сопоставляются с общенаучной картиной мира разных времён. Понятие социальная реальность позволяет передавать современное состояние социальности, для которой характерна динамичность, непредсказуемость, отсутствие стабильности и порядка, высокая скорость социальных изменений. Социальная реальность включает в себя все явления, связанные с образом жизни человека.

Социальная реальность формируется с помощью деятельности людей. От того, как организована деятельность на практике и какое она имеет теоретическое обоснование, зависит качество и результат деятельности человека в обществе. У любой деятельности должны быть мотивы, цели, задачи, процесс и результат. Деятельность человека происходит в конкретном историческом отрезке времени и на её организацию воздействует научная картина мира и картина социальной реальности.

Для целостного изучения научной картины социальной реальности необходим многомерный взгляд, который должен включать в себя несколько подходов, например, системный, субъективно-деятельностный и личностный подход. Виды картин мира включают в себя мифологическую, религиозную, философскую, научную и обыденную. Научная картина мира подразделяется на естественно-научную (физическую, химическую, биологическую, астрономическую и др.), гуманитарную (психологическую, социологическую, педагогическую, историческую и др.), технологическую (кибернетическую, техническую, экономическую, управленческую и др.).

Основой социальной реальности выступают схемы интерпретации мира, которые появляются во время повседневной деятельности людей, повторяющейся из поколения в поколение, со временем это становится объективными характеристиками социальной реальности. Радикальное изменение картины мира порождает изменения в целях, ценностях и культурных универсалиях. В научных публикациях отмечено, что в обществе идеалы и интересы выступают как два элемента человеческой деятельности. Способность общества изменяться возможно только при совпадении интересов и идеалов, когда совпадения нет — возникает противодействие. В современной социальной философии выделены три образа социальной реальности, которые формировались с учётом изменения научной картины мира — классический, неклассический и постнеклассический [2, 3, 6, 15].

Классическая картина мира (начинает формироваться в XVII веке). Для классического характерно рассмотрение социальной реальности с точки зрения логики проекта, философ может мысленно вынести себя «за скобки» общественной жизни и предложить вариант общественного развития. Общественные отношения объяс-

няются рационально. Мир понимался как механизм с возможностью просчитать и спрогнозировать его состояние в будущем.

Неклассическая картина мира (рубеж XIX — XX веков). Для неклассической научной картины мира характерно следующее — понятия материи, движения и времени приобретают более широкий смысл. Во всех системах начинает учитываться фактор случайности. Пространство и время имеют относительный характер и связаны с движениями тел. Объекты постоянно находятся во взаимодействии друг с другом, которое передаётся через вещество, окружающее их.

Постнеклассическая научная картина мира (вторая половина XX века — по настоящее время), сложилась под влиянием трудов И. Пригожина, Г. Хакена, С. Курдюмова и др. о синергетике [18]. Синергетика — теория о самоорганизации систем. Синергетика формирует знания о том, как оперировать и управлять сложными системами. Главное здесь — правильное воздействие на сложную систему. Для постнеклассического образа социальной реальности характерна интерсубъективность социальной реальности, превосходство личного над общественным, социальная реальность является результатом конструирования.

Уровням социальной реальности соответствуют определенные социологические парадигмы. Для макрообъективного уровня социальной реальности характерна парадигма социально-исторического детерминизма. Для макросубъективного уровня — парадигма социальных фактов и психологического детерминизма. Микросубъективный уровень социальной реальности представлен парадигмой социальных дефиниций и социального поведения.

Подходы к определению научной картины социальной реальности можно разделить на идеалистический (реалистический), натуралистический, деятельностный и феноменологический. Построение картины социальной реальности, по данным научной литературы, включает в себя несколько компонентов — отношение человека к природе и искусственно созданной среде, отношение к другим людям и отношение к духовной жизни.

Картина социальной реальности меняется в зависимости от научных открытий того или иного времени, так как обобщает эти достижения. Картина социальной реальности и в дальнейшем будет меняться под влиянием конкретных теоретических и практических результатов исследований в обществе, так как является компонентом системы социально-научного знания. Современная наука столкнулась с необходимостью исследования сложных и сверхсложных систем, что требует разработки новых подходов к научным исследованиям.

Актуальная наука пришла к парадоксу — при расширении поля деятельности и получении передовых научных результатов, появляется ряд явлений, обладающих неопределённостью. Эта неопределённость вносит необходимость дальнейшего изучения явлений и закономерностей. Получается раздробленность новых результатов. Нужно применять путь от общего к частному, а потом обобщать, опять делая переход к общему. Актуальным для современной социальной философии и социологии является разработка конкретных методов для решения социальных проблем. Требуется выявить тенденции развития систем, для их дальнейшего

целенаправленного развития и совершенствования. С помощью этих методов нужно направлять систему в нужном русле [8, 9, 11, 13].

Для оптимального управления системой необходимо диагностировать на констатирующем этапе экспериментов состояние системы, разработать критериально-диагностический инструментарий. На формирующем этапе нужно проанализировать полученные данные и на их основе разработать программу. На контрольном этапе повторно получить данные о состоянии системы, сравнить с исходными и сделать выводы о наличии или отсутствии достоверно значимых отличий по тому или иному критерию.

Исходное состояние системы может быть разным, значит программы и методы воздействия на систему на формирующем этапе будут отличаться. Также цели и результаты бывают различными. Этим объясняется многообразие методологических подходов при построении научных картин социальной реальности.

В научном труде В. Фоменко «Синергетика и процессы развития социальных систем» дана характеристика причин изменения научных картин социальной реальности. Основными идеями этого научного труда являются:

1. В последнее десятилетие происходит значительное изменение социальных отношений. На смену парным взаимодействиям приходят коллективные.

2. В западных странах появилось новое научное направление «Наука о сложности». Это междисциплинарное направление и основная его задача — делать прогнозы тенденций развития сложных и сверхсложных систем (например, природных, социальных и экономических).

3. Синергетика позволяет сформировать видение системы в будущем, несмотря на хаос и неопределённость.

4. Сегодня, также актуален вопрос построения научной картины социальной реальности виртуального пространства. Сеть Интернет предоставляет возможности перевода в виртуальное пространство решений социальных вопросов.

Главной трудностью использования синергетики при формировании научной социальной картины мира остаётся её специализированный язык [18]. Методология построения научной картины социальной реальности в социальной философии, учитывая всю сложность и разносторонность понятия, должна основываться на многомерности. Многомерность позволит рассмотреть явление более глубоко и многосторонне, учесть наиболее актуальные для данного времени аспекты. В публикации Смирновой Е. Н. «Многомерная парадигма как стратегия познания социальной реальности» показано, что многомерная парадигма позволяет выявить все значимые факторы или группы факторов, определяющих человеческую жизнедеятельность. Эта парадигма включает различные подходы, которые дополняют друг друга и позволяют наиболее полно отражать научную картину социальной реальности. Особенностью познания научной картины социальной реальности в настоящее время является применение интегративных парадигм или объединительных теорий (Гидденс Э., Бурдьё П., Хабермас Ю. и др.).

В социальной реальности второй половины 20 века следует отметить глобализацию (Робертсон Р., Валлерстайн И.) и возрастание роли субъективного момента в определении исторических событий. Многомерность в методологии познания

картины социальной реальности встречается впервые в работах К. Маркса, который основывался на философских трудах Гегеля. Это направление было продолжено В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном. Согласно Теории структуризации Э. Гидденса, анализировать социальную жизнь возможно через понимание действий и мотивов людей. Нужно исследовать взаимосвязь между социальной и структурной интеграцией. Необходимо также переосмыслить соотношение «микро» и «макро» уровней. Это позволит охватить крупные сектора пространства-времени.

П. Бурдьё выдвинул идею о том, что культура оказывает значительное влияние на социальную структуру общества и является связующим элементом между структурными элементами системы. Ю. Хабермас характеризовал «коммуникативное действие» как взаимодействие двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих в межличностные отношения с помощью вербального и невербального взаимодействия. Субъекты взаимодействия координируются для достижения того или иного результата. М. Арчер была разработана концепция социального морфогенеза и рефлексивности. П. Штомпка в работе «Социология социальных изменений» и В. Ядов в труде «Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии» также выдвинули свои варианты факторов, которые влияют на деятельность человека или социальное взаимодействие.

В настоящее время в социальной философии используется системно-синергетическая методология для определения научной картины социальной реальности [18]. Синергетика изучает возможности самоорганизации сложных систем и их нелинейное взаимодействие около точек бифуркации. На этих точках малое воздействие даёт значительный результат, непредсказуемый по последствиям для системы в целом. Бифуркация — это динамика характера движения динамической системы на определённом хронологическом интервале при изменении одного или нескольких параметров. В точке бифуркации происходит новый порядок развития системы. Это развитие может иметь непредсказуемый характер [12, 14, 16]. В то же время, М. С. Каган в своих публикациях на тему системного подхода отмечал, что «исследовать систему надо в трёх плоскостях — предметной, функциональной и исторической».

В публикациях С. В. Бондаренко и О. Е. Баксанского встречается ещё вариант методологии построения научной картины социальной реальности с помощью конвергентной парадигмы, означающий переход к новой научно-исследовательской программе. В современном социальном познании распространение получили следующие научные методологии — герменевтика, феноменология, структурализм, постструктурализм и постмодернизм. Построение научной картины социальной реальности должно учитывать традиционные философские подходы к социальной реальности, а также современные социально-философские концепции и технологии. Конструирование и разработка чего-либо нового в науке должно опираться на опыт учёных — предшественников. Как говорил И. Ньютон: «стоя на плечах гигантов, видишь больше и дальше, чем они».

Для начала XXI века актуальны проблемы виртуалистики (от лат. *virtualis* — возможный). Исследуются различные аспекты виртуалистики. Атрибуты виртуальной реальности не только актуальная реальность (пространство, время, движе-

ние, развитие и др.), но и идеальная инореальность. В. Л. Силаев выделяет несколько типов определения виртуальной реальности — первый из них отождествляет реальную и виртуальную реальность, где виртуальная реальность — продолжения реальной реальности. Второй тип противопоставляет реальную и виртуальную реальность. Третий тип не отождествляет и не противопоставляет, виртуальная реальность — часть повседневности. Функции виртуальности — порождённость, актуальность, автономность, интерактивность. Сегодня, необходимо исследовать новые реалии и внедрять в практику теоретические и практические результаты. За последние 15-20 лет Интернет перестал быть просто хранилищем информации и прочно вошёл в повседневную жизнь человека. Виртуальная реальность обладает возможностью преобразующего влияния на то, с чем она контактирует.

В своих публикациях Т. А. Бондаренко указывает, что человек, вовлечённый в виртуальное пространство меняет потребности, мотивы и формы поведения. Виртуальная реальность позволяет упростить коммуникацию. В связи с изменением социальных ориентиров возникают специфические (во время виртуально общения) и неспецифические (во время реального общения) личностные девиации. Виртуальная реальность оказывает влияние на отдельную личность и общество в целом, в последнее десятилетие это приобрело глобальный характер и способствовало появлению специфического типа личности. В настоящее время значительно усиливается влияние виртуальной реальности на массовое сознание социума с помощью масс-медиа и глобального сетевого виртуального пространства.

Современному человеку необходимо уметь критически и избирательно относиться к большому количеству информации. Сложилась принципиально новая форма коммуникации, которая устраняет пространственно-временные сложности, в коммуникацию может быть вовлечено всё человечество. Согласно взглядам Т. А. Бондаренко, виртуальная реальность оказывает влияние на все сферы общественной жизни. Процессы глобализации усиливаются за счёт использования виртуального пространства. За счёт возможности индивидуальной и групповой виртуальной коммуникации появляется тенденция унификации экономических, социальных и духовных процессов. Информация и технологии, позволяющие оперативно работать с ней, являются атрибутом социального пространства в информационном обществе. При этом конструирование отчуждённой реальности стало важным атрибутом наступающего на современного человека общества потребления [19].

В научных публикациях отмечено, что современный человек обладает клиповым мышлением, не обладает видением и пониманием мировых политических, социальных и культурных событий. Необходимо помнить, что виртуальное пространство творится человеком и обществом, какой человек, такое и виртуальное пространство. Например, если представить, что виртуальное пространство создавалось бы человеком, живущим в период господствования классической картины мира, и сравнить с виртуальным пространством, которое создаётся людьми постнеклассического периода — эти виртуальные пространства отличались бы. В настоящее время можно отметить конвергенцию виртуального и реального социального пространства, это свидетельствует о формировании «социальной виртуальности». В социокультурных, экономических и политических процессах широко при-

меняются механизмы виртуализации. Виртуальное пространство является неотъемлемым структурным элементом методологии построения научной картины социальной реальности [7, 10, 12, 15, 17].

В структуре виртуальной реальности как пространства социализации учёные выделяют несколько уровней: «надындивидуальное виртуальное» для которого характерно то, что господствующие ценности в обществе опираются на предыдущий опыт человечества. И «индивидуальное виртуальное» для которого характерно то, что человек руководствуется собственными представлениями о должном. Эти уровни взаимодействуют, могут вступать в противоречие или дополнять друг друга. От культурного уровня личности зависит результат взаимодействия этих уровней. Нужно найти баланс между общественными и личными потребностями в физической и виртуальной социальной реальности.

Теоретико-методологические основы построения научной картины социальной реальности должны основываться на материалах последних теоретических и практических научных исследований в области социальной философии. Социальная реальность сегодня соединяет в себе реальную и виртуальную реальности, требуется изучить в каком соотношении оптимально сочетание этих структурных элементов. Изучение виртуальной реальности не ограничивается одной наукой, необходимо с точек зрения разных наук исследовать это направление. Современному человеку нужно сохранить способность творческого развития при использовании виртуальных технологий, а не просто быть исполнителем. Виртуальную реальность нужно рассматривать как одно из пространств социализации [2, 6, 10, 14, 16].

Заключение. Анализ научных публикаций показал, что понятие «научная картина социальной реальности» на данный момент недостаточно разработано и противоречиво. Авторы научных публикаций по смежным темам берут во внимание какой-либо аспект проблемы, но при этом целостности и согласованности взглядов не наблюдается. Научная картина социальной реальности отражает актуальное состояние общественной жизни, которое отличается нестабильностью и динамизмом.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов заключается в дополнении теоретических положений по методологии построения научной картины социальной реальности, результаты могут применяться как методический материал для обучения студентов философских факультетов. Дальнейшее развитие методологии построения научной картины социальной реальности в социальной философии предполагает выявление новых аспектов, имеющих более значительную актуальность на данный момент времени.

Многомерный подход при изучении методологии построения научной картины социальной реальности позволит глубже и разносторонне исследовать взаимосвязи явлений. Естественнаучное познание научной картины мира взаимодействует с социально-гуманитарным, причём методы первого входят во второе и наоборот. Для постнеклассического этапа науки характерно совмещение естественно-научной и социогуманитарной методологий, а также комплексность исследова-

ний и междисциплинарность. Разные подходы не исключают друг друга, а дополняют, вносят большую ясность в понимание того или иного вопроса.

При построении научной картины социальной реальности необходимо также придерживаться комплексного, структурно-функционального, целостного, системного и синергетического подходов. Такой взгляд разделяется большинством учёных, занимающихся сходной проблематикой. При этом, основные подходы и методологии построения научной картины социальной реальности - многомерный подход, системно-синергетический, конвергентный имеют некоторые сходства. Многообразие методологических подходов построения научной картины социальной реальности обосновано тем, что изначальное состояние той или иной системы, а также цели и задачи могут радикально отличаться.

Необходимо уметь выбрать оптимальный методологический подход, чтобы с наименьшими затратами получить нужный результат. Учёные, занимающиеся проблемой методологии построения научной картины социальной реальности в социальной философии и социологии, придерживаются сходных выводов. Многие авторы разделяют точку зрения о том, что в скором будущем произойдёт переход к новой научно-исследовательской программе и возможно изменение научной картины социальной реальности.

Актуальным для последующего изучения остаётся вопрос методологии построения научной картины социальной реальности виртуального пространства. Требуются научные разработки социальной философии и социологии для решения проблем внедрения виртуального пространства в повседневную жизнь. Необходимо всесторонне исследовать сферу виртуального пространства — это позволит выстраивать логику конструирования научной картины социальной реальности с учётом новых научных разработок и технологий.

Список литературы

1. Армер Е. В. Картина мира и картина социальной реальности: социально конструктивистский подход / Е. В. Армер // Вестник Томского государственного университета. 2018. — № 366. — С. 24—27.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, — 1995. — 323 с.
3. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ / С. В. Бондаренко. — Вестник Томского государственного университета. - 2018. — 350 с.
4. Брыкина Т. Н. Картина социальной реальности // Социальная жизнь в свете философской рефлексии: Сборник научных трудов Ульяновск, 2017. — С. 5—13.
5. Залунин В. И. Диалектика мифологизации и демифологизации социальной реальности в кризисном социуме. Вестник ЧГУ, — №3 (48), — 2008. — с. 10-14.
6. Иванов А. Е. Философские и психологические аспекты виртуальной и социальной реальности в их взаимосвязи. Автореф. дис. к-та филос. наук. — М., 2016. — 145 с.
7. Лебедев, С. А. Философия науки: Терминологический словарь / С. А. Лебедев. — М.: Академический проект, 2011. — 269 с.
8. Немировский В. Т. Социология: Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. — М.: Изд-во РГТУ, 2018. — 557 с.
9. Петренко В. Ф., Маслихин В. А. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 6. — С. 75—82.
10. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества. Автореф. дис. к-та филос. наук. — М., 2004. — 19 с.

11. Смирнова Е. Н. Многомерная парадигма как стратегия познания социальной реальности // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2018. — № 3. — С. 314—318.
12. Фомин А. П. Виртуализация социальной реальности в современном мире. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. — №56. — С. 26-29.
13. Цыганков В. В. Теоретико-методологические основы исследования знаковости социальной реальности. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. — №96. — С. 144-147.
14. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. — М., 2014. — 350 с.
15. Giddens E. The Elusive world: how globalization is changing our lives. — Moscow, 2004. — P. 35
16. Bourdieu P. Practical sense. Sankt-Petersburg: aletea, 2017. — 562 p.
17. Archer M.S. The reflexive imperative in late modernity. — Cambridge: Cambridge univ. press, 2019. — № 12. — 340 p.
18. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. — Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. — 184 с.
19. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. — 2016. — N2 (6). — С.71-81.

Авторская справка

СПИЦЫН Павел Александрович, адъюнкт, Филиал федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Калининград, Россия. E-mail: spitsynpa@ya.ru.

КОСТИН Владимир Александрович, доктор технических наук, профессор, Филиал федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Калининград, Россия. E-mail: nitsok2157@mail.ru.

UDC 141.78

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.45

ANALYSIS OF METHODOLOGIES FOR BUILDING A SCIENTIFIC PICTURE OF SOCIAL REALITY

P. A. Spitsyn, V. A. Kostin

Branch of the Federal state-owned military educational institution of higher education «Military training and research center of the Navy» Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov», Kaliningrad (Russia)

Introduction. The purpose of this article is to comprehensively investigate the theoretical and methodological foundations of building a scientific picture of the world of social reality in social philosophy. The relevance of the research is justified by modern social processes in our society. In times of crisis, the entire society and each individual feels the need to analyze the social picture of the world, both for knowledge and for orientation in social and individual life. The problem of research - what are the directions and ways to build a scientific picture of social reality, taking into account modern achievements of science and practice.

Methods. Analysis and synthesis of scientific literature, a systematic approach.

Results. The analysis of scientific publications has shown that the theoretical and methodological foundations for building a scientific picture of social reality depend on the actual scientific picture of the world. Currently, the issue of building a scientific picture of the social reality of virtual space is also relevant. The Internet provides the possibility of translation in the virtual space of solutions to social problems. Currently, we can note the convergence of virtual and real social space, which indicates the formation of "social virtuality".

Conclusion. The theoretical and practical significance of the results obtained is to Supplement the theoretical provisions on the methodology of building a scientific picture of social reality, the results can be used as a methodological material for teaching students of philosophy faculties. The issue of methodology for constructing a scientific picture of the social reality of virtual space and solving the problems of introducing virtual space into everyday life remains relevant for further study.

Keywords: scientific picture of social reality, systematic approach.

References

1. Armer E. V. Picture of the world and picture of social reality: a socially constructivist approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 2018, no. 366, pp. 24—27. (in Russian).
2. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya*. [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium, 1995, 323 p. (in Russian).
3. Bondarenko C. B. Social structure of virtual network communities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 2018, p. 350. (in Russian).
4. Brysina T. N. Picture of social reality. *Sbornik nauchnykh trudov Ul'janovsk* [Collection of scientific papers Ulyanovsk], 2017, pp. 5—13. (in Russian).
5. Zalunin V. I. Dialectics of mythologization and demythologization of social reality in a crisis society. *Vestnik CGU* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University], no. 48, 2008. pp. 10-14. (in Russian).
6. Ivanov A. E. *Philosophical and psychological aspects of virtual and social reality in their interrelation*. Cand. Diss. [Philosophical and psychological aspects of virtual and social reality in their interrelation. Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 145 p. (in Russian).
7. Lebedev S. A. *Philosophy of science: Terminological dictionary* [Philosophy of science: Terminological dictionary]. Academic project, 2011. 269 p. (in Russian).
8. Nemirovskij V. T. *Sociology: Classical and post-non-classical approaches to the analysis of social reality* [Sociology: Classical and post-non-classical approaches to the analysis of social reality]. M.: Izd-vo RGTU, 2018. 557 p. (in Russian).
9. Petrenko V. F., Maslihin V. A. Constructivism as a new paradigm in the human Sciences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 2018, no. 6, pp. 75—82. (in Russian).
10. Silaeva V. L. *Substitution of reality as questions of philosophy socio cultural mechanism of virtualization of society* Cand. Diss. [Substitution of reality as questions of philosophy socio cultural mechanism of virtualization of society Cand. Diss.]. Moscow, 2004, 19 p. (in Russian).
11. Smirnova E. N. Multidimensional paradigm as a strategy for cognition of social reality. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk state agrarian University], 2018, no. 3. pp. 314-318. (in Russian).
12. Fomin A. P. Virtualization of social reality in the modern world. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Herzen Russian state pedagogical University], 2008, no. 56, pp. 26-29. (in Russian).
13. Cygankov V. V. Theoretical and methodological foundations of the study of the sign of social reality. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Herzen Russian state pedagogical University], 2009, no. 96, pp. 144-147. (in Russian).
14. Chuprov V. I., Zubok Ju. A., Romanovich N. A. *Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Attitude to social reality in the Russian society: socio-cultural mechanism for the formation and reproduction of]. Moscow, 2014, 350 p. (in Russian).
15. Giddens E. *The Elusive world: how globalization is changing our lives*. Moscow, 2004, 35 p.
16. Bourdieu P. *Practical sense*. Sankt Petersburg: aletea, 2017, 562 p.
17. Archer M. S. *The reflexive imperative in late modernity*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2019, no.12, 340 p.

18. Shalaev V. P. Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epohu global'nyh transformacij.- Joshkar-Ola: PGU, 2013. —184 p.

19. Shalaev V. P. Bifurkacionnyj chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya // Socio Time / Social'noe vremya. — 2016. — № 2 (6). — Pp. 71-81.

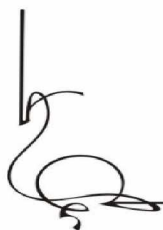
Author's Bio

SPITSYN Pavel Alexandrovich, adjunct, Branch of the Federal state state military educational institution of higher education «Military training and research center of the Navy» Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov», Kaliningrad, Russia. E-mail: spitsynpa@ya.ru.

KOSTIN Vladimir Alexandrovich, Doctor of technical Sciences, Professor of the branch of the Federal state state military educational institution of higher education «Military training and research center of the Navy» Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov», Kaliningrad, Russia. E-mail: nitsok2157@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Спицын П. А., Костин В. А. Анализ методологий построения научной картины социальной реальности // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 45-57. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.45

УДК 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.58

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. С. Беляева

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского
Павлово, Нижегородская область (Россия)*

Введение. Целью данной статьи является анализ проблем сельской школы, влияющих на адаптацию молодых специалистов в малых городах и сельской местности. Предметом авторского анализа являются программы, как региональные, так и федеральные, призванные решить эти проблемы. Объединяющим началом стал социологический контекст — анкетный опрос молодых специалистов, работающих в школах в малых городах и сельской местности.

Методы. Анализ проблем сельских школ в статье осуществляется на основе сравнительного метода и анкетного опроса.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Состояние рынка труда малых городов и сельской местности отражает ситуацию в экономике страны. Молодежь как наиболее активная социальная категория призвана изменить ситуацию. Однако, даже она не является движущей силой по ряду причин. Анализ их, позволяет говорить о поиске новых подходов к адаптации молодежи. Причина миграции из города — слабо развитая инфраструктура села. Процесс миграции состоит из основных этапов: сам процесс миграции, его ускорение, стабилизация. Все эти процессы происходят под воздействие определенных факторов. Политика государства призвана влиять на них посредством предоставления различных льгот (к примеру, налоговых), используя административное принуждение, создание малых предприятий. Только государство имеет возможность влиять на трудовую миграцию.

Возрастает роль производственной сферы, взаимосвязанной с социальной сферы села. Сельской школе отводится роль социальной структуры, деятельность которой носит междисциплинарный и межведомственный характер, призвана взрастить «новое поколение сельских аграриев», способствовать адаптации молодых специалистов.

Заключение. Региональные программы направлены на решение узких проблем села, национальные проекты призваны решить множество проблем на селе, однако, в них отсутствует направление, учитывающее ориентацию деятельности сельской школы на подготовку учащихся к жизни и труду на селе, а это означает, что предпринимаемые усилия по реформированию системы образования не будут способствовать созданию условий для выхода села из кризиса и централизацию сельского производства, систему государственных заказов, отражающую механизм цен, льготную налоговую политику. В условиях миграции молодежи, сельская школа не может оставаться прежней и нуждается в особой стратегии развития.

Ключевые слова: молодежь, миграция, малые города и сельская местность, междисциплинарный и межведомственный характер сельской школы.

Введение. Рынок трудовых ресурсов в малых городах и сельской местности является отражением ситуации в экономике страны, сельскохозяйственном произ-

водстве, и характеризуется увеличением числа убыточных предприятий на селе, отсутствием инфраструктуры, предприятий сферы производства в сельской местности, приводит к безработице и изменению соотношения трудовой миграции [7]. Молодежь, как наиболее активная социальная категория, призвана изменять социальную структуру села, но не является в настоящее время той движущей силой по ряду причин:

- условия вхождения молодежи в рынок труда;
- особенности профессиональной социализации (разные трудовые привычки представителей социальных классов, разные стартовые возможности, разный уровень компетенций у одних и тех же специалистов);
- мировые тенденции, напрямую влияющие на рынок труда [13];
- отсутствие специальных дополнительных программ, позволяющих компенсировать разрыв в профессиональной подготовке специалистов, в среде сельской молодежи, в сравнении с городской;
- отсутствие школы наставничества, позволяющей быстрее адаптироваться как к новым условиям труда, так и социуму в целом;
- отсутствие четкой структуры профессиональной подготовки (отсутствуют специальные программы по подготовке именно востребованных специалистов на селе);
- отсутствие программ для сельских предприятий, позволяющих растить кадровый резерв, и четко налаженные взаимосвязи: учебное учреждение – государство – сельские предприятия.

Данные причины требуют новых путей решения проблемы адаптации молодежи на селе.

Целью данной статьи является выявление проблем сельской школы, их анализ.

Предметом - федеральные, региональные программы, направленные на решение проблем сельских школ.

Объединяющим началом стал социологический контекст: анкетный опрос молодых специалистов — сельских педагогов.

Методы. Основным подходом данного исследования стал антропологический (анализ региональных, федеральных программ осуществляется на основе сравнительного метода) и анкетный опрос.

Выборочная совокупность исследования составила 796 молодых специалистов (37%) участников областной целевой программы «Меры социальной поддержки молодых специалистов Нижегородской области на 2011 – 2023 годы» [3]. Генеральная совокупность исследования – 2148 чел.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Общеизвестным фактом является зависимость миграции, вымирания села с процессом адаптации и трудовой занятости молодежи.

На молодежь принято «делать ставку» в части их активности и реализации социальных перемен [2].

Однако, миграция, ее характеристики, учитывая современные тенденции, также изменились. Основные причины:

- кризис в городах (отсутствие новых рабочих мест, удовлетворяющих потребностям молодежи, высокая конкуренция),

- частная собственность земли, средств производства,

- развитая инфраструктура с одной стороны, но высокая стоимость жилья (как съемного, так и высокие ставки по ипотечным кредитам и дополнительные расходы, предъявляемые банкам, по обслуживанию кредитов — страхование жизни заемщика, самого жилья), постоянное повышение тарифов на коммунальные услуги, в то время как сельские жители имеют соответствующие субсидии на жилье и транспорт.

Основная причина уменьшения миграции из города — слабо развитая инфраструктура села. Исторически сложилось, что процесс миграции состоит из основных этапов: сам процесс миграции, его ускорение, далее — стабилизация.

Эти процессы происходят под воздействием следующих факторов: ограниченное количество рабочих мест в городах, высокий уровень конкурентности, отсутствие собственного жилья молодых специалистов и др.

Государственная политика строится соответствующим образом — в большинстве случаев — предоставление инвесторам различных льгот (особенно налоговых, разработка долгосрочных программ, способствующих более высокой производительности труда, обучения работников не узким специальностям, а более широким, позволяющим применять свои знания, умения и навыки в больших количествах профессий, создание полуквалифицированных категорий работников), административное принуждение, создание малых предприятий.

Таким образом, только государство, имеет возможность влияния на трудовую миграцию.

Почему же молодежь не является той активной категорией, развивающей бизнес проекты на селе, не так активно участвует в реформировании общества в целом и превратилась в категорию «менее защищенную»? Поведение молодежи — активное — пассивное, конструктивное — деструктивное определяется факторами развития общества [12].

Все экономические теории отражают отношения рынка труда и занятости. Со временем, отношение работника, его роль, профессиональный статус меняются.

В современных экономических теориях к участникам трудового права отношение иное нежели в теории А. Смита и К. Маркса, сейчас существует равноправие.

Эволюция коснулась и в отношении к проблемам занятости, безработицы, их государственного регулирования.

Каждая теория имеет свои положительные и отрицательные моменты, поэтому говорить о существовании единой теории занятости, рассматриваемой как универсальной, было бы неправильно.

Таким образом, существует потребность в отдельных программах, решающих основные вопросы, такие как развитие малых городов и сельской местности, позволяющая регулировать миграционные процессы и направленная на решение следующих проблем:

Централизации сельского производства — решить данную проблему призвана система государственных заказов.

Необходимо разработать и реализовать систему государственных заказов, отражающую механизм цен, систему реализации государственных заказов, льготную налоговую политику [1].

Развитие системы наставничества, вхождение молодежи на рынок труда.

Формирования кадрового резерва и формирования системы: сельские предприятия - государство - система подготовки специалистов - молодые специалисты.

Положительные моменты: формирование социальных и производственных условий для развития инфраструктуры на селе, расширение сферы занятости для трудовых ресурсов, замедление процесса миграции из сельских поселений.

Создание четкой и гибкой налоговой политики, направленной на развитие малого предпринимательства.

Строительство объектов социальной, производственной инфраструктуры села.

Индивидуальный подход к молодой семье как отдельной группе, через предоставления индивидуальных льгот на жилье и возможность погашения (вплоть до безвозвратности) в соотношении с числом детей в семье.

Небольшое количество молодых семей удовлетворяют установленным требованиям: единовременному внесению 30 процентов рыночной стоимости квартиры и возможности ежемесячных платежей, кроме суммы долга [5].

Увеличивается влияние сельской школы на экономику и жизнедеятельность села ввиду прямой связи наличия инфраструктуры и развития территорий.

По мнению Алашева С. Ю., Ахметжанова Э.Р. и др., проводивших исследование школьников, основной средней школы, подавляющее большинство опрошенных (63%) считают, что школа должна знакомить с миром профессий (вести своего рода, общее, обзорное информирование).

Чуть больше трети опрошенных (35%) ответили, что школа должна выявлять индивидуальные склонности ребенка и вести консультативную работу (это, очевидно, задача, нацеленная на учителей- предметников и классных руководителей и школьных психологов).

По мнению 26% респондентов, школа должна информировать школьников о возможностях трудоустройства и ориентировать на сферу продолжения образования.

Акцент на преимущественно практическую сторону вопроса делают 22% школьников, отметивших, что школа должна формировать профессиональные навыки, или давать какую-либо специальность, которая пригодится в жизни (также 22%), 6% учащихся считают, что школа вовсе не должна заниматься какой-либо профессиональной подготовкой и ориентацией.

Таким образом, большая часть опрошенных респондентов выделяет в профориентационные функции школы информативную сторону, чуть меньшая часть — консультативную, а еще меньшая — практическую [4].

В настоящее время, сельская школа стала малокомплектной, вследствие отсутствия должного внимания.

В настоящее время, к отнесению сельской школы к малокомплектной необходимо соблюдение следующих условий: отсутствие параллельных классов, объединение начальных классов — в несколько, отсутствие альтернативности образовательного процесса.

Малокомплектная сельская школа стала особенностью современного развития системы образования. Вместе с тем, она способна косвенно влиять на комплекс проблем малых городов и сельской местности, способствуя развитию сельских территорий. Оставаясь центром социокультурного воспитания и образования, сельская школа, хоть и малокомплектная, является главным источником социальных преобразований, инициатив, местом реализации различного уровня программ.

По результатам авторского опроса молодых специалистов, 100% из них считают, что именно сельская школа должна стать «центром притяжения» - там должны быть сосредоточены все основные аспекты, начиная от начального образования, до досуговой деятельности родителей (уроки кройки и шитья для молодых мам, уроки мейк апа, развитие и способностей к труду у пап).

Являясь одним из элементов развития села, ее развитие невозможно в отрыве от него. Среди общего числа школ — сельских — 68,9% [8].

По результатам авторского исследования, 95% молодых учителей - участников программы, вернулись после обучения в университете, именно в ту сельскую школу, в которой они сами учились и стали участниками Программы, 5% молодых специалистов – переехали в другую местность. Основными причинами выделяя: активность руководящего состава, глубокие традиции, знание коллектива, доверие ему, стабильность и участие во всех программах (оснащенность, применение передовых технологий, наличие современного оборудования и инфраструктуры (ремонт, наличие бассейна).

Остальные 50% молодых специалистов также эти причины выделяют как основные, и выбирали школы для дальнейшего трудоустройства, отвечающие этим требованиям.

При ответе на вопрос «В какой степени Вы доверяете руководству Вашей организации» 48% респондентов ответили «скорее доверяю», 33% - «и доверяю и не доверяю», 19% респондентов доверяет полностью. 64% молодых сельских педагогов - скорее доверяют своим коллегам, 34% - «и доверяют и не доверяют», и только 1% - «полностью доверяют».

Однако, следует говорить и об особых чертах сельской молодежи, по сравнению с городской. Сельская молодежь менее притязательна, более работоспособна и менее «избалована».

По результатам исследования, 90% молодых специалистов, которые родились в сельской местности трудоустроились в сельские школы, а вот молодые специалисты, родившиеся в малых городах (или проживающие там от 10 до 15 лет) (100%) в качестве своей работы выбрали школы в городах или сельские школы (но территориально в близкой доступности к городу).

Предпочтения относительно заработной платы, возможностей, условий распределены таким образом: 42% молодых специалистов (вне зависимости от пола респондента) отвечают «полностью удовлетворены».

Хотя, более половина из них работают не в «современных школах с высокотехнологичным оборудованием и хорошим ремонтом», с зарплатой на уровне средней заработной платы в регионе, и как показывает опрос, выполняют основную работу в свое «свободное время» и занимаются «подработкой». 37% респондентов – ответили «и да и нет», и только 9% - скорее удовлетворены. Условиями труда – 42% - «полностью удовлетворены», 39% - «скорее удовлетворены», и только 7% - «и да и нет».

Вот оплата труда имеет немного другое распределение – 45% респондентов – «и да и нет», 36% - «скорее удовлетворены», 7% - «полностью удовлетворены». «Возможностью профессионального роста» - 49% - «скорее удовлетворены», 16% - «и да и нет», 7% - «полностью удовлетворены». 75% респондентов ответили, что «ничего не измениться» в их жизни а также в жизни их семьи за следующие 12 месяцев, и только 10% считают, что «будут жить немного лучше», остальные – затруднились ответить.

В условиях миграции молодежи сельская школа не может оставаться прежней, ввиду своей малочисленности, освоением новых территорий молодежью, отсутствием сельских постоянно работающих предприятий нуждается в особой стратегии развития как социальный институт, влияющий на социальные процессы на селе.

Малый процент закрепления молодых специалистов на селе (10-30%) не может обеспечить его развитие, решить проблему с рождаемостью, открытием производственных мощностей [10] ввиду отсутствия у молодых сельчан необходимых условий: сбережений и знаний [11].

В целях развития современных механизмов и технологий общего образования, расширения возможностей получения качественного общего образования с 1 сентября 2016 года в Республике Калмыкия реализуется проект «Инновационная инфраструктура системы общего образования Республики Калмыкия».

Согласно проекту в каждом муниципалитете региона созданы инновационные площадки – базовые школы, к которым прикреплены школы-спутники – образовательные организации, находящиеся в трудных социальных условиях, имеющие дефицит в профессиональных педагогических кадрах и слабую материально-техническую базу.

Проект включает 4 подпроекта: «Сетевая инновационная школа», «Развитие физико-математического образования», «Развитие инженерно-технологического образования» и «Учитель инновационной школы».

Из года в год в общеобразовательных организациях, происходит открытие новых классов, отражающих узкую специфику предметов, таких как математические классы, биологические классы, гуманитарные классы и другие [9].

Национальные проекты призваны решить ряд задач, среди них: повысить общественный престиж и статус таких профессий как врачи и учителя (но на селе существуют и достаточное количество других также важных профессий, не задействованных в программах, обеспечить возможность постоянного повышения своей квалификации, улучшения инфраструктуры села, увеличения социальной активно-

сти сельских жителей, оснащенность как сельских школ, клубов, так и фельдшерских пунктов).

По результатам авторского исследования, 100% молодых учителей не считают свою профессию «общественно престижной», а также считают, что с введением национальных проектов ситуация изменится. 70% молодых специалистов затруднились отнести себя к стратификационной лестнице, ни к богатым и не к бедным себя не относят и только 20% - считают, что находятся на «низшей ступени».

В настоящее время, увеличилась средняя заработная плата учителей, повысились доплаты для учителей в сельской местности и возросла денежная компенсация за классное руководство.

Однако, молодые специалисты данной тенденции не прочувствовали на себе. На вопрос «изменилось ли материальное положение молодых семей за последние 12 месяцев» мнения респондентов распределились следующим образом: 69% - «осталось без изменений», 16% - «значительно ухудшилось», 12% - «немного улучшилось», 3% - «немного ухудшилось».

Основной причиной того, что материальное положение «осталось без изменения» - молодые специалисты связывают с увеличением трудовой нагрузки (12%), использованием подсобного хозяйства как дополнительного источника дохода (2%), продажа сельского скота (9%), собирательство ягод, грибов (11%), предоставление в пользование жилого помещения (2%), работали «на второй работе» (27%). Причем, через 12 месяцев их материальное положение: не изменится – 69%, будет немного лучше – 18%, немного хуже – 13%.

Несмотря на большое множество федеральных программ, заключенного на 10 лет договора «социальных гарантий», по которому молодой специалист должен отработать в учреждении присутствует обеспокоенность своей жизнью: 39% опрошенных считают себя обеспокоенными «и да и нет», 33% - «очень беспокоит» их жизнь через 12 месяцев и беспокоит, что они не смогут себя обеспечить, 28% - «немного беспокоит своя жизнь через 12 месяцев».

В то же время, по словам молодых специалистов, проблема миграции молодого населения в более крупные города – вполне предсказуемый процесс поиска своей ниши молодым специалистом.

Чтобы занять достойную позицию на рынке труда недостаточно только переехать из села в город, необходимы еще и стартовые возможности (определенный уровень образования, наличие стартового капитала, жилье, помощь родителей).

Сельская молодежь – зачастую этого не имеет, а Программа позволяет получить жилое помещение (квартира, дом) и транспортное средство уже через 10 лет при соблюдении условий.

При получении высшего образования 70% молодых специалистов проживают на съемных квартирах ввиду отсутствия мест в общежитиях, параллельно пытаются работать, уменьшая бремя родителей на свое содержание в городе.

Владимир (22 года, учитель физкультуры и ОБЖ средней общеобразовательной школы г. Павлово). «Я – коренной житель, живу в пригороде моногорода, я также поддерживаю миграцию молодежи в более крупные города.

У меня была практика проживания в крупном городе- так вот- без своего жилья, делать там просто нечего.

Сначала молодой специалист трудоустраивается и предприятие не предоставляет жилье и не оплачивает расходы, связанные с его съемом, а зарплата сначала очень скромная, покрывающая только потребности в еде и транспортные расходы.

Без поддержки родителей не обойтись! А если они бюджетники?! Рассчитывать приходится только на себя. Купить квартиру в городе даже в ипотеку не могу без первоначального капитала, поэтому пришлось вернуться...».

Виктор Васильевич (директор средней общеобразовательной школы №16 г. Павлово) «я рад, что наше нижегородское правительство обратило внимание на сельских молодых учителей.

Молодежь – наша движущая сила, только она способна влиять на жизненную обстановку. Программа – это реально хорошая вещь, но еще надо не забыть тех учителей, которые также относятся к категории молодых специалистов, но в этот год не смогли стать ее участниками ввиду конкурсного отбора.

Главное – их также закрепить хотя бы на срок действия договора, а там... возможно и сами захотят остаться! Ведь когда приходит молодой специалист на работу вместе с ним появляются новые идеи, новые проекты, несмотря ни на что – ни на ситуацию в стране, в обществе.

Молодежь – источник жизненных сил. Я буду продвигать таких молодых специалистов, буду их рекомендовать в другие программы и всячески поощрять... Сельский учитель – это другой учитель, это не городской... Он приспособлен работать в школе с печным отоплением, где надо уметь обращаться с печкой, задвижками, разными приспособлениями.

И образование на селе должно быть другим – оно должно быть передовым, не отстающим, а именно передовым!»

Участники региональных и федеральных программ – молодые специалисты системы образования, здравоохранения, спорта и культуры, но другие категории молодых специалистов, работающих на селе, такие как молодые аграрии, бухгалтера и др. в программах не участвуют.

Также, в программах, как в региональных, так и в федеральных, отсутствует направление, позволяющее готовить молодые кадры к сельской жизни [6], а это означает, что предпринимаемые усилия по реформированию системы образования не будут способствовать созданию условий для выхода села из кризиса.

Введение профильного обучения призвано способствовать успешной социализации выпускников, успешная реализация которого предполагает совокупность правильно организованных взаимосвязей бизнес - сообщества, государства и системой образования и учитывающих:

Специфику сельского образования. Основная задача – адаптация молодежи к сельской жизни.

Сельская школа – основной элемент подготовки новых сельских жителей, отвечающий за систему непрерывного образования [10].

Реформирование сельской школы напрямую связано с реформированием инфраструктуры села [10].

Одно из направлений сельского образования – сельскохозяйственное образование.

Экономические, педагогические, культурные, социальные и ментальные признаки сельской школы в основе формирования социально – экономического и социально – культурного развития села [8].

Сельская школа призвана способствовать адаптации молодых специалистов посредством:

- формирования чувства патриотизма, повышение статуса профессии аграриев,
- сельских аграриев,
- подготовка молодежи к сельскохозяйственному труду,
- развитие проектов, способствующих решению сельских проблем.

Решить поставленные задачи возможно посредством:

- развитие различных форм совместной деятельности молодежи с предприятиями различных форм собственности,
- создание на базе школ центров дополнительного образования детей, молодежи, работающих специалистов.

Необходима целенаправленная работа всех институтов по «выращиванию» новых поколений сельских аграриев.

Здесь уместен вывод. В том виде, в каком существует сейчас сельская школа она не способна решить задачи, поставленные перед ней, так как не ставит задачей сформировать желание жить и работать на селе.

Заключение. Все процессы, происходящие в обществе взаимосвязаны и напрямую отражаются на сельских территориях.

Молодежь, являясь наиболее активной социальной категорией, призвана участвовать в реализации проектов в малых городах и сельской местности, но по ряду причин не имеет такой возможности. Их анализ способствует поиску новых причин адаптации на селе.

Слаборазвитая инфраструктура села — основная причина его вымирания и притока молодежи. Создать и обеспечить бесперебойное функционирование системы, направленной на возрождение сельских территорий, переход сельской школы из малокомплектной в центр социальной, культурной, образовательной сфер жизни села может только государство.

Региональные программы, направленные на молодежь, село и вопросы трудовой миграции не в состоянии решить все проблемы ввиду их узконаправленности.

Национальные проекты призваны решить ряд задач, среди них: повысить общественный престиж и статус таких профессий как врачи и учителя, обеспечить возможность постоянного повышения своей квалификации, улучшения инфраструктуры села, увеличения социальной активности сельских жителей, оснащение как сельских школ, клубов, так и фельдшерских пунктов).

В то же время, нельзя с большим сожалением не констатировать, что современная российская сельская школа не направлена на трудоустройство молодежи на селе, а это означает, что предпринимаемые усилия по реформированию системы образования не будут способствовать созданию условий для выхода села из

кризиса. В таких условиях село обречено на стагнацию и вырождение своей культурной и цивилизационной миссии в обществе.

В этой связи деятельность сельской школы должна носить междисциплинарный и межведомственный характер и учитывать специфику сельских молодых специалистов:

- системы образования с системой здравоохранения — в части здоровья сбережения детей,
- системы школьного образования и профессионального, научных исследований – в части объединения государственной образовательной политики,
- системы образования и СМИ — в части создания позитивного, привлекательного образа сельских жителей, повышения их социального статуса,
- системы образования и производственной сферы (сельских предприятий).

По нашему мнению, стать центром духовно – нравственного воспитания и социального развития села сельская школа может при соблюдении нескольких условий:

- воспитания в духе ответственности и любви к малой родине;
- уважение к сельскому труду;
- реализации проектов, направленных на введение, обустройство сельских территорий и проблем сельских жителей.

Мы убеждены, что для реализации поставленных задач, школа не должна быть оторвана от библиотеки, сельского клуба, институтов дополнительного образования. Для развития личности сельской молодежи должна работать вся совокупность образовательных и воспитательных ресурсов села, способная приводить к синергетическим эффектам в подготовке будущей личности. И эти эффекты на перекрестке дополнительности имеющихся у государства и общества ресурсов, а не их распылении [14]. Возрастает роль сельской школы в подготовке молодежи к большой жизни и по причине её объективной близости, шаговой доступности к ученикам. Она может и должна быть центром культурной и образовательной жизни для сельской молодежи.

При этом, модели реализации возрождения сельских школ должны быть гибкими и учитывать различные особенности и факторы такой деятельности:

- они должны быть адаптированы к местным условиям;
- они должны уравнивать организационную и педагогическую ценность школы.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (с изменениями от 12 апреля 1999г.).
2. Положение о порядке и условиях предоставления льготных целевых жилищных кредитов на строительство или приобретение жилья молодым семьям, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 июня 1994 года № 1180 «О жилищных кредитах».
3. Областная целевая программа «Социально – экономическая поддержка молодых специалистов, работающих в учреждениях образования, здравоохранения, спорта и культуры Нижегородской области» на 2006 – 2020 годы от 03.05.2006г. № 38-ФЗ.
4. Алапьев С.Ю., Ахметжанова Э.Р., Быков С.В., Цветкова И.В., Шехтман А.В. Социальный портрет выпускника основной средней школы Центрального района г. Тольятти (по результатам со-

циологического исследования «Девятиклассник - 98»/ С.Ю. Алапьев, Э.Р. Ахметжанова, С.В. Быков, И.В. Цветкова. – Тольятти: Изд-во Фонд «Развитие через образование», 1998.-с.72.

5. Бидуэлл Ч. Молодежь в современном обществе/Американская социология/ Ч. Бидуэлл. М. Прогресс, 1972.-с.78.

6. Буякас Т.М. Проблема и психотехника самоопределения личности/ Т.М. Буякас// Вопросы психологии.- 2002.-№2.-с.29.

7. Васильев С.В. Пути привлечения инвестиций в сельское хозяйство [Электронный ресурс]. <http://allrelf.net> (дата обращения: 28.02.2016).

8. Дякиева Б.Б. «Сельская школа в условиях модернизации российского образования (на примере Республики Калмыкии)» [Электронный ресурс] Publishing house «Sreda» - сайт <https://phsreda.com/e-articles/22/Action22-21574.pdf>-Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0).

9. Дякиева Б.Б. «Сельская школа в условиях модернизации российского образования (на примере Республики Калмыкии)» [Электронный ресурс] Publishing house «Sreda»- сайт <https://phsreda.com/e-articles/22/Action22-21574.pdf>-Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0).

10. Полякова А.А. Сельская школа как фактор развития сельских территорий // Вестник сельского развития и социальной политики. 2016. №2 (10). С 40-42.

11. Пряхников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряхников. – М.: Воронеж, 1996.- с.100.

12. Пряхников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряхников.- М.: Воронеж, 1996.- с.14.

13. Уильям К.О. О классовом характере безработицы и путях ее снижения/ К. Уильямс// СОЦИС-1997.-№5.-С.71.

14. Шалаев В.П. Из истории системосинергетики в пространстве отечественного и западного социально-гуманитарного знания // Socio Time / Социальное время.-2017.-N1(9).- С.80-100.

Авторская справка

БЕЛЯЕВА Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского, Нижегородская область, Павлово, Россия. E-mail: Belyaeva_ekaterinka@list.ru.

UDC 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.58

RURAL SCHOOLS IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

E. S. Belyaeva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Pavlovo (Russia)

Introduction. The purpose of this article is to analyze the problems of rural schools that affect the adaptation of young professionals in small towns and rural areas. The subject of the author's analysis is programs, both regional and Federal, designed to solve these problems. The unifying beginning was the sociological context – a questionnaire survey of young professionals working in schools in small towns and rural areas.

Methods. The article analyzes the problems of rural schools on the basis of a comparative method and a questionnaire survey.

Results. The state of the labor market in small towns and rural areas reflects the situation in the country's economy. Youth as the most active social category is called to change the situation. However, even it is not a driving force for a number of reasons. The analysis of them allows us to speak about the search for new approaches to the adaptation of young people. The reason for migration from the city is the poorly developed

infrastructure of the village. The migration process consists of the main stages: the migration process itself, its acceleration, and stabilization. All these processes occur under the influence of certain factors. State policy is designed to influence them by providing various benefits (for example, tax), using administrative coercion, creating small businesses. Only the state has the ability to influence labor migration.

The role of the production sphere, which is interconnected with the social sphere of the village, is increasing. Rural schools are given the role of a social structure, whose activities are interdisciplinary and interdepartmental, designed to nurture a "new generation of rural farmers", to facilitate the adaptation of young professionals.

Conclusion. Regional programs are aimed at solving narrow rural problems, national projects are designed to solve many problems in rural areas, however, they lack a direction that takes into account the orientation of rural school activities to prepare students for life and work in rural areas, which means that the ongoing efforts to reform the education system will not contribute to creating conditions for rural recovery from the crisis and the centralization of rural production, the system of state orders reflecting the price mechanism, preferential tax policy. In the context of youth migration, rural schools cannot remain the same and need a special development strategy.

Keywords: youth, migration, small towns and rural areas, interdisciplinary and interdepartmental nature of rural schools.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 16 sentjabrja 1992 g. № 1075 [Decree of the President of the Russian Federation] «O pervoocherednyh merah v oblasti gosudarstvennoj molodezhnoj politiki» [on priority measures in the field of state youth policy"] (s izmenenijami ot 12 aprelja 1999g.). [Decree of the President of the Russian Federation No. 1075 of September 16, 1992 "On priority measures in the field of State youth policy" (as amended on April 12, 1999).]
2. Polozhenie o porjadke i uslovijah predostavlenija l'gotnyh celevyh zhilishnyh kreditov na stroitel'stvo ili priobretenie zhil'ja molodym sem'jam, utverzhennogo Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii No. 1180 of June 10, 1994 "on housing loans". [Regulations on the procedure and conditions for granting preferential targeted housing loans for the construction or purchase of housing to young families approved by decree of the President of the Russian Federation No. 1180 of June 10, 1994 "on housing loans"].
3. Oblastnaja celovaja programma «Social'no – jekonomicheskaja podderzhka molodyh specialistov, rabotajushhih v uchrezhdenijah obrazovanija, zdavoohranenija, sporta i kul'tury Nizhegorodskoj oblasti» na 2006 – 2020 gody ot 03.05.2006g. № 38-FZ [Regional target program "Socio-economic support for young professionals working in educational, health, sports and cultural institutions of the Nizhny Novgorod region" for 2006-2020 from 03.05.2006 № 38-FZ].
4. Alashev S.Ju., Ahmetzhanova Je.R., Bykov S.V., Cvetkova I.V., Shehtman A.V. [Alashev S. Y., Akhmetzhanova E. R., Bykov S. V., Tsvetkova I. V., Shehtman, V. A.] Social'nyj portret vypusknika osnovnoj srednej shkoly Central'nogo rajona g. Tol'jatti (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija «Devjatiklassnik - 98») [the Social portrait of the graduate of basic high school Central district of Togliatti (by results of sociological research "Ninth - 98")]/ S.Ju. Alashev, Je.R. Ahmetzhanova, S.V. Bykov, I.V. Cvetkova [S. U. Halachev, E. R. Akhmetzhanova, S. V. Bykov, I. V. Tsvetkova.] Tol'jatti: Izd-vo Fond «Razvitie cherez obrazovanie», 1998.-s.72. [Tolyatti: publishing house of The Foundation "Development through education", 1998.- p. 72.]
5. Bidujell Ch. Molodezh' v [Youth in modern society]/ Amerikanskaja [American sociology] M. Progress, 1972.- p. 78.
6. Bujakas T.M. Problema i psihotehnika samoopredelenija lichnosti [a problem and a psycho self-identity]/ T.M. Bujakas// Voprosy psihologii.- 2002.-№2.-s.29. [Questions of psychology.- 2002.- №2.- p. 29.]
7. Vasil'ev S.V. Puti privlechenija investicij v sel'skoe hozjajstvo [ways to attract investment in agriculture] [Elektronnyj resurs]. <http://allrelf.net> (data obrashhenija: 28.02.2016) [[Electronic resource]. <http://allrelf.net> (reference date: 28.02.2016).]

8. Djakieva B.B. «Sel'skaja shkola v usloviyah modernizacii rossijskogo obrazovanija (na primere Respubliki Kalmykii)» [rural school in the conditions of modernization of Russian education (on the example of the Republic of Kalmykia)] [Elektronnyj resurs] Publishing house «Sreda» - sajt <https://phsreda.com/e-articles/22/Action22-21574.pdf>-Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0) [[Electronic resource] Publishing house "Sreda" - website <https://phsreda.com/e-articles/22/Action22-21574.pdf>-Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)].

9. Djakieva B.B. «Sel'skaja shkola v usloviyah modernizacii rossijskogo obrazovanija (na primere Respubliki Kalmykii)» [rural school in the conditions of modernization of Russian education (on the example of the Republic of Kalmykia)] [Elektronnyj resurs] Publishing house «Sreda» - sajt <https://phsreda.com/e-articles/22/Action22-21574.pdf>-Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0) [[Electronic resource] Publishing house "Sreda" - website <https://phsreda.com/e-articles/22/Action22-21574.pdf>-Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)].

10. Poljakova A.A. Sel'skaja shkola kak faktor razvitija sel'skih territorij [rural school as a factor in the development of rural territories]// Vestnik sel'skogo razvitija i social'noj politiki. 2016. №2 (10). S 40-42. [Bulletin of rural development and social policy. 2016. No. 2 (10). From 40-42.].

11. Prjazhnikov N.S. Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie [Professional and personal self-determination].- M.: Voronezh, 1996.- s.100. [Moscow: Voronezh, 1996.- p. 100.].

12. Prjazhnikov N.S. Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie [Professional and personal self-determination].- M.: Voronezh, 1996.- s.14. [Moscow: Voronezh, 1996.- p. 14.].

13. Uil'jam K.O. O klassovom haraktere bezraboticy i putjah ee snizhenija [On the class character of unemployment and ways to reduce it]// K. Uil'jams// SOCIS-1997.-№5.-S.71.[SOCIS-1997.- No. 5.- P. 71.].

14. Shalaev V.P. From the history of systemosinergetics in the space of domestic and Western social-humanitarian knowledge // Socio Time/Social time.-2017.-№1 (9) .- Pp.80-100.

Author's Bio

BELYAEVA E. S., Assistant of the Department of Industrial and Applied Sociology of the Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod, Pavlovo, Russia. E-mail: Belyaeva_ekaterinka@list.ru.

Библиографическая ссылка

Беляева Е. С. Сельская школа в фокусе социологического исследования // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 58-70. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.58

АНАЛИЗ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ОЭСР

Т. П. Лунай¹, И. П. Жоголь-Лабзеева²

¹Минский городской институт развития образования, Минск (Республика Беларусь)

²Национальный институт образования, Минск (Республика Беларусь)

Введение. Международное сообщество все более активно предпринимает шаги к разработке общих методов и критериев оценки качества образования, которая является эффективным инструментом совершенствования национальных систем образования. Статья посвящена анализу международного опыта разработки научно-методического обеспечения мониторинговых исследований в сфере образования (в частности, на примере стран ОЭСР), который может использоваться при организации и проведении изучения качества образования в рамках мониторинга.

Методы. Анализ научных публикаций по теме, официальных источников, социологические опросы учащихся, родителей и широкой общественности; анализ статистических данных по вопросам ресурсного обеспечения учреждений образования, организации образовательного процесса и его результатов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Система оценки качества образования представляет собой комплекс методологических подходов, методик, институциональных структур, эмпирических процедур и инструментов сбора, анализа и использования информации о качестве учебных достижений учащихся, особенностей организации образовательного процесса и его условий.

Заключение. Становится практически повсеместным использование результатов мониторинговых исследований качества образования на международном и национальном уровнях. Оценка качества образования сегодня открыта для представителей профессионального сообщества и рынка труда, способствует ориентации на требования и запросы современного общества.

На основании сделанного авторами анализа были сформулированы основные тенденции, характерные для современной образовательной ситуации.

Ключевые слова: качество образования, образовательные услуги, социальные институты, социальные процессы.

Введение. В современном обществе образование рассматривается как один из основных ресурсов и показателей обеспечения качества жизни, создания в социуме условий для развития человека.

Мониторинг качества образования — это система оценки качества образования на основе повторных исследований, характеризующихся единообразием подходов к определению объекта, выборки исследования, организационных механизмов, основных критериев, показателей и инструментария оценки, которые позволяют отслеживать динамику изучаемых показателей и принимать соответствующие управленческие решения по совершенствованию образовательного процесса.

Мониторинг как система оценки качества образования может осуществляться на уровне учреждения образования (внутришкольный мониторинг), региональном, национальном и международном уровне. Каждый уровень имеет свою

специфику целей, задач, организации исследования, анализа информации, презентации и использования результатов мониторинга.

По М. Кларк¹, эффективными считаются такие системы оценки, которые «обеспечивают получение информации достаточной по качеству и количеству для удовлетворения потребностей заинтересованных лиц в информационной основе для принятия решений, направленных на повышение качества образования и улучшение результатов обучения учащихся». Построение «эффективных образовательных систем, обеспечивающих качественное обучение, «имеет исключительно важное значение для развития и экономического роста» [6, С. 5].

За последние 20 лет многие страны начали реализовывать оценочные мероприятия или наращивать существующие системы оценки (ЮНЕСКО, 2007 г.). Организация экономического сотрудничества и развития (сокр. ОЭСР, англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики. В настоящее время в организацию входят 35 государств: Австралия (7 июня 1971), Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль (7 сентября 2010), Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Латвия (2 июня 2016), Люксембург, Мексика (18 мая 1994), Нидерланды, Новая Зеландия, (29 мая 1973), Норвегия, Польша (22 ноября 1996), Португалия, Словакия (14 декабря 2000), Словения (21 июля 2010), США, Турция, Финляндия (28 января 1969), Франция, Чехия (21 декабря 1995), Чили (7 мая 2010), Швейцария, Швеция, Эстония (3 июня 2010), Южная Корея (12 декабря 1996), Япония (28 апреля 1964).

С каждым годом наблюдается рост числа стран, участвующих в международных программах сравнительной оценки, например, таких, как «Тенденции в изучении математики и естествознания в разных странах» (TIMSS) и «Программа оценки достижений учащихся в разных странах» (PISA).

Методы. Анализ научных публикаций по теме, официальных источников, анализ статистических данных по вопросам ресурсного обеспечения учреждений образования, организации образовательного процесса и его результатов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Международные исследования в области качества образования. Как показывает опыт проведения исследований качества образования в различных странах, эффективность систем оценки (в том числе и национального мониторинга в Республике Беларусь) определяется, в первую очередь, качеством его *научно-методического обеспечения*, которое должно содержать в себе концептуальное видение изучаемой проблемы и путей её решения.

Помимо разработки теоретико-методологических положений для реализации вышеуказанной задачи необходимо также ответить на следующие практиче-

¹ Маргарит Кларк — старший специалист по образованию в Сети по развитию человеческого потенциала Всемирного банка, ведет работу со стороны Банка по направлению «Оценка обучения», которая включает в себя оказание поддержки отдельным странам в совершенствовании их деятельности по оценке и использованию получаемой в результате оценок информации, а также возглавляет глобальную рабочую программу по оценке достижений учащихся в рамках Российской программы содействия образованию в целях развития (READ).

ские вопросы: «С какой целью проводится оценка качества образования?», «Какие аспекты качества образования и связанные с ними факторы должны быть изучены?», «С помощью каких методов, шкал они могут быть измерены?», «Какие кадровые и финансовые ресурсы необходимы для осуществления оценочных процедур?», «Какая информация будет являться конечным продуктом оценки?», «Каковы потенциальные потребители информации, которая будет получена в результате оценки?», «Какие управленческие решения могут быть приняты на основе полученных результатов?»

Сегодня объективная информация может обеспечить «последующую результативную деятельность по коррекции образовательной ситуации, индивидуализации обучения, принятию управленческих решений, способствующих повышению качества образования, планированию повышения квалификации педагогов и реальному повышению качества образования» [14, С. 116].

В качестве методологических основ педагогических измерений выделяют следующие блоки вопросов:

- общие вопросы изучения учебных достижений учащихся (методология массовых сравнительных исследований; измерения в мониторинговых исследованиях);
- вопросы организации педагогических измерений в исследованиях различного уровня (определение объёма и дизайна выборки, распределение ответственности исполнителей, планирование различных этапов исследования);
- вопросы теории и практики педагогических измерений (надёжность и валидность оценок учебных достижений; методы оценивания результатов тестирования; средства коррекции оценок с учётом угадывания, тенденциозности и др.; теория измерения отношений; описательное шкалирование; измерение контекстных (фоновых) переменных; фиксирование наблюдений; особенности проведения анкетных опросов; рейтинговое шкалирование);
- анализ и интерпретация данных исследования (количественный и качественный анализ; анализ пропусков и стратегий выполнения теста; обработка первичной информации; многовариативный анализ; статистический анализ данных: корреляционный, факторный, кластерный, дискриминантный, регрессионный анализ; сравнительный анализ данных исследований (кроссвременной, межстрановой); моделирование оценок; анализ профилей оценивания) [10].

Исследования учёных позволяют увидеть взаимосвязь социальных противоречий современного общества с реальными проблемами и актуальными целями образования, которые обуславливают необходимость осуществления соответствующих реформ, совершенствования системы образования.

Характерным примером этого является система образования Франции, где за последние десятилетия неоднократно проходили проверку различные реформы и модели образования.

Отмечается, что актуальные проблемы французской системы образования обусловлены такими основными причинами, как кризис унифицированной системы и проблема неравенства. Первая связана с массовым прекращением обучения (15-20 % молодых людей бросают учёбу, так и не получив диплом о среднем,

а порой и о начальном образовании), что является серьёзным препятствием не только для будущего трудоустройства, но и для социальной адаптации нового поколения к современным условиям жизни.

Вторая проблема унифицированной системы образования заключается в том, что работа в классе, состоящем из учащихся с различным уровнем знаний, представляет значительные трудности для педагогов. Такая ситуация часто встречается в учреждениях образования, где много семей учащихся находится в сложных социальных условиях: трудности с устройством на работу иммигрантов, безработица родителей, и, соответственно, бедность. Это приводит к «запуску» процесса стигматизации в учреждениях образования [4;8].

Следует отметить, что неотъемлемым элементом реформирования системы образования Франции является предварительное изучение мнения общественности (учащихся, студентов и их родителей) относительно планируемых реформ, учёт и анализ различных факторов. В частности, это касается реформирования системы высшего образования в рамках Болонского процесса.

Новая реформа высшей школы во Франции, проходящая в рамках Болонского процесса, «продолжает линию профессионализации университетской подготовки, где в основе классификации образовательных программ лежит чётко выделенная направленность: профессиональная или исследовательская. Этот принцип соответствует основному назначению Болонского процесса — максимально приблизить вузовское образование к потребностям рынка труда и создать благоприятные условия для свободного передвижения и трудоустройства дипломированных специалистов» [1].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что одними из наиболее актуальных проблем системы среднего образования Франции и других западных стран в настоящее время является *уменьшение неравенства*, предотвращение дальнейшего социального расслоения общества, *трудоустройство и социальная адаптация выпускников учреждений образования*, что может быть рассмотрено как наиболее значимые показатели качества образования в современных условиях.

Учитывая то, что социальные процессы и трансформации социальных систем, включая систему образования, сегодня носят глобализационный характер, вышеуказанные вопросы заслуживают внимания не только в теоретическом аспекте определения методологических основ изучения качества образования (в том числе и в Республике Беларусь), но и в практическом ключе, связанном с решением актуальных и потенциальных задач образования, планировании опережающего развития системы образования.

Возвращаясь к теоретическим вопросам осмысления проблемы качества образования, можно отметить разнообразие трактовок и подходов к определению понятия «*качество*» применительно к образовательным системам.

Так, по заключению D. F. Westerheijden, *достижение конкретных образовательных целей* является характерным показателем качества образования, что рассматривается как эквивалент качества «конечного продукта». При этом подчёркивается, что качество образования является *многомерным понятием* и может

быть измерено относительно множества различных целей, стоящих перед участниками образовательного процесса.

По мнению Р. Jacobsson, различные подходы к определению качества чаще всего основаны на таких идеях, как *удовлетворение потребителей, пригодность для использования* или *превосходный уровень*. Как отмечает данный автор, определение качества образования зависит от того, кто и с какой целью производит оценивание, какие критерии и индикаторы используются. Относительно качества образования в высших учебных заведениях учёный выделяет следующие направления оценки: качество абитуриентов, качество процесса обучения; качество экзаменов; качество и уровень образовательного финансирования [7].

Harvey и Green рассматривают *качество образования в рамках деятельности высших учебных заведений* как: специальный процесс, направленный на положительный результат «на выходе»; усовершенствования в образовательном процессе; соответствие полученных результатов запросам, требованиям и ожиданиям потребителей; результат капиталовложений; предоставление новых возможностей для студентов и развитие новых знаний [7].

D. Adams, автор ряда исследований по проблеме качества образования, приводит около 50 определений данного термина, отмечая, что понятие «качество» имеет как описательные, так и нормативные характеристики. В контексте изучения и совершенствования качества образовательных систем подразумевается нормативное использование термина, при этом понятия «качество», «продуктивность» и «эффективность» используются как синонимы. D. Adams выделяет шесть *основных подходов к определению понятия «качество образования»*:

- по репутации учреждения образования;
- по ресурсам и затратам на обеспечение и организацию образовательного процесса;
- по качеству самого учебного процесса;
- по содержанию образования;
- по результатам образовательного процесса;
- по «добавленной ценности» (качественный прирост знаний, культурного уровня и в целом «расширение человеческих возможностей учащихся») [11].

Первый подход (по репутации учреждения) более распространён среди потребителей образовательных услуг и основывается на информации о ресурсах образовательного учреждения, организации образовательного процесса, результатах обучения и трудоустройстве выпускников.

Второй подход в основном используется при аккредитации учреждения образования и предполагает изучение объёма финансирования, материально-технического обеспечения образовательного процесса.

При анализе качества образовательного процесса оцениваются не только ресурсы и результаты этого процесса, но и взаимодействие педагогов и учащихся, количество учебных часов, качество учебных программ и т.д.

Оценка качества относительно содержания образования предполагает определение степени его соответствия потребностям государства, социума, учреждения образования, формальным и неформальным установкам относительно того

минимума информации, который необходим для успешной социализации человека в данном сообществе.

Результаты образовательного процесса являются основным показателем качества образования для органов управления образованием, которые оценивают учебные достижения учащихся (когнитивные навыки) при переходе на следующий образовательный уровень.

Под «добавленной стоимостью» в данном контексте подразумеваются индивидуальные изменения, которые произошли с учащимся под действием образовательной системы или учреждения, транслируемых посредством образования культурных норм и традиций. Поскольку в этом случае речь идёт о динамике индивидуальных достижений учащихся, данный показатель может использоваться при оценке качества образования на уровне класса и/или учреждения образования в рамках внутришкольного мониторинга.

По мнению Нечаевой Г. Ю., современное понимание международным сообществом качества образования наиболее полно отражает точка зрения исследователей J. Colby и M. Witt, которые выделяют такие *составляющие качественного образования*, как:

- учащиеся, которые здоровы, получают хорошее питание, готовы учиться при поддержке семьи и общества;
- безопасная образовательная среда, которая позволяет сохранить здоровье учащихся, учитывающая гендерные особенности, обеспечивающая необходимыми ресурсами и благоприятными условиями;
- содержание образования, отражённое в соответствующих учебных программах и учебных материалах для овладения базовыми навыками в области грамотности, арифметики и навыками жизнеобеспечения, связанными с вопросами пола, здоровья, питания, предотвращения заболеваний ВИЧ / СПИД, мирного сосуществования;
- образовательный процесс, в рамках которого подготовленные педагоги используют подход в обучении, где на первом месте стоят интересы ученика, используются такие методы оценивания результатов обучения учащихся, которые стимулируют их учебную деятельность и сводят к минимуму различия в объёме знаний; занятия проводятся в специально оборудованных помещениях;
- результаты, которые включают знание, умение и личную позицию, которые соотносятся с национальными задачами в области образования и положительным вкладом выпускников в общественную жизнь [11; 15].

Данные критерии качества приводятся в документах ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ. Глобальная кампания по Образованию (Global Campaign for Education) к этому перечню добавляет ещё такой компонент, как *реагирование* на многообразие потребностей детей в целях подотчётности перед родителями учащихся.

Относительно оценки результатов обучения ЮНЕСКО выделяет следующие составляющие:

- знания — основные когнитивные результаты, которыми должны обладать все учащиеся, прошедшие курс обучения, что включает в себя грамотность чтения, письма, счета и знания основ учебных предметов;

- ценности — солидарность, гендерное равенство, толерантность, взаимопонимание, уважение к правам человека, неприятие насилия, ценность человеческой жизни, чувство собственного достоинства;
- навыки и компетентности — навыки решения проблем, организации экспериментов, работы в команде, взаимодействия с другими людьми, умение учиться;
- поведение — готовность применять на практике полученные знания [2].

При изучении качества результатов обучения как составляющей качества образования также может быть использован такой инструмент измерений, как *национальная рамка квалификаций*. Рамка квалификаций представляет собой системное и структурированное по уровням описание признаваемых квалификаций в соответствии с рядом критериев, установленных для определения уровней полученного обучения.

С помощью рамки можно осуществлять измерение результатов обучения на различных уровнях (ступенях) образования: начального, среднего, высшего образования, образования для взрослых и др. Рамки определяют основу для повышения качества образования, его доступности, прозрачности, признания полученных квалификаций в обществе и на рынке труда в стране и за рубежом.

В настоящее время в Европейском Союзе разработана и утверждена Европейская рамка квалификаций, на основе которой различными странами, в том числе Беларусью, разрабатываются национальные рамки квалификаций.

Европейская рамка квалификаций (ЕРК) является рамочным документом, описывающим обобщённую структуру квалификаций образования всех уровней, и предназначена для обеспечения сравнимости, сопоставимости и признания дипломов / свидетельств об образовании европейских стран в целях развития академической и трудовой мобильности на Европейском континенте.

ЕРК представляет собой метарамку, которая состоит из восьми уровней, соответствующих различным ступеням образования, для каждого из которых представлен перечень знаний, умений и компетенций (понимаемых как уровень ответственности, сложности и автономии выполняемых видов деятельности), определяющих качественное отличие одного уровня от другого [13].

Европейская рамка квалификаций согласуется с трёхступенчатой структурой высшего образования, утверждённой Болонским процессом, охватывая при этом более широкий спектр уровней обучения (среднее образование, неформальное и информальное образование, профессиональное образование и др.). Результаты обучения на том или ином уровне и полученные квалификации определяются с помощью *дескрипторов*, которые представляют собой описание того, что должен знать, понимать и / или уметь обучаемый по завершении курса обучения.

Дублинские дескрипторы, утверждённые для Болонской структуры квалификаций, включают в себя следующие группы образовательных результатов:

- 1) знание и понимание;
- 2) использование на практике знания и способности понимания;
- 3) способность к вынесению суждений, оценке идей и формулированию выводов;

- 4) умения в области общения;
- 5) умения в области обучения [13, С. 256-259].

Отдельное внимание в экономически развитых странах при рассмотрении вопросов качества образования уделяется проблеме профессиональной подготовки и повышению квалификации педагогических работников.

Рост уровня образования как основополагающий фактор роста индекса человеческого развития.

Знания как составляющая индекса развития человеческого потенциала определяются посредством *индекса развития образования* (ИРО), который представляет собой сводный количественный показатель развития системы образования в той или иной стране. Данный индекс вычисляется, исходя из шести принципов, сформулированных в Дакарской Декларации тысячелетия:

- 1) образование детей доначального обучения, дошкольная подготовка всех детей, особенно из социально незащищённых слоёв населения;
- 2) бесплатное качественное обязательное начальное обучение (100-процентный охват детей начальным образованием; высокие результаты по чтению, математике, естествознанию по шкале международных сравнительных исследований, например, PISA по окончании обучения на начальной ступени образования);
- 3) обеспечение образовательных потребностей разных групп населения в равном доступе к соответствующим программам обучения, приобретения жизненных навыков и воспитания гражданственности;
- 4) повышение функциональной грамотности всех слоёв населения (в соответствии с современными подходами к определению грамотности);
- 5) гендерное равенство в доступе к высококачественному образованию и его завершению;

По первому критерию развитые страны стремятся к 100-процентному охвату дошкольным образованием детей (минимум в течение одного года); по второму — кроме 100-процентного охвата при поступлении в школу и 100-процентного поступления в 5 класс основной ступени образования поставлена цель исключения такого явления, как «второгодничество».

В настоящее время индекс развития образования рассчитывается, исходя из следующих основных показателей: охват начальным образованием (ОНО), грамотность взрослых (ГВ), доля доучившихся до 5 класса (Д5), гендерный паритет (ИГР).

Гендерный паритет является отдельным индексом, который представляет собой среднее значение между охватом начальным и средним образованием и грамотностью взрослых. При этом рассчитывается отношение девочек к мальчикам по охвату начальным, средним образованием и образованием для взрослых.

В целом, педагогическое тестирование в рамках международных сравнительных исследований проводится с 1950 г., когда была создана международная ассоциация по оценке учебных достижений учащихся (IEA). В рамках деятельности данной организации был подготовлен и осуществлён ряд крупных иссле-

дований, посвящённых сравнительному анализу усвоения учащимися когнитивных навыков на разных уровнях школьного обучения в нескольких странах [9].

Помимо изучения результатов образования, которые выражаются в уровне учебных достижений учащихся, международные организации исследуют и качество процесса образования. В рамках проекта ОЭСР «Показатели систем образования» (Indicators of Education Systems — INES) были разработаны методологические основы определения показателей качества образовательного процесса, процедур сбора, обработки и анализа информации.

Эти показатели предусматривают сравнение государственных и частных расходов на образование, изучение исходных ресурсов (соотношение учащихся и учителей, учителей и административно-технического персонала, преподавательскую нагрузку, годовую учебную нагрузку) [5].

Заключение. На основании сделанного нами анализа можно отметить основные тенденции, характерные для образовательной ситуации:

1. В качестве основных подходов к определению понятия «качества образования» и его показателей выделяются объективистский, релятивистский подходы и подход с позиций концепции развития. В рамках национального мониторинга могут использоваться объективистский и релятивистский подходы. Последний связан с оценкой результатов обучения по критерию соответствия актуальным целям и задачам образования.

2. Актуальными целями и задачами образования в мировом масштабе сегодня являются минимизация социального неравенства, обеспечение физического и психологического здоровья учащихся, их социальная адаптация и подготовка к жизни в современном обществе, формирование у учащихся базовых ценностей демократического общества: ценности человеческой жизни, уважение прав человека и др., стопроцентный охват детей дошкольным и начальным образованием, повышение функциональной грамотности всех слоёв населения.

3. Несмотря на имеющиеся институциональные отличия в организации и проведении национальной оценки качества образования, в большинстве стран ОЭСР выявляется тенденция централизации процессов управления. Наряду с этим образуются независимые или частично независимые от образовательных учреждений и органов управления системой образования структуры для оценки качества образования.

4. На современном этапе анализ результатов мониторинга не ограничивается констатацией состояния качества образования, используются инновационные методы долгосрочного прогноза и установления тенденций в развитии качества образования. Результаты мониторинга анализируются и интерпретируются с различных точек зрения, что позволяет выбирать оптимальные направления коррекции образовательного процесса.

5. Итоги мониторинговых исследований качества образования все чаще используются на международном и национальном уровнях, освещаются в средствах массовой информации, сети Интернет, доступны для обсуждения широкой общественностью, представителями гражданских институтов, профессионально-

го сообщества и рынка труда, что способствует ориентации системы образования на требования и запросы современного общества.

Список литературы

1. Апкарова Е. Б. Система высшего образования во Франции и пути её реформирования в рамках Болонского процесса // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 60-66.
2. Вальдман, И. А. Ключевые аспекты качества образования: обзор международных тенденций / И. А. Вальдман. — Москва: Методист: АПКИППРО, 2008. — 48с.
3. Вебер Л. Проблемы образовательной системы во Франции [Электронный ресурс] / «Скепсис». — URL: http://scepsis.ru/library/id_389.html (дата обращения 07.12.2020).
4. Волкова О. А., Липай Т. П., Кадуцкий П. А. Дисфункциональные проявления в современной системе основного общего образования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 4. С. 574-582.
5. Заир-Бек Е. С., Тряпицина А. П. Подготовка специалистов в области образования к участию и использованию международных программ оценки качества образования для всех: национальное видение: рекомендации по результатам научных исследований / под ред. Акад. Г. А. Бордовского. Спб., Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 20-23
6. Кларк М. Что является наиболее важным в системах оценки достижений учащихся: основные ориентиры // Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. 2012. — 64 с.
7. Клычева Е. В., Меркулова О. П. Обеспечение качества образовательного процесса (уровень факультета): науч.-метод. материалы. Волгоград: Перемена, 2000. 28 с.
8. Липай Т. П., Мамедов А. К. Социальная стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. — 2011. — № 1. — С. 7-22.
9. Международная ассоциация по оценке учебных достижений IEA (International Association for the Evaluation of Educational Achievement). URL: <https://iieo.ru/iea>. (дата обращения 12.12.2020).
10. Мясников В. А., Найденова Н. Н. Постсоветское образовательное пространство в контексте педагогических измерений. Москва: ИТИП, 2006. 479 с.
11. Нечаева Г. Ю. Основные результаты исследований по проблемам качества образования в современном мире // Проблемы качества образования в Беларуси и России в контексте интеграционных процессов. Ч. 2, Могилев, 2009. — С.81-125.
12. Образование для всех: выполнение наших коллективных обязательств», принятые 26-28 апреля 2000 года всемирным форумом по образованию в Дакаре, Сенегал. Дакарские рамки действий. URL: <http://www.un.org/ru/events/literacy/dakar.htm> (дата обращения 12.12.2020).
13. Строчук М. С. Национальная рамка квалификаций в сфере высшего образования европейских стран // Сравнительная педагогика в условиях международного сотрудничества и европейской интеграции. Брест: БрГУ, 2011. Ч. 2. 300 с.
14. Третьякова Т. В. Педагогические измерения, их роль в оценивании качества образования // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. С. 116-120.
15. Defining Quality in Education. URL: https://www.right-to-education.org/sites/right-to-education.org/files/resource-attachments/UNICEF_Defining_Quality_Education_2000.PDF. (дата обращения 15.12.2020).

Авторская справка

ЛИПАЙ Татьяна Петровна, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры управления и экономики образования, Минский городской институт развития образования, Минск, Республика Беларусь. E-mail: lipai@tut.by.

ЖОГОЛЬ-ЛАБЗЕЕВА Ирина Петровна, магистр социологии, заместитель начальника управления мониторинга качества образования, Национальный институт образования, Минск, Республика Беларусь. E-mail: zhogolirina74@gmail.com.

UDC 316.4.051.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.71

ANALYSIS OF EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR MONITORING THE QUALITY OF EDUCATION IN OECD COUNTRIES

T. P. Lipai¹, I. P. Zhogol-Labzeva²

¹*Minsk City Institute of Education Development, Minsk (Republic of Belarus)*

²*National Institute of Education, Minsk (Republic of Belarus)*

Introduction. The international community is increasingly taking steps to develop common methods and criteria for assessing the quality of education, which is an effective tool for improving national education systems. The article is devoted to the analysis of international experience in the development of scientific and methodological support for monitoring research in education (in particular, on the example of OECD countries), which can be used in organizing and conducting a study of the quality of education in the framework of monitoring.

Methods. Analysis of scientific publications on the topic, official sources, sociological surveys of students, parents and the general public; analysis of statistical data on issues of resource provision of educational institutions, organization of the educational process and its results.

Results. The system for assessing the quality of education is a complex of methodological approaches, techniques, institutional structures, empirical procedures and tools for collecting, analyzing and using information about the quality of educational achievements of students, features of the organization of the educational process and its conditions.

Conclusion. The use of the results of monitoring studies of the quality of education at the international and national levels is becoming almost universal. Assessment of the quality of education today is open to representatives of the professional community and the labor market, contributes to focus on the requirements and demands of modern society.

Based on the analysis made by the authors, the main trends characteristic of the modern educational situation were formulated.

Keywords: quality of education, educational services, social institutions, social processes.

References

1. Apkarova E. B. The system of higher education in France and the ways of its reforming within the framework of the Bologna process // Problems of modern education. 2011. No. 4. pp. 60-66.
2. Waldman, I. A. Key aspects of the quality of education: an overview of international trends / I.A. Waldman. - Moscow: Methodist: APKiPRO, 2008. 48 p.
3. Weber L. Problems of the educational system in France [Electronic resource] / "Skepsis". - Available at: http://skepsis.ru/library/id_389.
4. Volkova O. A., Lipai T. P., Kadutsky P. A. Dysfunctional manifestations in the modern system of basic general education // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2019. Vol. 44. No. 4. pp. 574-582.
5. Zair-Bek E. S., Tryapitsina A. P. Training specialists in the field of education for the participation and use of international programs for assessing the quality of education for all: national vision: recommendations based on the results of scientific research / ed. Acad. G. A. Bordovsky. SPb., Publishing house of the Russian State Pedagogical University im. A. I. Herzen, 2006. pp. 20-23
6. Clark M. What is most important in student assessment systems: basic guidelines // International Bank for Reconstruction and Development / World Bank. 2012. 64 p.
7. Klycheva E. V., Merkulova O. P. Ensuring the quality of the educational process (faculty level): scientific method. materials. Volgograd: Change, 2000. 28 p.

8. Lipai T. P., Mamedov A. K. Social stigmatization as a social phenomenon (research methodology) // Actual innovative research: science and practice. 2011. No. 1.
9. International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA). Available at: <https://fioco.ru/iea>.
10. Myasnikov V.A., Naydenova N.N. Post-Soviet educational space in the context of pedagogical dimensions. Moscow: ITIP, 2006. 479 p.
11. Nechaeva G. Yu. The main results of research on the problems of the quality of education in the modern world // Problems of the quality of education in Belarus and Russia in the context of integration processes. Part 2, Mogilev, 2009. pp. 81-125.
12. Education for All: Meeting Our Collective Commitments", adopted on 26-28 April 2000 by the World Education Forum in Dakar, Senegal. Dakar Framework for Action. Available at: <http://www.un.org/ru/events/literacy/dakar.htm>.
13. Strochuk M. S. National qualifications framework in the field of higher education in European countries // Comparative pedagogy in the context of international cooperation and European integration. Brest: BrSU, 2011. Part 2. 300 p.
14. Tretyakova T. V. Pedagogical measurements, their role in assessing the quality of education // Bulletin of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. 2013. pp. 116-120.
15. Defining Quality in Education. Available at: https://www.right-to-education.org/sites/right-to-education.org/files/resource-attachments/UNICEF_Defining_Quality_Education_2000.PDF.

Authors' Bio

LIPAI Tatyana Petrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics of Education, Minsk City Institute of Education Development, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: lipai@tut.by.

ZHOGOL-LABZEEVA Irina Petrovna, Master of Sociology, Deputy Head of the Department for Monitoring the Quality of Education, National Institute of Education, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: zhogolirina74@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Липай Т. П., Жоголь-Лабзеева И. П. Анализ опыта разработки научно-методического обеспечения мониторинга качества образования в странах ОЭСР // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 71-82. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.71

UDC: 316.453

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.83

PROBLEMS OF MODERN YOUTH ADAPTATION IN THE ARKHANGELSK REGION IN THE CONDITIONS OF SOCIAL DISTANCE

M. L. Potapova*Northern (Arctic) Federal university named after M. V. Lomonosov, Archangelsk (Russia)*

Introduction. The article has the goal to determine the conceptual basis of the theory of social adaptation. This is motivated by a high level of youth migration from the Arkhangelsk region, a low level of employment, problems with employment and social adaptation of youth. Problems with the social adaptation of young people began to be studied not so long ago, so there are still no significant solutions. The study of youth social adaptation is one of the most actual problems, because young people belong to the most vulnerable social group, and modern society too quickly changes and dictates new rules in all spheres of life.

Methods. I employed the following methods: firstly, analyzing and structuring the information about social adaptation of the young people in Arkhangelsk region, secondly, correlation study according to different characteristics of the population in Russia and in Arkhangelsk region, and, finally, working out recommendations for promoting the strategy of youth social adaptation in the Arkhangelsk region.

Results. As a result, I demonstrated a new system of social adaptation of youth. The system shows a conceptual model of social adaptation of a young person. On the basis of this, connections with the outside world and external factors are already being built. The research provided some useful insights into the problem of youth social adaptation. Regarding all the mentioned factors I attempted to make several recommendations to improve youth social adaptation in the Arkhangelsk region.

Conclusion. Theoretical contributions and practical implications indicate that it is rather difficult to assess what result of social adaptation a person should come to, since a positive result for one individual may be negative for another. But recommendations given in this paper might be a background for modeling new actual mechanism of social adaptation and conducting further research in this topic.

Keywords: youth, social adaptation, migration, modern society, values.

Introduction. Sociologists, analysts and scientists from various fields of science identify quite a lot of problems in the Arkhangelsk region, among them: severe climatic conditions; environmental problems; undeveloped infrastructure; lack of affordable housing for young families; inefficiency of the health care system and the low health status of the population; the lack and sometimes the absence of educational institutions in some areas; the outflow of the population, especially young people, etc.

All these and other problems require an immediate and competent solution, since it primarily concerns young people. This is especially evident in their adaptation period, when a young man/woman who has just graduated from a school chooses his/her path: to continue his/her education or to get a first job, or may be to combine them. A family, society and state structure create conditions for the “start” of the youth adaptation. Considering the current problems of the society, still unsolved by the state from generation to generation, young people decide to leave the Arkhangelsk region.

Young people have become the subject of research in science recently. It is supported by the fact that the number of works devoted to youth issues has been constantly growing. The founders of social adaptation M. Weber, E. Durkheim, T. Parsons, V.

Dilthey, J. Mead, G. Bloomer, I. Hoffman, A. Schütz and others are rightfully considered to be the classics of sociological thought [3].

Adaptation is a very multifaceted process, therefore, there are many definitions of adaptation in modern science. The American philosopher A. Toffler outlined his whole life as an adaptation process in one of his statements: “Change is not something that is necessary for life. They are life. I think life is an adaptation” [23].

And doctor of Sociology, L. V. Korel, gave two definitions of the sociology of adaptations:

- a science of social adaptations: their origin and nature (forms, types, functions, mechanisms, effectiveness and consequences, etc.);
- a science about those phenomena of people interacting with each other that are related to adaptation, the latter generating socially significant and empirically established changes in the consciousness and standards of human behavior, their real social practices” [14].

All the definitions of the youth adaptation are connected with structure, mechanisms, and forms of adaptation. Each scientist puts the same meaning using different definitions. V. P. Shcherbakova summarized the main approaches used at the present stage of development of social adaptation in science:

1. Accommodation (M. R. Bityanova, L. L. Spac, A. V. Sukharev, E. V. Petrova);
2. Homeostasis (L. Festinger, R. Yu. Ilyuchenok, K. Levin, T. Parsons, M. A. Shabanova);
3. Inclusion (T. L. Konchanin, A. A. Krupenin, I. A. Miloslavova);
4. Interaction (E. M. Avraamova, I. S. Diskin, T. Dorokhin, I. A. Georgieva);
5. Satisfaction (D. Mc. Clelland, Y. A. Cohen, N. F. Naumova, I. M. Popova);
6. Rationality (A. G. Asmolov, P. Lindsay, D. Norman, V. A. Petrovsky, M. Weber);
7. Development (Yu. A. Karpova, G. I. Tsaregortsev) [21].

It is rather difficult to assess what result of social adaptation a person should come to, since a positive result for one individual may be negative for another. The evidence of this is schematically presented in the Rean’s model of social adaptation of a person [18], which can be seen in Figure 1.

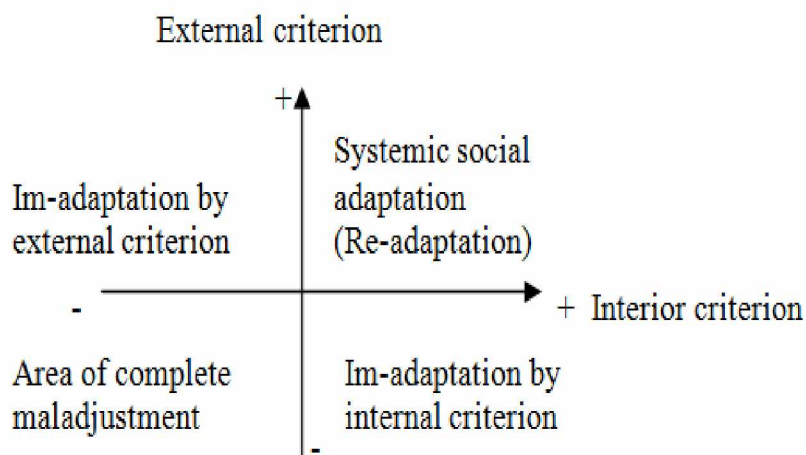

Fig. 1 — Social adaptation of personality (based on the ideas of A. A. Rean [18]).

Rean proposed to use the construction of an integral type model with the allocation of criteria for social adaptation of the personality of the external and internal plan. The social adaptation is the continuous process of society development, and its goal is to increase the survival potential of the subject's adaptation. Scientists distinguish a few mechanisms of social adaptation considered in this study, in particular mechanisms offered by Doctor of Psychology, Professor A. A. Rean [18].

Still, the ways of youth adaptation in the modern society are not yet been considered. In the present article we will discuss how to help young people in the process of social adaptation and what we need to do. The purpose of the study is to determine the conceptual basis of the theory of social adaptation. Definition of factors and criteria of social adaptation will be the result of the research. The article will also consider one of the important aspects of the impact on the process of social adaptation of youth, namely the current situation in the world: forced social distancing. Also, we will offer recommendations how to influence changes in mechanisms and outcomes of social adaptation. To achieve the purpose, we will study and structure relevant scientific literature on the topic and the history of the concept of adaptation.

Methods. Analyzing and structuring the information about social adaptation of the young people in Arkhangelsk region.

First of all, I analyzed statistical data about the population in Arkhangelsk region. Department of the Federal State Statistics Service for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug represents the official data: at the end of October 2020 there are 1136 thousands of people living in the Arkhangelsk region and 22,8 % of them are youth (15 — 35 years old). In two years, the population of the youth decreased on 5,9 % (it is 16 377 thousand of young people) [6]. These data are clearly presented in the table 1.

Table 1 — Number of youths in the Arkhangelsk region.

Year	2018	2019	2020
Population of the Arkhangelsk region in general	1 155 028	1 144 119	1 136 535
Youth	275 875	265 877	259 498
% of youth	23,9	23,2	22,8
Δ , number	-	-9 998	-6 379
Δ , %	-	-3,6	-2,4

Secondly, I surveyed and structured primary (governmental laws and documents) and secondary sources (articles of how to employ these documents) about youth social adaptation in the Arkhangelsk region.

They can be found on the following resources:

1) Information portal of the city of Arkhangelsk [12] —the reader can find here information about past and future projects and competitions for youth as well as their results. For example:

1. Regional competition "The best social project of the year". The objective of the event is to find and identify the best projects in the field of social entrepreneurship. The goal is to popularize socially oriented activities. There are six nominations in the competition: in healthcare, in the field of education, in the field of culture, in the digital economy, in the field of ecology, in the sphere of labor and employment [12].

2. Competition of projects for socially oriented non-profit organizations "Good deeds to a good city". Subsidies are allocated for the implementation of projects in the following areas:

- social-psychological, social-pedagogical support and protection of the rights of a young family;
- patriotic education of youth; social inclusion of young people with disabilities;
- professional orientation of young people on working specialties; organization of leisure time for young people;
- prevention of socially negative phenomena in the youth environment;
- development of civil society institutions among the youth;
- participation of youth in international, all-Russian, regional events (competitions, seminars, forums, rallies) [12].

2) All-Russian Public Opinion Research Center [1] — publishes information on scientific, expert, educational and research activities, schedule of upcoming events, materials of events and projects held, primary data, analytics, methodological materials, scientific publications.

1. Study "Emigration Moods - 2020: Where I Was Born, And There I Was Useful" - The vast majority of Russians (82 %) do not express a desire to move to another country for permanent residence. More often, the prospects of relocation are viewed as unacceptable by our fellow citizens over 34 years old: 35—44 years old – 78 %, 45—59 – 90 %, 60 and older — 96 %. 16 % of the respondents are thinking about changing their country of residence, including 38 % among young people aged 18-24.

2. Interview with Valery Valerievich Fedorov (Russian political scientist and sociologist, general director of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion) - a "greenhouse" generation of young patriots has grown up in Russia [1].

3) Russian Society of Sociologists [19] - publications and scientific articles on various research topics:

1. Russian youth before modern challenges of the labor market (Konstantinovskiy D.L., 2019);

2. Current labor market challenges and Russian youth (Konstantinovskiy D.L., 2019);

3. Grant "Working youth today: study, work, social well-being".

4) Federal educational portal: Economics. Sociology. Management [10] - books, articles, dissertations in the fields of economics, sociology and management:

1. Modern working youth in the light of a comprehensive interdisciplinary analysis: aspects of socialization and adaptation (T. Z. Adamyants, 2019). The article analyzes the relationship between the socially significant aspects of socialization and adaptation of modern young workers and their socio-mental characteristics, or the level of development of their communication skills, formally determined on the basis of studying the peculiarities of understanding the semantic dominants of the perceived works.

2. Youth in the socio-economic and ethical frame of reference (E. M. Avraamova, 2017). The article is devoted to the study of young people's ideas about the mechanisms of social structure and vertical mobility.

I studied all information in my field from these sources in order to correctly assess the current situation of social adaptation of youth in Russia and in Arkhangelsk region. Correlation study.

Next step is to compare population composition in Russia and in Arkhangelsk region, number and directions of youth projects, emigration moods, values of youth, youth unemployment and level of education in Russia and in Arkhangelsk region.

Recommendations.

The result of this article is a number of recommendations for promoting the strategy of youth social adaptation in the Arkhangelsk region. These recommendations can be useful both for students whose research topic is correlated with this one, for young scientists, all involved in youth policy and people interested in the development of the Arkhangelsk region.

Results. The conducted study demonstrates the following results.

Figure 2 shows the ratio of the proportions of young people aged 15 to 35 years in Russia and in the Arkhangelsk region.

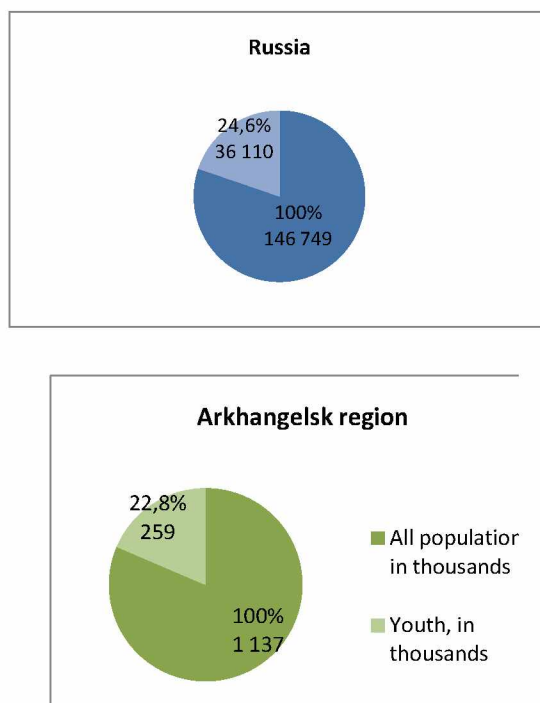

Fig. 2 - The population of Arkhangelsk region, in thousands at the end of October 2020.

The share of young people in Russia and in the Arkhangelsk region is approximately the same, but its dynamics (Figure 3) show that the share of young people in the Arkhangelsk region is decreasing much faster than in Russia. Such indicators may show a low level of medicine, fertility or a high level of emigration.

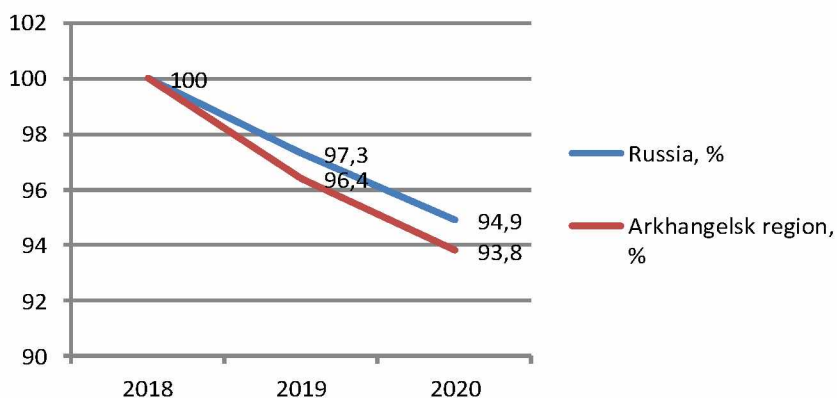

Fig. 3 — Dynamics of the youth share in the total population.

The following graph (Figure 4) also confirms a significant increase in the present high level of population migration of the Arkhangelsk region. Such indicators characterize well the general attitude of the population to living in this region and the impact of this attitude on youth.

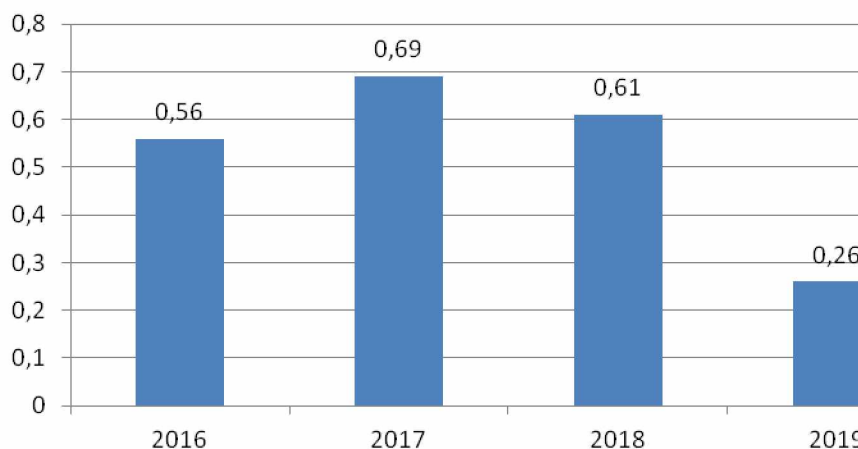

Fig. 4 — Percentage of the population migrated from the Arkhangelsk region [source: ...].

Due to the emergence of a pandemic and the conditions of self-isolation, the number of the migrated population in 2019 has significantly lower rates than in previous years. Time after the abolition of the self-isolation and quarantine regime will show a more realistic dynamics of the mood of society and youth.

The following graph (Figure 5) shows the distribution of the population over 15 years old of Russia and the Arkhangelsk region by educational level.

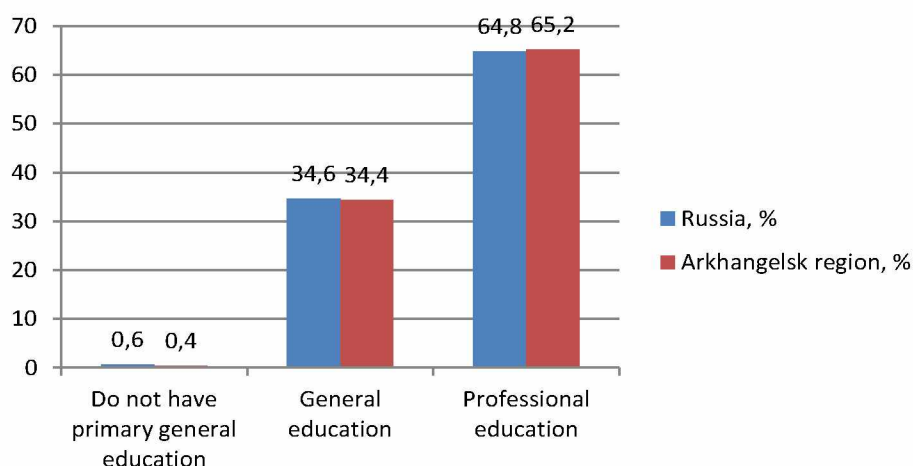

Fig. 5 — Distribution of the population over 15 years old by educational level.

The level of education in the Arkhangelsk region corresponds to the indicators for Russia, which is a good characteristic and should stimulate young people to stay in the Arkhangelsk region, develop it with the help of their professional knowledge and skills.

The unemployment rate can be observed in the Figure 6.

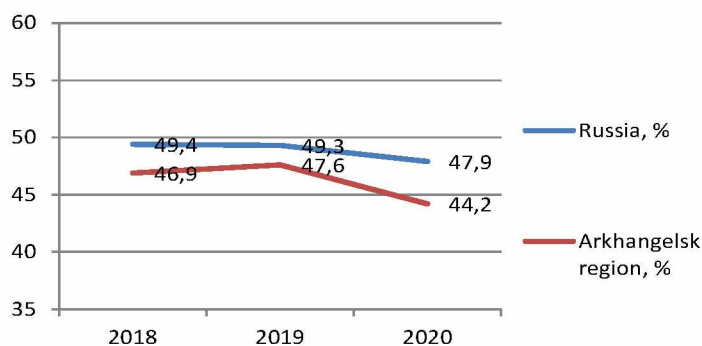

Fig. 6 — Percentages of employed population.

The lower level of the working population in the Arkhangelsk region as compared with Russia characterizes the poor organization of the labor market and the inadequacy of the graduated specialists to the needs of the labor market. It can also characterize poor motivation and lacking desire of the population to work. This is one of the main reasons for the high migration level of the population of the Arkhangelsk region. Every year, the Regional Youth House, with the support of the Government of the Arkhangelsk Region, organizes a regional competition of projects in the field of state youth policy, the winners of which receive grants for the implementation of their own ideas. In 2020, 154 applications were received for the competition, 73 projects from 25 municipalities of the Arkhangelsk region were supported. The competition is held in the following nominations:

1) «Healthy environment» — projects aimed at promoting a healthy lifestyle among young people and their involvement in environmental protection and environmental education;

2) «We are Together» — projects aimed at preventing asocial phenomena in the youth environment, supporting youth in difficult life situations and spiritual and moral education of youth;

3) «Creative» — projects aimed at supporting the creative initiatives of youth, creative industries, new forms and methods of working with youth subcultures;

4) «Personnel for the region» — projects aimed at the development of volunteerism, career guidance of youth and support for working youth, development of social and professional competencies of youth;

5) «All Planet» — projects aimed at promoting interethnic harmony and tolerance among young people, supporting international youth cooperation, interaction with compatriots living abroad, developing humanitarian cooperation and public diplomacy;

6) «Young Family» — projects aimed at organizing work with a young family, clubs for young families;

7) «Youth media» — projects aimed at the creation and development of youth media, support for novice bloggers, the creation and placement of social advertising;

8) «Space for life» — projects aimed at involving young people in the activities for the improvement of territories, the formation of infrastructure for a comfortable stay.

The maximum grant amount for socially oriented non-profit organizations and state and municipal institutions is 300,000 rubles, for individuals — 100,000 rubles [16].

Similar youth projects with different budgets are organized annually both on the all-Russian and regional levels, both for financing the projects and for paying grants. At the same time, there are no restrictions for taking part in them, so if young people have not found the right direction in their region of residence, then they can find it either in other regions or on the all-Russian level. The main thing is a new and interesting idea, important for modern society.

The results of numerous studies of young people have shown that the main values for modern young people are: work and career growth, health, love and family, having friends, education, patriotism and love for the Motherland [source]. Each new generation of young people shares these values, but gives a different priority for particular values. It is impossible to unambiguously characterize the youth of today, because the values of modern 15-year-olds are significantly different from the values of modern 30-year-olds. To have better results in youth adaptation we must regard several factors:

1) Internal: character, upbringing, commitment, mental and physical health, values, beliefs, internal organization, stress resistance, adaptability, etc.

2) External factors: family, work of public authorities, regional government, the availability of opportunities to get the desired education, realize their potential, build a career in the profession, ensure and maintain a decent standard of living, the presence of favorable conditions for the implementation of social and entrepreneurial projects, developed industry and urban environment, etc.

3) Their connection: even with the best internal characteristics of a person, it is difficult to realize his full potential if there is no support from the state and at least favorable conditions for that. And vice versa, no matter what favorable conditions surround the person, if she herself does not make the slightest effort, most likely she will not be able to be realized in life.

As a result, I demonstrate a new system of social adaptation of youth, which can be seen in figure 7.

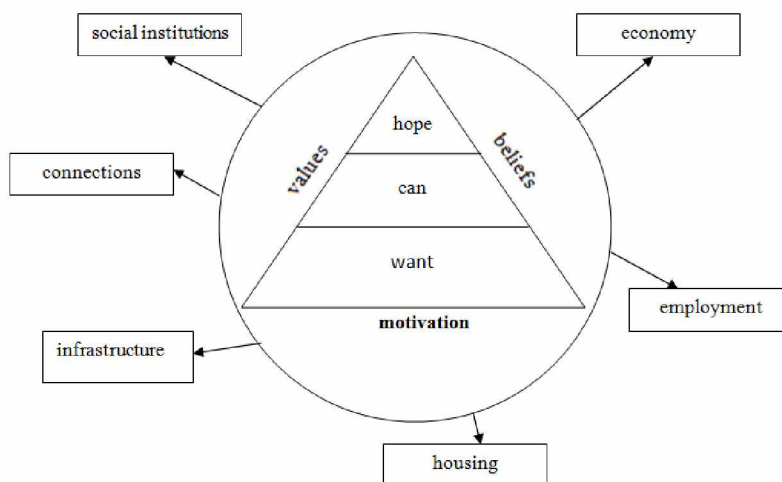

Fig. 7 — Social personal adaptation of a young person.

The figure shows a conceptual model of social adaptation of a young person. The triangle demonstrates his/her inner characteristics: hopes, abilities and desires. The circle also concerns its internal characteristics, but formed by the closest environment and society. Values, faith and motivation are formed during upbringing, education, friendship, and general socialization. On the basis of this, connections with the outside world and external factors are already being built. To the extent that a person has managed to go through the adaptation process, the connections between it and external components are so closely established.

The research provided some useful insights into the problem of youth social adaptation. Regarding all the mentioned factors I attempted to make several recommendations to improve youth social adaptation in the Arkhangelsk region:

- 1) Equipping the region city infrastructure with the necessary social facilities (infrastructure, urban space, leisure facilities, medical institutions, etc.);
- 2) Creation of new jobs through infrastructure development;
- 3) Qualitative analysis of the labor market and work on its improvement;
- 4) New housing state programs for youth;
- 5) Establishing communication in the state-society-business system.

It is absolutely critical to improve all social programs because our society is constantly moving forward in all areas of life.

Conclusion. To bring the paper to a close, I summarize the main points:

- 1) The share of young people in the Arkhangelsk region is decreasing much faster than in Russia;
- 2) We can objectively observe a high migration level of the population of the Arkhangelsk region;
- 3) The level of education in the Arkhangelsk region corresponds to the indicators for Russia, which is a good characteristic;

4) There are several reasons for the high migration level of the population of the Arkhangelsk region why young people decide to leave the Arkhangelsk region: the poor organization of the labor market and the inadequacy of the graduated specialists to the needs of the labor market.

In conclusion, it seems that the government and other non-profit youth organizations should consider doing their best to make the youth social adaptation easier and more effective. After all pilot studies and real projects sponsors should reflect what happens in public reports, tell about their experience for future projects. Only by establishing high-quality ties between the state, business and society is it possible to eliminate many shortcomings, improve the standard of living and encourage young people to stay in the Arkhangelsk region and develop it. To recapitulate the findings of the present article: it is rather difficult to assess what result of social adaptation a person should come to, since a positive result for one individual may be negative for another. In the final analysis I offered several advises and recommendations how to improve social youth adaptation. It might be a background for modeling new actual mechanism of social adaptation and doing further research in this topic.

References

1. All-Russian Public Opinion Research Center. URL: <http://www.wciom.ru/> (date of the application: 06.10.2020).
2. Bobyleva N. I. Social maladjustment and deviation: violations of the behavior of children and youth: Training manual. — Arkhangelsk, OJSC «Tipografiya Press-Print», 2011. — 194 p.
3. Bogachev S. N. Social and labor adaptation in the conditions of socio-economic transformation of modern Russian society (on the example of the Arkhangelsk branch of OJSC «Rostelecom»). — Ryazano.: LLC «SPC «Informatsionnyye tekhnologii», 2012. — 25 p.
4. Butler J. R. A., Bohensky E. L., Suadnya W., Yanuartati Y., Handayani T., Habibi P., Puspadi K., Skewes T. D., Wise R. M., Suharto I., Park S. E., Sutaryono Y. Scenario planning to leap-frog the Sustainable Development Goals: An adaptation pathways approach — Climate Risk Management 12, 2016. — P. 83-99.
5. Davydova E. V. Izmerenie sotsial'nogo samochuvstviya molodezhi — Measurement of Social Well-being of Young People. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 1992. — 102 p.
6. Department of the Federal State Statistics Service for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru> (date of the application: 18.10.2020).
7. Dziubacka K., Grinceviciene V. The process of adaptation to social change as a factor stimulating the development of youth - Santalka. Filologija. Edukologija, t. 18, nr. 4, 2010. — P. 36-42.
8. Egorov V. K. Specific features of human potential development of a new generation in Russia. — Social development, 2017. — P. 100-113.
9. Eskindarov M. A., Firsova I. A. Modern approaches to youth education: tradition and innovation: monograph. — M.: Prometey, 2018. — 252 p.
10. Federal educational portal: Economics. Sociology. Management. URL: <http://ecsocman.hse.ru/> (date of the application: 19.10.2020).
11. Grigoryev S. I., Guslyakova L. G., Gusova S. A. Social work with youth : textbook for university students. — M.: Gardariki, 2008. — 204 p.
12. Information portal of the city of Arkhangelsk. URL: <https://www.arhcity.ru/?page=1028/0> (date of the application: 06.10.2020).
13. Khadisova K. V. Youth as the special direction of social work in Russia. - Scientific achievements and discoveries of modern youth, 2017. — P. 1106-1108.
14. Kombarov V. Yu. Transcendence as a sociological phenomenon of the present. — Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2013. — 212 p.
15. Mergenbaeva A. T. Social context: adaptation of youth in the labor market - South Kazakhstan State University named after M. Auezova (Shymkent), Kazakhstan, 2015. — P. 51-53.

16. Online edition DVINANEWS. URL: <http://dvinanews.ru/-1vh8oapu> (date of the application: 20.10.2020).
17. Pomohaci M., Sopa I. S. Study regarding socialization and social integration of students. — Scientific Bulletin No 1(41) National University of Physical education and sport, Bucharest, Romania, 2016. — P. 46-53.
18. Rean A. A. Psychology of personality. Socialization, behavior, communication. — M.: AST; StP.: PRIME-EUROSIGN, 2007. — 407 p.
19. Russian Society of Sociologists. URL: <https://www.ssa-rss.ru/> (date of the application: 19.10.2020).
20. Sadkova D. A. Social well-being of youth: adaptation to public transformations - Institute of socioeconomic development of territories of the Russian academy of sciences, Vologda, 6 (74), 2014. — P. 91-99.
21. Shcherbakova V. P. Social adaptation of youth: methodological approaches and empirical indicators. - Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki, 2016. № 2. — P. 103-117.
22. Smoleva E. O. Criteria and Resources for Social Adaptation of Russia's Population - Social development, 2019. — P. 179-195.
23. Toffler A. Futuroshok. Chapter 15 Futuroshock: Physical Dimension. URL: <http://www.psihdocs.ru/toffler-a-futuroshok-per-s-angl-spb-1997-464-s.html?page=14> (Date of the application: 15.06.2019).
24. Tsaregorodtsev G. I. Philosophical problems of adaptation theory. — M., «Mysl», 1975 — 277 p.

Author's Bio

POTAPOVA Maria Leonidovna, graduate student, Northern (Arctic) Federal university named after M. V. Lomonosov, Archangelsk, Russia. E-mail: chemisovamaria1994@gmail.ru.

УДК: 316.453

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.83

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ДИСТАНЦИРОВАНИЯ

М. Л. Потапова

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск (Россия)*

Введение. Цель статьи заключается в том, чтобы определить концептуальные основы теории социальной адаптации. Данное исследование связано с высоким уровнем миграции молодёжи из Архангельской области, низким уровнем занятости, проблемами с трудоустройством и социальной адаптацией молодёжи. Проблемы с социальной адаптацией молодёжи начали изучать не так давно, поэтому существенных решений до сих пор нет. Изучение молодёжной социальной адаптации является одной из самых актуальных проблем, так как молодые люди относятся к наиболее уязвимой социальной группе, а современное общество слишком быстро меняет и диктует новые правила во всех сферах жизнедеятельности.

Методы. Для достижения цели использовались следующие методы: во-первых, анализ и структурирование информации о социальной адаптации молодёжи Архангельской области, во-вторых, исследование корреляции по различным критериям населения в России и в Архангельской области, и, наконец, рекомендации по продвижению стратегии социальной адаптации молодёжи в Архангельской области.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В результате предложена новая система социальной адаптации молодёжи. Данная система представлена в виде концептуальной модели социальной адаптации молодого человека. На основе этого построены связи с окружающим социальным миром и внешними факторами, оказывающими существенное влияние на социальную адаптацию. Исследование позволяет выявить и провести работу над проблемами социальной

адаптации молодёжи. С учётом всех перечисленных факторов предложены несколько рекомендаций по продвижению социальной адаптации молодёжи в Архангельской области.

Заключение. Изучение теории и практические выводы доказывают, что оценить, к какому результату социальной адаптации должен прийти человек, практически невозможно, так как положительный результат для одного человека может быть отрицательным для другого. Но рекомендации, представленные в статье, могут стать основой для моделирования нового актуального механизма социальной адаптации и проведения дальнейших исследований по данной теме.

Ключевые слова: молодёжь, социальная адаптация, миграция, современное общество, ценности.

Список литературы

1. All-Russian Public Opinion Research Center. URL: <http://www.wciom.ru/> (date of the application: 06.10.2020).
2. Bobyleva N. I. Social maladjustment and deviation: violations of the behavior of children and youth: Training manual. — Arkhangelsk, OJSC «Tipografiya Press-Print», 2011. — 194 p.
3. Bogachev S. N. Social and labor adaptation in the conditions of socio-economic transformation of modern Russian society (on the example of the Arkhangelsk branch of OJSC «Rostelecom»). — Rya-zano.: LLC «SPC «Informatsionnyye tekhnologii», 2012. — 25 p.
4. Butler J. R. A., Bohensky E. L., Suadnya W., Yanuartati Y., Handayani T., Habibi P., Puspadi K., Skewes T. D., Wise R. M., Suharto I., Park S. E., Sutaryono Y. Scenario planning to leap-frog the Sustainable Development Goals: An adaptation pathways approach — Climate Risk Management 12, 2016. — P. 83-99.
5. Davydova E. V. Izmerenie sotsial'nogo samochuvstviya molodezhi — Measurement of Social Well-being of Young People. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 1992. — 102 p.
6. Department of the Federal State Statistics Service for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru> (date of the application: 18.10.2020).
7. Dziubacka K., Grinceviciene V. The process of adaptation to social change as a factor stimulating the development of youth - Santalka. Filologija. Edukologija, t. 18, nr. 4, 2010. — P. 36-42.
8. Egorov V. K. Specific features of human potential development of a new generation in Russia. — Social development, 2017. — P. 100-113.
9. Eskindarov M. A., Firsova I. A. Modern approaches to youth education: tradition and innovation: monograph. — M.: Prometej, 2018. — 252 p.
10. Federal educational portal: Economics. Sociology. Management. URL: <http://ecsocman.hse.ru/> (date of the application: 19.10.2020).
11. Grigoryev S. I., Guslyakova L. G., Gusova S. A. Social work with youth : textbook for university students. — M.: Gardariki, 2008. — 204 p.
12. Information portal of the city of Arkhangelsk. URL: <https://www.arhcity.ru/?page=1028/0> (date of the application: 06.10.2020).
13. Khadisova K. V. Youth as the special direction of social work in Russia. - Scientific achievements and discoveries of modern youth, 2017. — P. 1106-1108.
14. Kombarov V. Yu. Transcendence as a sociological phenomenon of the present. — Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2013. — 212 p.
15. Mergenbaeva A. T. Social context: adaptation of youth in the labor market - South Kazakhstan State University named after M. Auezova (Shymkent), Kazakhstan, 2015. — P. 51-53.
16. Online edition DVINANEWS. URL: <http://dvinanews.ru/-1vh8oapu> (date of the application: 20.10.2020).
17. Pomohaci M., Sopa I. S. Study regarding socialization and social integration of students. — Scientific Bulletin No 1(41) National University of Physical education and sport, Bucharest, Romania, 2016. — P. 46-53.
18. Rean A. A. Psychology of personality. Socialization, behavior, communication. — M.: AST; StP.: PRIME-EUROSIGN, 2007. — 407 p.
19. Russian Society of Sociologists. URL: <https://www.ssa-rss.ru/> (date of the application: 19.10.2020).
20. Sadkova D. A. Social well-being of youth: adaptation to public transformations - Institute of socioeconomic development of territories of the Russian academy of sciences, Vologda, 6 (74), 2014. — P. 91-99.

21. Shcherbakova V. P. Social adaptation of youth: methodological approaches and empirical indicators. - Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki, 2016. № 2. — P. 103-117.
22. Smoleva E. O. Criteria and Resources for Social Adaptation of Russia's Population - Social development, 2019. — P. 179-195.
23. Toffler A. Futuroshok. Chapter 15 Futuroshock: Physical Dimension. URL: <http://www.psihdocs.ru/toffler-a-futuroshok-per-s-angl-spb-1997-464-s.html?page=14> (Date of the application: 15.06.2019).
24. Tsaregorodtsev G. I. Philosophical problems of adaptation theory. — M., «Mysl», 1975 — 277 p.

Авторская справка

ПОТАПОВА Мария Леонидовна, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия. E-mail: chemisovamaria1994@gmail.ru.

Библиографическая ссылка

Потапова М. Л. Проблемы адаптации современной молодёжи в Архангельской области в условиях социального дистанцирования // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 83-96. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.83

ИСТОРИЯ

УДК 930.23

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.97

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

Б. А. Ночвина

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород (Россия)*

Введение. Целью статьи является анализ степени доверия российского студенчества к разнообразным источникам по истории Великой Отечественной войны, которые формируют социальную память современной молодёжи о подвиге прошлого поколения. Потребность в изучении условий формирования и структурного содержания социальной памяти современной российской молодёжи актуализируется под воздействием роста информационных потоков так или иначе стремящихся исказить историческое прошлое России. Исследования отечественных и зарубежных историков, социологов и политологов во многом противоречиво интерпретируют проблему сохранения социальной памяти, но применяемый ими междисциплинарный подход позволяет разностороннее проанализировать феномен социальной памяти как ключевое понятие исторической рефлексии.

Методы. Авторы коллективной монографии «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» в своём историко-социологическом исследовании используют целый спектр методологических подходов. Базовый принцип онлайн-опроса используется через методологию корреляционного анализа, традиционного подхода сравнения средних значений в оценке статистических данных демографических групп. Для характеристики специфики социальной памяти современного российского студенчества авторами широко применяется культурологический анализ, предложенный в концепциях Ю. М. Лотмана, Л. Н. Когана.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Анализируя социальную память российского студенчества о Великой Отечественной войне, авторы приходят к выводу, что коллективная память российской молодёжи на современном этапе более зависима от поколенческих трансформаций, на формирование которой негативно сказывается сокращение курса отечественной истории в высшей школе и мифологизация исторического сознания под воздействием СМИ. Проведённый авторами коллективной монографии мониторинг убедительно доказывает снижение уровня доверия к онлайн-источникам информации о Второй мировой войне среди современной российской молодёжи, что делает актуальным создание качественных учебных пособий по отечественной истории для ВУЗов.

Заключение. Усиление разрыва между процессом обучения истории и приобретением навыков исторического самообразования, а также слабое умения верифицировать исторический источник

¹ Рец. на книгу: Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.— 352 с.

становиться главным препятствием в формировании устойчивых знаний студентов о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: социальная память, историческая рефлексия, студенчество, коммеморация, Великая Отечественная война

Введение. Проблема сохранения социальной памяти как вектора, объединяющего преемственность традиционных ценностей общества, обеспечивающего непрерывную связь времен и поколений, является предметом многочисленных исследований как отечественных, так и зарубежных историков, философов, политологов и социологов.

В современных условиях коммеморации происходит усиление деструктивного влияния на все формы функционирования коллективной памяти российского общества. Закономерный процесс забвения становится средством сознательного манипулирования общественным сознанием различными политическими силами, объектом данного манипулирования все чаще выступает молодёжь, и в частности наиболее интеллектуальная и зачастую более радикально настроенная её часть — студенчество.

На фоне многочисленных, во многом противоречивых историографических исследований причин, итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн значение результатов мониторинга Российского общества социологов, представленных в коллективной монографии трудно переоценить.

Методы. Монография представлена четырьмя разделами, каждый из которых выражает не только методологическую специфику своего исследования, но и позволяет глубже и качественней оценить апробированный инструментарий, онлайн-опроса, разработанный на основе эмпирической интерпретации.

Во введении авторы особое внимание уделяют динамике трансформации условий проведения мониторинга, отмечается неравномерность представленных респондентов по территориально-региональному признаку, направлениям подготовки, конфессиональной принадлежности, гендерный «перекос» как результат феминизации высшего образования и т.д., в целом, на наш взгляд, это не повлияло на репрезентативность проведённого исследования в рамках исходного методологического дискурса.

В качестве методологического инструментария в коллективной монографии используется традиционные для социологических исследований корреляционный анализ и метод сравнения средних значений. Хронологические рамки исследования, широкий спектр респондентов, общий объем обработанных статистических демографических данных при условии изначальной многофакторности делают, выбранные авторами, методы максимально результативными.

Так в главе 4.1. «Великая Отечественная война в представлениях старшеклассников» Пронина Е. И. анализируя степень влияния патриотизма на мировоззрение современных старшеклассников и студентов приходит к выводу, что для сохранения социальной памяти о Великой Отечественной войне среди российской молодёжи важным условием остаются эмоциональная и воспитательная составляющая исторического знания, особенно у потенциальных

абитуриентов ВУЗов (с. 316). Мониторинг, проведённый авторами коллективной монографии, к сожалению, выявил и негативные последствия процесса искажения роли СССР в истории Второй мировой войны, в частности в оценке студентами проблемы охраны памятников советским войнам (с. 317).

Исследователи Д. Ю. и Е. Н. Нарховы анализируя архетип «Эхо войны» в социальной памяти российских студентов применяют семиотический метод Ю. М. Лотмана, который позволил им проанализировать процесс трансформации в сознании современной молодёжи памяти о Великой Отечественной войне от национальной трагедии до образа войны как общечеловеческой трагедии, до образа памяти подвига советского прошлого.

Применяя концепцию актуальной культуры Л. Н. Когана, Д. Ю. и Е. Н. Нарховы выделяют три группы в стратификации современной российской молодёжи (с. 297). Специфика актуальной культуры каждой из этих групп в восприятии коллективной памяти о Великой Отечественной, по мнению исследователей, характеризуется степенью актуальности концепта национальной культуры в мировоззрении данных групп. Социальная память о Великой Отечественной войне российской молодёжи неотделима от восприятия национальной культуры, желанием быть с ней единым целом.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Теоретико-методологические основы исследования подробно рассматриваются в первом разделе монографии. Широкалова Г. С., Шиманская О. К. [6], анализируя соотношение исторической памяти и чувства патриотизма у современной российской молодёжи, справедливо отмечают сложность формирования гражданско-патриотического мировоззрения в условиях реалий двойной морали российского общества, постоянного изменения дефиниции патриотизм.

Обозначив в качестве реперной точки распад СССР, исследователи выделяют причины, обусловившие особенность формирования социальной памяти российского студенчества: минимизация межпоколенческого общения, негативное влияние стратегии «государственной памяти», случайность в выборе нормы фиксации «мест памяти», сокращение объёма курса отечественной истории в вузах, в том числе и гуманитарных. Отдельное внимание уделяется авторами усилению идеологической борьбы за прошлое в современном информационном обществе, в связи с чем, молодёжь становится жертвой ревизионистских концепций истории Великой Отечественной войны [7].

Широкалова Г. С. анализируя историческое сознание молодёжи Нижнего Новгорода, приходит к выводу (с. 220), результаты которого можно транслировать на почти все регионы Российской Федерации, а тем более страны СНГ, коллективная память о Великой Отечественной войне современной молодёжи это, прежде всего, некий социальный маркер общепризнанных норм (если такие поддерживаются данным национальным обществом) в меньшей степени связанный с подлинным осознанием чувства патриотизма и восприятием идей советского прошлого.

Данный вывод подтверждает мысль М. Хальбвакса о невозможности молодёжи жить идеями прошлого поколения, необходимы «сумерки памяти» для движения далее.

Продолжая тему соотношения исторической памяти и патриотизма, И. А. Халий [4] отмечает, что объективным средством от усиления процесса рекоммеморации в российском обществе является восприятие патриотизма большинством населения как выражение своей национальной идентичности, принадлежности к ценностям русского мира.

Современные геополитические и социальные условия Российской Федерации, по мнению И. А. Халий, не позволяют сформироваться приоритету концепта социальной рациональности в мировоззрении российского студенчества. Патриотизм как ценность больше представлен в мировоззрении студентов региональных центров, нежели у студентов мегаполисов. Особенно он значим у населения приграничных регионов, где в отличие от мировоззрения центральных регионов традиционализм является характерной ценностной чертой (с. 51).

Грошева И. А., Грошев И. Л. выстраивают анализ специфики социальной памяти современной российской молодёжи в контексте общих проблем постмодернистской парадигмы. Применяя концепции зарубежной историографии, прежде всего французской и немецкой, в оценке сохранения коллективной памяти в России, исследователи акцентируют внимание на усилении конкуренции коллективного и индивидуального опыта переживаний в процессе коммеморации [2]. Социальная память как выражение исторического сознания общества на современном этапе более зависима от поколенческих трансформаций (с. 181).

Многозначность термина «память», широкий дискурс в толковании понятий «историческая память», «коллективная память» не отрицает главного, что заложено в памяти — мировоззренческий ориентир в оценки настоящего.

По мнению Грошевой И. А., Грошева И. Л., разрушению социальной памяти о Великой Отечественной войне способствуют транслируемые ценности общества потребления, намеренная фальсификация истории Второй мировой войны (с. 54). Последствия изменения индивидуальной памяти выражаются в появлении социального прагматизма в селекции семейной памяти, в дальнейшей эволюции «психологических» поколенческих травм.

Идея «ослабленной памяти», выдвинутая ещё представителями Франкфуртской школы, в оценки социальной памяти российской молодёжи преломляется не столько в «забвении», сколько в некритическом анализе прошлого. Сокращение курса отечественной истории в средней и особенно в высшей школе не даёт развиваться широкой рефлексии в процессе коммеморации, а изменение структуры системы современного российского образования становится вызовом обеспечения национальной безопасности РФ [5].

Огромной заслугой авторов коллективной монографии стало широкий спектр представленных в анализе регионов РФ. Проведённый мониторинг доказывает, что на процесс формирования социальной памяти российских студентов о Великой Отечественной войне влияет не только территориальная близость к местам боевых сражений, но и степень социальной активности в сохранении национального

культурного капитала. Стремление сохранить сакральность памяти о пережитой общенациональной трагедии проявляется в действенном понимании «мест памяти», эмоциональной окрашенностью социальной памяти (с. 141). Сопричастность и социализация, по мнению авторов монографии является необходимым фундаментом для сохранения социальной памяти о Великой Отечественной войне среди будущей российской интеллектуальной элиты.

Проведённый авторами коллективной монографии анализ социальной памяти российского студенчества убедительно доказал, что главной особенностью стало восприятие статуса советского прошлого нынешним поколением.

Воспоминание о советском времени у большинства студентов носят положительный характер, также авторы исследования отмечают значительную роль краеведческих исторических знаний в сохранении социальной памяти российской молодёжи о Великой Отечественной войне. Мировоззрение современного студенчества формируется в постмодернистских реалиях, что объясняет эмоциональный приоритет знаний о войне через восприятие событий связанных с историей «малой Родины».

Ещё одна проблема в сохранении социальной памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне, которую выявило данное исследование, стала проблема анонимизации и маргинализации источников информации о войне.

Исследователи Вишневский Ю. Р. [1], Саралиева З. М. отмечают, что для большинства современных студентов, несмотря на «плюрализм» общественного мнения главным источником информации о Великой Отечественной войне остаётся качественное историческое знание, причём доля личностного контакта с преподавателем в его познании достаточно высока. Эмоциональное восприятие знаний о войне студенты стремятся получить из наследия советской культуры, а не из современных российских художественных произведений, документалистики.

Проведённый авторами монографии мониторинг доказывает низкую степень доверия российского студенчества онлайн-источникам информации, что свидетельствует о необходимости создания качественных учебных пособий, монографий по истории Великой Отечественной войны.

Интересным моментом в данном исследовании представляет глава 3.8. «Отношение к религии как фактор исторической памяти студенчества о Великой Отечественной войне». Особенности социализации современной молодёжи не позволяют ей отнести себя конкретно к той или иной религиозной традиции, тем не менее вывод авторов исследования очевиден. Большей восприимчивостью к событиям подвига советского народа в Великую Отечественную войну обладают студенты конфессиональной традиции. Для этой группы студентов память о войне — это выражение гражданской религии.

Авторы монографии также выделяют своеобразную парадоксальность социальной памяти студентов о Великой Отечественной войне. Сазонов А. А., Сазонова А. Л. отмечают слабое знание истории своей страны у российской молодёжи (с. 265), наличие устойчивых стереотипов и мифов о Великой Отечественной войне, навязанных историками-фальсификаторами 90-х XX

столетия, в историческом сознании студенчества. Однако у большинства респондентов социальная память о Великой Отечественной войне фиксирует «подмену тезиса», наличие пропаганды и фальсификации в транслируемой информации о войне [3].

Характерными чертами исторического знания российских студентов даже гуманитарных факультетов становится восприятие истории через «фэнтези», отсутствие понимания хронологического ряда, незнание исторических источников.

Анализируя проблемы деформации и мифологизации исторического сознания молодёжи, исследователи акцентируют внимание на положительную динамику в сохранении социальной памяти о Великой Отечественной войне под воздействием движения «Волонтёры Победы», поисковых исторических экспедиций, акции «Бессмертный полк».

Участники данных движений более эмоционально воспринимают историю Великой Отечественной войны, у них наблюдается большее желание в расширении своих исторических знаний, для этой группы молодёжи День Победы остаётся «праздником со слезами на глазах». В главе 3.10. «Всенародное движение „Бессмертный полк“ как историко-патриотический и социокультурный феномен» авторы коллективной монографии показывают: как важен личностный инициативный характер движения «Бессмертный полк» (с. 308), сплотивший поколения современной России, как важно сохранить эту индивидуальность в коллективном для сохранения социальной памяти молодёжи о Великой Отечественной войне».

Заключение. Результаты проведённого исследования убедительно доказывают не только наметившуюся в последнее десятилетие положительную динамику преемственности поколений, но и обозначили ряд глубоких проблем в сохранении социальной памяти российских студентов о Великой Отечественной войне.

Из последних, на наш взгляд, наиболее значимой является усилившийся разрыв между процессом обучения истории и приобретением навыков исторического самообразования, отсутствие умения верифицировать источник информации исторического знания.

По мнению авторов коллективной монографии, семья, любовь к малой родине, идентификация с национальной культурой, желание быть реализованным в своей стране — все это закладывает прочный фундамент в сохранении социальной памяти российских студентов о Великой Отечественной войне. От коллективной памяти будущей российской элиты о подвиге советского народа во многом зависит какой станет Россия уже в середине нового века.

Материалы коллективной монографии представляют безусловный научный интерес, так как, с одной стороны, содержат новые данные, расширяющие представление об историческом сознании российской молодёжи, а с другой позволяют глубже интерпретировать результаты проведённого мониторинга.

Список литературы

1. Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю. Динамика патриотических установок студенческой молодёжи: по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005—2010—2015 гг.) // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 185-201.
2. Грошева И. А., Грошев И. Л. Образы прошлого в сознании молодёжи: конструирование новой идентичности // Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века: Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 40.
3. Сергеев С. А. Духовная жизнь СССР и современной России: расколы и противоречия // SocioTime / Социальное время. — 2015. — № 1(1). — С. 99-110.
4. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социс. 2017. № 2. С. 67-73.
5. Шалаев В. П. Синергетический образ университетской науки в условиях вызовов современности: между хаосом и порядком (опыт критического анализа) // SocioTime / Социальное время. 2020. № 2(22). — С. 66-73.
6. Широкалова Г. С., Шиманская О. К. Историческая память & патриотизм // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 238-251.
7. Широкалова Г. С. Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 3 / 2. С. 161-174. С. 171.

Авторская справка

НОЧВИНА Белла Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия. E-mail: bella.nochvina@mail.ru.

UDC 930.23

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.97

SOCIAL MEMORY OF RUSSIAN STUDENTS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

Nochvina B. A.*Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia)*

Introduction. The purpose of this article is to analyze the degree of Russian students' trust to various sources on the history of the Great Patriotic War, which form the social memory of modern youth about the feat of the last generation. The need to study the conditions for the formation and structural content of the social memory of modern Russian youth is actualised under the influence of the growth of information flows in one way or another striving to distort the historical past of Russia. Studies of domestic and foreign historians, sociologists and political scientists interpret on the whole the problem of preserving the social memory in a contradictory way, but the interdisciplinary approach they use allows a versatile analysis of the phenomenon of social memory as a key concept of historical reflection.

Methods. The authors of the collective monograph "Thank you, great-grandfather, for the Victory ... Materials of the IV stage of monitoring "Modern Russian students about the Great Patriotic War" in their historical and sociological research use a whole range of methodological approaches. The basic principle of the online survey is used through the methodology of correlation analysis, the traditional approach of comparing means in assessing statistical data of demographic groups. To characterise the specifics of the social memory of modern Russian students, the authors widely use the cultural analysis proposed in the concepts of Yu. M. Lotman, L. N. Kogan.

Results. Analysing the social memory of Russian students about the Great Patriotic War, the authors come to the conclusion that the collective memory of Russian youth at the present stage is more dependent on generational transformations, the formation of which is negatively affected by the reduction in the course of national history in higher education and the mythologisation of historical consciousness under the influence of the media. The monitoring carried out by the authors of the collective monograph convincingly proves the decrease in the level of trust in online sources of information about World War II among modern Russian youth, which makes it urgent to create high-quality textbooks on Russian history for universities.

Conclusion. The growing gap between the process of teaching history and acquiring the skills of historical self-education, as well as the weak ability to verify the historical source, become the main obstacle in the formation of students' stable knowledge about the Great Patriotic War.

Keywords: social memory, historical reflection, students, commemoration, the Great Patriotic War

References

1. Vishnevskij Ju. R., Narhov D. Ju. Dinamika patrioticheskikh ustanovok studentcheskoj molodezhi: pomaterialam monitoringa "Rossijsko studentchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne" (2005—2010—2015 gg.) [Dynamics of patriotic attitudes of student youth: based on monitoring materials "Russian students about the Great Patriotic War" (2005—2010—2015)]. In: Vojnaby lapozavchera... Rossijsko studentchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne: materialy monitoringa "Sovremennoe Rossijsko studentchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne" / pod obshh. red. Ju. R. Vishnevskogo. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. P. 185—201.
2. Grosheva I. A., Groshev I. L. Obrazy proshlogo v soznanii molodezhi: konstruirovaniye novoj identichnosti [Images of the past in the minds of young people: constructing a new identity]. In: Vseobshhaja istorija i istoricheskaja nauka v XX — nachale XXI veka. Kazan : Izd-vo Kazan. un-ta, 2020. P. 40.
3. Sergeev S. A. Duhovnaya zhizn' SSSR i sovremennoj Rossii: raskoly i protivorechiya [Spiritual life of the USSR and modern Russia: divisions and contradictions] // SocioTime / Social'noe vremya. — 2015. — № 1(1). — Pp. 99-110.
4. Halij I. A. Patriotizm v Rossii: opyt tipologizacii [Patriotism in Russia: the experience of typology], Socis. 2017. Vol. 2. P. 67—73.
5. Shalaev V. P. Sinergeticheskij obraz universitetskoy nauki v usloviyah vyzovov sovremenosti: mezhduehaosomiporyadkom (opyt kriticheskogo analiza) [Synergistic image of university science in the face of modern challenges: between chaos and order (critical analysis experience)] // SocioTime / Social'noe vremya. 2020. № 2(22). — Pp. 66-73.
6. Shirokalova G. S., Shimanskaja O. K. Istoricheskaja pamjat' & patriotizm [Historical memory and patriotism], Filosofijahozhajstva. 2020. Vol. 1. Pp. 238-251.
7. Shirokalova G. S. Istoricheskaja pamjat' i patriotizm povsednevnosti [Historical memory and patriotism of everyday life], Istoricheskaja social'no-obrazovatel'naja mys'l'. 2018. Vol. 10, No. 3/2. Pp. 161-174. P. 171.

Author's Bio

NOCHVINA Bella Anatolyevna, Candidate of Historical Sciences, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: bella.nochtvina@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Ночвина Б. А. Социальная память российского студенчества о Великой Отечественной войне // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 97-104. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.97

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ СОЛИДАРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Е. Шишкин

Медицинский университет «Реавиз», Самара (Россия)

Введение. Вопросы глобальной безопасности требуют, во-первых, остановить череду социально-политических технологий, разрушающих русскую ментальность, национальное и религиозное самосознание, а во-вторых, задать поиск новых «славянофилов» и «почвенников», способных воодушевить народ на собственную созидательную деятельность. На основе изучения мирового и отечественного опыта предлагаем эмерджентный проект по созданию саморазвивающихся автаркийных общин.

Методы. Консциентальный подход с помощью «окон Овертона» демонстрирует силу социально-политических технологий, способных в пять шагов обратить тезис в антитезис. К примеру, сакральное понятие «община» превратить в отживший атавизм. Тогда как старое не всегда является устаревшим.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представлен опыт коммуны с целью переосмысления современных целеполаганий рынка и нахождения новых саморазвивающихся форм развития идеального общества. Осмыслен философский концепт коммунитаризма относительно разных народов. Родовые и территориальные общины всегда искали пути консолидации общества для возможного отражения военного захвата и социально-политического процветания. Искусственно создаваемые условия смены религии, частнособственнический способ производства и несправедливое распределение благ — становились результатом энтропии общин.

Заключение. Исторические сдвиги в сознании общества происходят в результате смены формаций или цивилизационных циклов. Стадиальные рубежи осмысляют переход от присваивающих к производящим формам хозяйства. Историю в целом можно рассматривать через дихотомию «почвы» и «цивилизации», между национальными разломами ойкумены и всемирной макроцивилизационной системой. В нашем случае солидаризация общества в коммунах противостоит социально-политическим технологиям мондиалистов.

Ключевые слова: коммунитаризм, метапаттерн ковариантности, исторические сдвиги, консциентальная война, цикличность истории, ориентационный кризис цивилизации, социализация, идентичность, апологетика, стадиальные рубежи.

Введение. Переходный период от первого «осевого времени» (между 200 и 80 годами до н.э. в Китае, Индии, Персии, Палестине и Греции) к ожидаемому второму, радикально изменил мировоззренческую самоидентификацию человека катастрофическим обеднением в области духовной жизни, человечности, любви и творческой энергии. В работе «Истоки истории и её цель» К. Ясперс ответил: «Мы можем с уверенностью сказать: настоящее время — не второе Осевое» [44, с. 114].

Получается, что область всемирной истории и культуры между грехопадением человека и наступлением «страшного суда» представляет не прогресс, а регресс. Личности «прорывающие» время — Будда, Ной, Конфуций, Платон, Христос — ненадолго задавали конструкторы «одухотворения» [44, с. 34] мира. «Немой» (молчащий, дописьменный) и «говорящий» (письменный) миры не вели человека к «царским вратам» рая.

Скорее всего, вторым осевым временем станет эпоха ноосферизма или коммуитаризма. Если предположить, что мировой процесс циклично завершается (второе начало термодинамики, «тепловая смерть Вселенной»), то можно допустить, что история, возможно, придёт к новому метапаттерну ковариантности, как подлинному, универсальному и всеохватывающему утверждению справедливого человечества.

Методы. Автор понятия историософии А. Чешковский подразумевал Гегелевскую концепцию мировой истории с объективно-рационалистических и детерминистских позиций.

Но современная философия истории освободилась от историософии (Г. Зиммель, Г. Риккерт, В. Дильтей), а значит и от онтологизма, априорных метафизических абстракций, претензий на постижение объективных смыслов исторического бытия и, главное, от познания конечного смысла эволюции и хранительства секретов providence [5, с. 11].

Мы не против новой неклассической философии истории с осмыслением своего предмета исследования — ценностно-центрированной логикой и методологией исторического познания. Но мы не только не упраздняем, но и настаиваем на интеграции исторической эпистемологии с метафизической историософией.

К сожалению, методология науки разделяет понятия историософии и философии истории и устанавливает доминанту второго над первым. Попробуем разобраться в правомерности подобного положения.

Предметом исследования *философии истории* является представление и понимание фактологических событий и явлений как всеобщей или всемирной истории; как учение об общем смысле и общих законах исторического процесса; как науку об историческом познании, или логику исторического исследования [33].

Философия истории реконструирует прошлый опыт предков; раскрывает механизмы, двигающие цивилизации; осуществляет футурологическое проектирование; указывает на последовательность и взаимную связь главных перемен в судьбах человечества; обобщает факты и явления, добытые исторической наукой [22, с. 12].

Перед философией истории стоят вопросы, связанные с археологическими доказательствами первоначального исторического бытия; анализом и синтезом значения и места исторического в соотношении целого мира к абсолютному Бытию; раскрытием смысла конкретного исторического процесса [23, с. 15].

Динамика истории науки обусловлена пониманием эволюции от историософии к философии истории с утверждением закономерности [8, с. 119-130] стадийно-цивилизационного подхода: от покорения кочевников (племени) воинственными народами к сортировке лояльных, далее от развития и расцвета (после отстранения правителя от ведения государственных дел) разложение хозяйства и всеобщая порча нравов [19, с. 213] техникой и комфортом (Ибн Халдун) [7, с. 75-86]; от состояния упорядоченности общество переходит к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку (Н. Макиавелли) [29,

с. 175]; от периода исторического подъёма, а затем упадка и смерти, и обратно сначала (Франческо Гвиччадини) [34, с. 42-60]; от периода дикости (варварства) к периоду цивилизации (этнограф А. Фергюсон) [38, с. 57].

Историософия как синтетический (междисциплинарный) курс заимствует своё учение из философии (общие воззрения), из религии (связь с Универсумом), из теории исторического знания (методы), из психологии и социологии (законы духовной и общественной жизни) [22, с. 14].

Итак, историософия осмысляет объективные духовно-нравственные и естественные закономерности исторического процесса, а также возможность обретения общечеловеческого единства [40, с. 8].

Историософия в России в отличие от западного секулярного сознания носит сакральный характер провиденциализма, эсхатологизма, телеологизма и мессианства.

Идея *провиденциализма* пронизана промыслом Бога о человеке и искуплением его первородного греха. Метафизика греха рассматривается как начало истории, а пришествие Христа — как конец истории.

Православный *эсхатологизм* указывает на тленные земные ценности, тогда как протестантизм, напротив, богатство рассматривает как милость Божью. Нищета русских объясняется их заботой о вечном Горнем мире, а не тленном — земном. Эсхатология строится на идее «третьего Рима». Если Москва падёт, то наступит конец света по утверждению инок Филофея: «четвёртому не быти» [31, с. 426]. Узнавание «конца истории» [17, с. 16] предполагает постижение замысла Бога о всех народах и о своём в особенности [10, с. 5], задуманного либо исполнять чужую волю чуждых стран, либо генерировать самобытное развитие и собственное мессианство [24].

Телеологизм (греч. telos завершение, цель; teleos достигший цели и logos учение) рассматривает историю как средство на пути продвижения к конечной прогрессивной, объективной нечеловеческой цели [41, с. 28].

По мнению Фомы Аквинского, если существует целесообразность деятельности, значит, существует разумное существо, конструирующее целеполагания для всего, что есть в мире, и этим Первоконструктором является Бог, а значит и человек — как образ и подобие Бога (Быт.1:26).

Соподчинение всех слагаемых устанавливает соотношение телеологизма и причинности (предшествует следствию и вызывает его) в достижении цели. Согласование отдельных целей (с учётом внешних и внутренних факторов) на основе двухсторонней общеобязательной оценки устанавливается их соотношение и соподчинение [43, с. 55].

Применение телеологического подхода в социальных науках осложнено не столько причинной заданностью (прошлое с трудом, но обозримо), сколько гадательностью будущего, где только и могут присутствовать цели, но которые мало предсказуемы.

Мессианство строится на профетическом сознании. Вся идеографическая литература представляет историософские положения о самобытности как мессианского задания славянскому народу и его роли в истории. Когда Гегель

утверждает о главенстве прусского государства в мире, когда К. Марк свидетельствует о победе коммунизма, когда Ницше утверждает о формировании и неизбежности появления сверхчеловека, то везде речь идёт о пророчестве, а не о науке [9, с. 260].

Сравнительный анализ показывает, что философия истории не противоречит историософии, а взаимно дополняют друг друга и могут быть интегрированы в единую дисциплину. Методология науки должна иметь национальные особенности, а не слепо «плыть в фарватере» болонской системы. Мы не можем довольствоваться только секулярной эпистемиологической историей (дискретность). Нам нужен всепобеждающий гимн, зовущий в трансцендентные дали (континуальность). Такова русская душа.

В поиске сценария солидаризации общества и прорывных технологий наука предлагает разные предложения. Одни учёные считают необходимым украсить будущее через естествознание и потому предлагают обратиться к фундаментальным научным «разработкам постнеклассической кибернетики саморазвивающихся рефлексивно-активных сред» [27, с. 54].

Другие учёные потенциальные возможности развития человечества ищут в идеях космоцентризма и считают, что «синтез религии и науки» как синергический эффект может создать не только «новую метафизику» [25, с. 18], но и прорывные социально-экономические технологии.

Третья группа учёных ищет будущее в смене «политических красок», где «альтерглобализм» с помощью социально-гуманитарных наук, развития антисистемных движений сможет противостоять колониализму и популизму с помощью мировоззренческих паттернов мышления [1, с. 9].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Историософский подход помог осмыслить процессы консолидации общества через сотериологические (спасение души — В. О. Ключевский), аксиологические (стремление к созидательной цели — С. Л. Франк) и онтологические установки, складывающиеся в дуальности субъект-субъектных отношений, где, с одной стороны Божья воля, с другой стороны, возможности народа к воплощению, возложенной на него миссии (В. С. Соловьёв).

Перечислим несколько исторических сценариев солидаризации человечества в контексте концентриальной безопасности.

*Соседская община-полис **Спарта*** после периода междоусобиц и беззакония образовалась в VI веке до н.э. Спартанцы избежали синойкизма (греч. жизнь вместе), характерного при объединении общин в полис-город, и продолжали жить деревенскими селениями (конгломерат деревень).

Жизнь на земле способствовала не только сельскохозяйственному процветанию, но и сохранению традиций общинного уклада в каждой коммуне и единой Спарте в совместной деятельности «симполитии» [4, с. 67] (прообраз международной организации ООН).

Наш дуальный подход помог отметить как положительные стороны развития Спарты, так и отрицательные. Спартанцы преуспели во всех видах искусства, воспитании юношей и спорте. Искусство поэта Тиртея и музыканта Терпандра

(под звуки флейт не ломался боевой строй) смягчало нравы и устраняло распри в обществе. Строгость наказания за дерзость венчалась поркой парней перед алтарём в святилище Артемиды Орфии. За период с 720 по 576 годы более половины всех победителей на олимпийских играх составляли спартанцы [3].

После победы над Афинами в Пелопоннесской войне, начались дестабилизационные процессы — с появлением рабской силы и дележа воинского трофея. Закон Эпитадея² лишил Спарту политического, социального и морального единства общества, который привёл к расколу общества на праздную элиту и люмпенизированную массу полуграждан (примерно так, как в современной России).

«Патриарх» исторической науки Фукидид писал: «История свершается по свойству человеческой природы». Сущность же последней состоит в моральной неустойчивости и непостоянстве. Состояние общества есть совокупный результат уровня нравственности его представителей. И потому кризис нравственных норм вызывает кризис общества и, напротив, моральное общественное благополучие влечёт общественное процветание [42, с. 205-402].

На примере Спарты можно наблюдать разложение коммуны — от жажды наживы, во-первых, из-за наступивших товарно-денежных отношений (нарушение закона о запрещении комфорта и продажи земли под видом дарения или заветания), во-вторых, за счёт колонии из мессенцев-илотов.

Древнеегипетская коммуна солидаризировалась на гелиопольской солярной космогонии. Письмо-антенны-молитвы, сконструированные в пирамидах, задавали философский размах гигантским стройкам.

Процесс возникновения мира египтологами описывается не как творение, а как становление, т.е. последовательное развёртывание эманаций изначального солярного божества [6, с. 188]. Теологический космогенез предлагает осмыслить вселенную в трёх лицах Атум (Творец) и два ребёнка — Шу (вечность-нехех, отец миллионов) [47, р. 22] и Тефнут (вечность-джет, рождающая миллионы) [47, р. 23].

Этика «Маат» (миропорядок—справедливость—истина) начиналась в мифологической традиции, а затем органично вошла в культуру египтян. Категория справедливости установлена богами при творении сакрального миропорядка, поэтому мимесис, калокагатия и энтелехия земель возможны через торжество первосмысла субстанции. Благо страны начинается с религиозного, этического и политического благочестия правящего монарха, считавшегося богом. *Египетская* коммунитаристская общность за тысячу лет до рождения Христа знала «молитву Господню» и «нагорную проповедь».

Сотрудники Британского научного музея в 2002 году обнаружили их под названием «молитвы Эхнатона»:

Отче Наш, неведомый, но сущий
Да святится имя нам Твое,
Пусть придёт закон Твой, свет дающий

² Введение ростовщичества и хранение вкладов в храмовые кассы (Плутарх. Лисандр. 18,3).

Миру звёзд, и в наше бытие.
В этот день Ты накорми нас хлебом,
И прости нам смертные долги,
Как и мы прощаем перед Небом.
От соблазна и от зла — обереги.

На гробнице вельможи Эйе, современника Эхнатона (1352-1336 гг. до н.э.) обнаружен гимн, совпадающий с «Нагорной проповедью» (Мф.5:3-12):

Нищие радуйтесь, — царствие небесное ваше,
Горько скорбящие, верьте, — Господь вас утешит.
Кроткие сердцем, для вас благодать настоящего,
Правды искавшие, — жребий весов уже взвешен.
Милость дающие, — к вам снизойдёт милосердие,
Совестью чистые, — улицезреете Бога,
Мира взалкавшие, — вознаградится усердие,
Вечно гонимые, ваша отверста дорога [21, с. 116-118].

Можно отметить, что полновластная монархическая государственность Египта, также, как и в настоящей России, постепенно поглотила общинный сектор хозяйства и управления [20, с. 29-40]. Отсюда можно сделать предварительное заключение, что у общины, кроме плебисцитного подхода (референдум) должны быть аналитические и регулирующие рычаги мониторинга исторической ситуации.

Еврейские (христианские) общины, созданные после «Пятидесятницы» (схождение Святого Духа на двенадцать апостолов) представляют образец родовых общин, где каждый готов был «душу свою отдать за друзей своих» (Ин.15:13). Под натиском римлян, усмиривших Галилею и приступивших к истреблению христиан в Иерусалиме, спасаясь от преследования, люди под руководством епископа Симона собирались в Сирийской пустыне.

Прообразом вече, земского собора и коммун в России был апостольский собор под управлением Павла и Вараввы в Иерусалиме (51 г. по Р. Х.). Именно совместное братское жительство в коммунах, куда люди добровольно, в меру своих сил, приносили своё имущество на пользу всей христианской общины — стал символом всех последующих соборов. Коммунитарное сознание и есть соборность христианского братства, дополненное хозяйственной (артели) и политической деятельностью («Большаки» общин должны стать экспертами и возглавлять правительство как истинные представители народа).

В коммунах «верующие были вместе и имели всё общее. Они продавали имущества, и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2:44-45). Эти христианские общины можно считать образцом для подражания. «Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2:17). «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плоды добрые, срубают и бросают в огонь» (Мф. 7:18-19).

Одним из проповедников коммунитаризма был основатель монашеского братства в Каппадокии Василий Великий. В Египте он познакомился с двумя

формами подвижничества: с отшельничеством и общежитием. В обителях Великого пастыря богомыслие и молитва совмещались с физическим трудом и благотворительностью. Иноческая жизнь строилась на трёх добродетелях: на послушании настоятелю (большаку), евхаристии и нестяжательности.

В XI веке христианство разделяется на две ветви. Дом, разделившийся сам в себе — не устоит (Мф. 12:25). Создание *великого братства крестоносцев* предшествовало созданию ордена масонов, а возможно, речь идёт о едином центре. Под видом распространения христианства жгли города, грабили и убивали целые народы. Крестовые походы объединяли *антиобщину* в их коварном замысле разбогатеть за счёт ограбления слабых этносов. Это чисто западная модель развития общества, строящаяся на подавлении всех остальных. Здесь мы наблюдаем историческую картину, в которой зарождающаяся буржуазия из желания построить всемирные рыночные отношения разрушила коммунитарные родовые связи.

Еврейские *кибуцы* создавались в Палестине из иммигрантов в начале XX века. Национальное упорство и настойчивость помогли в консолидации еврейского коммунитаристского общества и обретении Израильского государства. Ради идеи солидарности народа люди, вступая в коммуну, отказывались от имени детей и безбрачия в течение пяти лет. Появившихся детей держали отдельно от коммуны с редким посещением родителей.

Дети кибуцев отличались от воспитанников детского дома своей солидарностью и умением найти работу [48, р. 19]. По пятнадцать часов в день евреи трудились, выковыывая победу будущего справедливого государства с равными правами для всех его граждан [39, с. 305-308]. Здесь мы наблюдаем явление сплоченности нации, где сам факт мотивации к единству рождает великие преобразования, способствующие разрозненный народ собрать в единое сильное государство.

Особый вклад в *средневековое общинное* жительство был осуществлён преподобным *Сергием Радонежским* (1314-1392). Можно сказать, что, самое главное, за что мы чтим святого подвижника благочестия, так это за созданную общинную систему, которая положила начало пробуждения пассионарных сил национального самосознания русского народа.

Сам праведник отказывался от патриаршей власти, объясняя, что «желание игуменства есть начало и корень властолюбия». Но вокруг праведника в поисках заступничества собирались тысячи страждущих. Обогревая всех заботой и любовью в Троицкой обители, Сергий благословлял самых достойнейших к уходу из посада для создания новой общины. На стук топора при строительстве нового храма собирались страждущие поселяне. И вновь игумен находил лучшего и благословлял его для «осолонения» (Мф.5:13) земли русской. Так десятки учеников Сергия Радонежского (Авраамий Галицкий, Павел Обнорский, Андроник и Савва, Леонтий и Савва Стромьинские. Афанасий Высоцкий, Кирилл Белозерский и т.д.) создавали общины, как братские церковные обители, из которых заживотворила многострадальная святая Русь.

Если на Западе возникновение «Города солнца» (Кампанелла) в сознании и воплощении можно рассматривать как единичное социальное явление, то в России таких поселений, как «Заволжские старцы» — было великое множество.

Огромное влияние на распространение коммунитаризма оказала *община царя Иоанна Грозного* в лице его опричников, но до сего дня о государе распространяются карамзинские представления, в которых история России 1565-1572 годов рассматривается сквозь призму деяний «царя-тирана» [18].

Дьяк Иван Тимофеев пишет: «царь Иван, возненавидев грады свои во гневе всю землю державы своей яко секирою разсече» [14, с. 12]. Н. В. Островский опричнину осмысляет как подражание Ливонскому ордену с целью обеспечения личной свободы в осуществлении государственной политики, представляющей агрессивный характер [31].

Д. С. Алексеев рассматривал опричнину как этническую агрессию. Община Иоанна Грозного квалифицируется как системная целостность людей с негативным мироощущением, или «антисистема» [2, с. 118], или организация поклонников сатаны [30, с. 629-647]. А. А. Зимин опричнину рассматривал как действия палачей и мучения жертв. Предатель Андрей Курбский в переписке с Иоанном Грозным ошибочно выглядит предпочтительнее царя по причине противоречивой идеологии и бессмысленной резни «крамольного боярского сепаратизма» [18, с. 7].

Автор данной статьи реформы царя рассматривает с точки зрения обеспечения констициентальной безопасности. Достаточно вспомнить суд царя Бориса Годунова над предательским сговором бояр с польскими, английскими и шведскими конспирологами, а также присягу русского дворянства польскому королевичу Владиславу в 1610 году, чтобы оправдать постановление годуновского суда о пострижении боярина Фёдора Никитовича Романова в монахи³ и организацию опричнины в правление Грозного, как механизм сохранения национального общежития. Иоанн Грозный суть опричнины осмыслял «не в многмятежном человеческом хотении, а в Божьем соизволении» (проф. С. Ф. Платонов).

По нашей версии опричная община представляла *социальный институт* нравственности и политического самосознания. Этот социальный институт обеспечивал духовно-нравственный порядок и утверждал сильную власть для искоренения компрадорско-космополитических настроений в боярской среде. Опыт опричнины свидетельствует о необходимости соблюдения баланса сил в обществе с помощью этатизма и коммунитаризма.

Научный интерес в осмыслении коммунитаризма представляют *военные поселения А. А. Аракчеева*. Существуют три точки зрения. Первая позиция осмысляется в русле реакционной политики правления Александра I и закрепились в понятии «аракчеевщина» [35, с. 167]. Вторая трактовка, как временное решение экономических вопросов, складывается вокруг идеи паллиативного лечения общества после страшной и разрушающей войны с Наполеоном. Третья позиция,

³ Будущий иерарх Филарет в митрополиты был рукоположен при первом Лжедмитрии, а при втором Лжемитрии — в патриархи, что даёт право считать его патриаршество не каноничным.

— военные поселения рассматривает как возрождение русского мира на основе коммуны.

После победы над наполеоновской армией с 1815 года историографическая ситуация в имперской России заключалась в противостоянии декабристов [16, с. 3] и Аракчеева, т.е. революции и реакции. Причём официально история подаётся в неприглядном виде для государственного чиновника и прославления бунтарей. Если данный конфликт не рассматривать с точки зрения концентрической войны, то вряд ли можно разобраться в сложившейся ситуации.

Аракчеев совершил реальное воплощение утопий Оуэна через создание военных поселений при Александре I, которые действовали с 1810 по 1857 годы. Роберт Оуэн в основу социальной общины полагал равенство материальных благ, наличие прав и обязанностей, а также общность собственности. Социалистическое течение Оуэна ставило целью достижение счастливой и справедливой жизни общества.

Коммунитарные общины Аракчеев организовал на законах природы, а не государств (*где деньги позволяют отнимать блага у тех, кто их создаёт*) для перевоспитания людей на новых началах, чтобы добрым примером увлечь всё человечество.

Солдаты жили со своими семьями и совмещали армейскую службу с хозяйственной деятельностью. Так было найдено не просто гениальное решение в содержании армии при пустой казне (рост недоимок к 1816 году составлял 168 млн. рублей [28, с. 456]), но реализована национальная конструкция коммунитаристского общества, присущая соборному духу русского мира.

В условиях внутреннего саботажа дворянства, используемых в качестве инструмента европейскими конспирологами в России, создавалась искусственная инфляция, упадок в торговле, несогласованность и неэффективная деятельность государственных органов в сельскохозяйственной и промышленной деятельности.

В условиях концентрической войны, Алексей Андреевич нашёл русский ответ на неблагодарность Европы за своё освобождение. Была найдена национальная модель домостроительства. Самофинансирующаяся и самовоспроизводящаяся система позволяла не только удешевить содержание и комплектование самостоятельной армии, но и разбудить пассионарные национальные силы.

До сих пор о военных поселениях слышны привычные стереотипы и определения, будто «поселения несли России только зло» [26, с. 149-161]. Уверен, что источником недовольства русскими соборными общинами являются зарубежные злопыхатели. М. М. Сперанский 14 января 1826 года отправил свою брошюру начальнику штаба военных поселений П. А. Клейнмихелю, а также сочинение английского путешественника Р. Лайелля «Российские военные поселения», в котором выражены опасения, что Россия, вводя военные поселения, будет иметь многомиллионную армию и угрожать Европе. К 1825 году в корпусе военных поселений числилось 160 тысяч человек [11, с. 114].

Работа Р. Лайелля, опубликованная в лондонской газете «Курьер» в феврале 1824 года, вызвала большой интерес и в этом же году была переведена на немец-

кий язык, а в 1825 году — вышла на французском языке [15, с. 88]. Дворянство не хотело отдавать в солдаты крепостных, во-первых, по причине расставания с «предметом» дохода, во-вторых, по причине милитаризованного сознания, подогреваемого правоведами Запада [37, с. 211].

Высказывания М. Семевского и М. Богдановича свидетельствуют о справедливой истории бунтов в военных поселениях [36, с. 5] по причине обременительных посторонних промыслов [12, с. 25]. Наступление на общины в первой четверти XIX века обратил внимание К. М. Ячменихин в историографической работе по военным поселениям [46, с. 63-71].

Заключение. Сегодня научный мир ищет выход из глобального тупика. Триада решения проблем одних заключается в «обществе-государстве-бизнесе» (В. Е. Лепский), других в «обществе-государстве-корпорации» (П. А. Атанасов). Но этот путь, по моему мнению, ошибочен, поскольку рынок не успокоится, пока всех не похоронит.

Точно также, как и мой проект по формированию коммун может показаться для одних фанатизмом, а для других утопизмом. Главное, что научный мир проснулся. Что характерно, так это то, что никто не уповает на православную патриархию, хотя о «мировом духе» Гегеля, «теургии» Н. Бердяева или «Софии» С. Булгакова — речь идёт. К сожалению, как в XIX веке славянофилы и почвенники, так и современные «зиновьевский» и «изборский» клубы рождаются не в церковной ограде.

Дихотомическая типология обществ с разделением их на два противоположных идеальных типа: индустриальные и военные (Г. Спенсер) заканчивается в пользу первых. Под видом либеральных индустриальных обществ показался сам Левиафан. Речь идёт о столкновении двух тоталитарных систем рынка и народной гегемонии. Выбор за обществом: первая дорога ведёт к статусу и положению через выталкивание добрых людей на обочину, а другой путь предлагает скромные аскетические условия по принципу «в тесноте, да не в обиде».

В связи с идущей концентрической войной во всём мире, в современном российском социуме существует *дефицит солидарности* и доверия между индивидуумами, а также низкая степень вовлечённости в жизнь и деятельность локальных сообществ, уровень которых значительно ниже, чем в других развитых и развивающихся странах⁴. Скорее всего, причина кроется в имитации выборной системы (плебисцитного подхода). Народовластие предполагает наличие реальных коммун, из которых делегируются самые достойные труженики и семьянины. Создавать местное самоуправление может только сам народ.

Наш *вывод* по историческим сценариям солидаризации общества обусловлен историософским подходом, связанным со сменой эпохи Кали-юги на Сатья-югу. Если в «железный» и «людской» век невозможно строить коммунитаризм, то в «золотой» и «век богов» (Дж. Вико) должно открыться, потому что «Запад

⁴WorldValuesSurvey (Всемирный обзор ценностей) 2010-2014, положительный ответ на вопрос о том, воспринимает ли человек себя частью своего местного сообщества, (ответы «Да» и «скорее, Да») дали: в Бразилии — 91,7 %, в США — 85,3 %, в Китае — 82 %, в России — 23,6 % респондентов. URL:<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> [Дата доступа: 21.10.2015].

скукоживается, а Восток, наоборот, расправляет плечи» [13]. Мы убеждены, что в настоящее время «размагничивание» Востока заканчивается:

а) Запад угасает в своей пассионарности;

б) Восток, напротив, воскресает, крепнет и выстраивает новую идеационную (П. Сорокин) эпоху, поэтому элите, уповающей на консюмеризм, следует крепко подумать, встраиваясь в модные течения истории, а сохранит ли она баланс сил в обществе через насаждение космополитизма, феминизма, толерантизма и синкретизма как технологии консциентальной войны? Наша дуальная логика по равновесию общества заключается в создании сильного государства и творчестве свободных общин.

Итак, готовы ли мы к аскетизму как спартанцы? Нас кроме имманентных насущных вопросов интересуют проблемы космоцентризма как египтян? Готовы мы как первохристиане приносить в общину все свои сбережения и душу? Есть ли в нас дух кибуцинов, чтобы общностью имущества и равенством в труде создавать новое государство? Есть ли пассионарии в русском народе как Сергей Радонежский и Нил Сорский, чтобы выстраивать собственную национальную идентичность? Вопрос этот решается на наших глазах.

Время покажет. Но, уже сейчас ясно. И мир изменился, и мы изменились. Первичные системы ценностей, обретенные в начале исторического пути народов, сегодня деформированы и все менее укоренены. Нарастает социальная диффузия общества. Вымываются многие из сберегавших человека до сих пор традиционных социальных институтов (традиционная семья, традиционная мораль, традиционная религия, кровное родство...) [50].

В некотором смысле, «бифуркационный человек», дитя постмодерна и капитализма, торжествует. Под натиском глобального капитала культивируется мир глобального общества потребления, разобщающего и упрощающего человека, как социальное существо. Торжествует человек потребитель, и в то же время человек «нарцисс», разрушающий себя и мир вокруг [49]. Есть ли альтернатива, наверное, есть, но какого она исторического времени. Вот вопрос?

Список литературы

1. Агапов О. Д. Альтерглобализм как социально-гуманитарная стратегия анализа современности // SocioTime / Социальное время. — 2018. — № 2(14). — С. 9-17. — DOI: 10.15350/2410-0773.2018.2.9
2. Алексеев Д. С. Опричнина как этническая агрессия // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2010. С.118-123.
3. Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб.: Нестор-История, 2008. 342 с.
4. Андреев Ю. В. Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты. Под ред. В. П. Никонорова. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. 304 с.
5. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000. 543 с.
6. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 368 с.
7. Бациева С. М. Историко-философское учение Ибн Халдуна // Советское востоковедение. 1958. № 1. С.75-86.
8. Безлепкин Н. И. От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли // Управленческое консультирование. № 8, 2017. С.119-130.

9. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Царство Духа и царство кесаря. М., 1995. 383 с.
10. Бердяев Н. А. О русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. Ч. 2. 287 с.
11. Богданов Л. П. Военные поселения // Вопросы истории. 1980. № 2. С.114.
12. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и его время. СПб., 1872. Т.6. 617 с.
13. Васильев Л. С. Восток и Запад: вечная борьба. Наша газета. 2005. № 47. 21 октября
14. Временник Ивана Тимофеева под ред В. П. Адриановой. М.-Л., 1951.
15. Давыдов Б. Б. М. М. Сперанский о военных поселениях в России (по материалам ЦГВИА СССР) // Советские архивы. 1988. № 4. С.88.
16. Давыдов М. А. Оппозиция его величества. Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. 197 с.
17. Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т.1, ч. 1. 221 с.
18. Зимин А. А. Опричнина. М.: Территория, 2001. 450 с.
19. Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима) // Историко-философский ежегодник 2007. М., 2008. 530 с.
20. История Востока. Т.1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Якобсон. М.: Вост. лит. РАН, 1997. 688 с.
21. История Древнего Востока: Тексты и документы / Под редакцией В. И. Кузищина. - М., 2002. С.116-118
22. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. 2-е изд., перераб. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1887. 346 с.
23. Карсавин Л. В. Философия истории. СПб., 1993. 350 с.
24. Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М.: Т-во Типо-литогр. И. М. Машистова, 1914. 100 с.
25. Клементьева Т. Н. Об особенностях взаимоотношений между религией и наукой в современном мире // SocioTime / Социальное время. — 2019. — № 4(20). — С. 18-27. — DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.18
26. Кандаурова Т. Н. Херсонские военные поселения (1817-1832). (Административно-хозяйственная структура). М., 1990. 27 с.
27. Лепский В. Е., Журенков Д. А., Савельев А. М. Научная дипломатия и социальные инновации // SocioTime / Социальное время. — 2019. — № 2(18). — С. 54-62. — DOI: 10.25686/2410-0773.2019.2.54
28. Лященко П. История народного хозяйства. М., 1952. Т.1. 656 с.
29. Макиавелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1987. 446 с.
30. Никитин А. Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001. 768 с.
31. Островский Н. В. Опричнина как подражание Ливонскому ордену // Символ науки, № 4, 2018.
32. Послание старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С.426.
33. Русакова О. М. Предмет философии и методологии истории [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-filosofii-i-metodologii-istorii> (дата обращения: 10.06.2017).
34. Самаркин В. В. К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччадини // Вестник Московского университета. Сер. 9. Исторические науки. 1960. № 5. С. 42-60.
35. Сахаров А. Н. Александр I. М.: Наука, 1998. 285 с.
36. Семевский М. Граф Аракчеев и военные поселения (1809-1831). СПб., 1871. 308 с.
37. Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т.4. Кн.1. Отд. 2. 304 с.
38. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. 352 с.
39. Филишова С. В. Теория и практика общинного воспитания в кибуце // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 3, 2009. С.305-308.

40. Философия истории / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
41. Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. 510 с.
42. Фукидид. История // Историки античности. Т. 1. М.: Правда, 1989. 624 с.
43. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. М., 1914. 316 с.
44. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. 527 с.
45. Ячменихин К. М. Новгородские военные поселения в 1816-1831 гг.: административно-хозяйственная структура.: Москва, 1985. 315 с.
46. Ячменихин К. М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии. // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1985. № 3. С.63-71.
47. A. De Buck. The egyptian coffin texts (Sarcophagus texts, spell). Vol. II. Chicago, 1938. P. 22, 23.
48. Bettelheim Br. Die Kinder der Zukunft. Gemeinschaftserziehung als Weg einer neuen Pädagogik. Deutsch von Ilse Winger. Deutscher Taschenbuch Verlag. München. 1975. P.19.
49. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. — 2016. — № 2 (6). — С.71-81.
50. Шалаев В.П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время.-2015.-N3.-С.48-57.

Авторская справка

ШИШКИН Алексей Ефимович, кандидат педагогических наук, доцент социальной философии, кафедры гуманитарных дисциплин, Медицинский университет «Реавиз», Самара, Россия. E-mail: ladomir12345@rambler.ru.

UDC 101. 130.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.105

HISTORICAL SCENARIOS OF SOCIETY SOLIDARIZATION IN THE CONTEXT OF CONCIENTIAL SAFETY

A. E. Shishkin

Medical University "Reaviz", Samara (Russia)

Introduction. Global security issues require, firstly, to stop a series of socio-political technologies destroying the Russian mentality, national and religious identity, and secondly, they ask the search for new “Slavophiles” and “native people” who can inspire people to their own creative activities. Based on the study of world and domestic experience, an emergent project for the creation of self-developing autarky communities can become.

Methods. A conscientious approach using Overton windows demonstrates the power of socio-political technologies that can turn a thesis into an antithesis in five steps. For example, turn the sacred concept of “community” into an obsolete atavism. Whereas the old is not always obsolete.

Results. Humanity is counting on the natural historical course of the development of society, but in fact, since antiquity, they have known dozens of technologies (“Thirty-six Chinese stratagems”), with the help of which they weakened the enemy's mentality before unleashing hostilities in order to enrich and strengthen their power.

The main purpose of the work. Actualization of the past experience of the communes in order to rethink the current goal-setting of the market and find new self-developing forms of development of an ideal society.

The philosophical concept of communitarianism is comprehended in relation to different peoples. Tribal and territorial communities have always looked for ways to consolidate society for the possible reflection of military seizure and socio-political prosperity. The artificially created conditions for the

change of religion, the private property mode of production and the unfair distribution of benefits - became the result of the entropy of communities.

Conclusion. Historical shifts in the consciousness of society occur as a result of a change in formations or civilizational cycles. Stage boundaries comprehend the transition from appropriating to producing forms of economy. History as a whole can be viewed through the dichotomy of "soil" and "civilization", between the national faults of the ecumene and the global macrocivilizational system. In our case, the solidarization of society in the communes is opposed to the socio-political technologies of the mondialists.

Keywords: communitarianism, metapattern of covariance, historical shifts, consistent war, cyclical history, orientational crisis of civilization, socialization, identity, apologetics, stage boundaries.

References

1. Agapov O. D. Alterglobalism as a social and humanitarian strategy for the analysis of modernity [Al'terglobalizm kak sotsial'no-gumanitarnaya strategiya analiza sovremennosti] // SocioTime / Social time. - 2018. - No. 2 (14). — S. 9-17. - DOI: 10.15350 / 2410- 0773.2018.2.9
2. Alekseev D. S. Oprichnina as ethnic aggression [Oprichnina kak etnicheskaya agressiya] // Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Sociological Sciences. 2010, pp. 118-123.
3. Andreev Yu. V. Archaic Sparta. Art and politics [Arkhaicheskaya Sparta. Iskustvo i politika]. SPb.: Nestor-History, 2008, 342 p.
4. Andreev Yu. V. The Spartan Experiment: Society and the Army of Sparta [Spartanskiy eksperiment: obshchestvo i armiya Sparty]. Ed. V. P. Nikonorov. SPb.: Petersburg Linguistic Society, 2014, 304 p.
5. Aron R. Selected: An Introduction to the Philosophy of History [Izbrannoye: Vvedeniye v filosofiyu istorii]. M.: SPb., 2000, 543 p.
6. Assman J. Egypt: theology and piety of early civilization [Yegipet: teologiya i blagochestiye ranney tsivilizatsii]. Moscow: Pristsels, 1999, 368 p.
7. Batsieva S. M. Historical and philosophical doctrine of Ibn Khaldun [Istoriko-filosofskoye ucheniye Ibn Khalduna] // Soviet Oriental Studies. 1958. No. 1, pp. 75-86.
8. Bezlepkin N. I. From historiosophy to philosophy of history: the evolution of views on history in Russian philosophical thought [Ot istoriosofii k filosofii istorii: evolyutsiya vzglyadov na istoriyu v otechestvennoy filosofskoy mysli] // Management consulting. No. 8, 2017, pp. 119-130.
9. Berdyaev N. A. The experience of eschatological metaphysics. The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar [Opyt eskhatologicheskoy metafiziki. Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya]. M., 1995, 383 p.
10. Berdyaev N. A. About Russian philosophy. Sverdlovsk [O russkoy filosofii. Sverdlovsk]: Publishing house of the Ural University, 1991. Part 2, 287 p.
11. Bogdanov L. P. Military settlements [Voyennyye poseleniya] // Questions of history. 1980. No. 2, p. 114.
12. Bogdanovich M. I. The history of the reign of Emperor Alexander I and his time [Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i yego vremya]. SPb., 1872. T. 6. 617 p.
13. Vasiliev L. S. East and West: an eternal struggle. Our newspaper [Vostok i Zapad: vechnaya bor'ba. Nasha gazeta]. 2005. No. 47. October 21.
14. Annals of Ivan Timofeev [Vremennik Ivana Timofeyeva], edited by V. P. Adrianova. M.-L., 1951.
15. Davydov B. B. M. M. Speransky about military settlements in Russia [Speranskiy o voyennykh poseleniyakh v Rossii] (based on materials from the Central State Archive of the USSR) // Soviet Archives. 1988. No. 4, p. 88.
16. Davydov M. A. Opposition of His Majesty. Nobility and reforms at the beginning of the 19th century [Oppozitsiya yego velichestva. Dvoryanstvo i reformy v nachale XIX veka]. M., 1994, 197 p.
17. Zenkovsky V. V. History of Russian Philosophy [istoriya russkoy filosofii]. L.: EGO, 1991. Vol. 1, h. 1. 221 p.
18. Zimin A. A. Oprichnina [Oprichnina]. Moscow: Territory, 2001, 450 p.

19. Ibn Khaldun. Introduction [Vvedeniye] (al-Mukaddima) // Historical and Philosophical Yearbook 2007. Moscow, 2008, 530 p.
20. History of the East [Istoriya Vostoka]. Vol. 1. East in antiquity / Otв. ed. V. A. Jacobson. M.: Vost. lit. RAS, 1997, 688 p.
21. History of the Ancient East: Texts and Documents [Istoriya Drevnego Vostoka: Teksty i dokumenty] / Edited by V. I. Kuzishchina. - M., 2002. S. 116-118
22. Kareev N. I. The main questions of the philosophy of history [Osnovnyye voprosy filosofii istorii]. 2nd ed., Rev. SPb.: Ed. L. F. Panteleeva, 1887, 346 p.
23. Karsavin L. V. Philosophy of history [Filosofiya istorii]. SPb., 1993, 350 p.
24. Kirillov I. Third Rome. Essay on the historical development of the idea of Russian messianism [Tretiy Rim. Ocherk istoricheskogo razvitiya idei russkogo messianizma]. M.: T-in Tipolithograph. THEM. Mashistova, 1914, 100 p.
25. Klementyeva T. N. On the peculiarities of the relationship between religion and science in the modern world [Ob osobennostyakh vzaimootnosheniy mezhdu religiyey i naukoy v sovremennom mire] // SocioTime / Social time. — 2019. — №. 4 (20). — S. 18-27. — DOI: 10.25686 / 2410-0773.2019.4.18
26. Kandaurova T. N. Kherson military settlements [Khersonskiy voyennyye poseleniya] (1817-1832). (Administrative and economic structure). M., 1990, 27 p.
27. Lepskiy V. Ye., Zhurenkov D. A., Savelyev A. M. Scientific diplomacy and social innovation [Zhurenkov D. A., Savel'yev A. M. Nauchnaya diplomatiya i sotsial'nyye innovatsii] // SocioTime / Social time. — 2019. — №. 2 (18). — S. 54-62. — DOI: 10.25686 / 2410-0773.2019.2.54
28. Lyashchenko P. History of the national economy [Istoriya narodnogo khozyaystva]. M., 1952. T.1, 656 p.
29. Machiavelli N. History of Florence [Istoriya Florentsii]. Moscow: Nauka, 1987, 446 p.
30. Nikitin A. L. Foundations of Russian history. Mythologemes and facts [Osnovaniya russkoy istorii. Mifologemy i fakty]. M.: AGRAF, 2001, 768 p.
31. Ostrovsky N. V. Oprichnina as an imitation of the Livonian Order [Oprichnina kak podrazhaniye Livonskomu ordenu] // Symbol of Science, No. 4, 2018.
32. The message of Elder Philotheus [Poslaniye startsa Filofeya] // Literature Monuments of Ancient Russia. Late 15th - first half of the 16th century M., 1984, p. 426.
33. Rusakova O. M. The subject of philosophy and methodology of history [Predmet filosofii i metodologii istorii] [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-filosofii-i-metodologii-istorii> (date accessed: 10.06.2017).
34. V. V. Samarkin On the question of the formation of political views by Francesco Gvichadini [K voprosu o formirovanii politicheskikh vzglyadov Franchesko Gvichchadini] // Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Historical sciences. 1960. No. 5, pp. 42-60.
35. Sakharov A. N. Alexander I [Aleksandr]. M.: Nauka, 1998, 285 p.
36. Semevsky M. Count Arakcheev and military settlements [Graf Arakcheyev i voyennyye poseleniya] (1809-1831). SPb., 1871, 308 p.
37. Centenary of the Ministry of War [Stoletiye voyennogo ministerstva] (hereinafter referred to as SMM). SPb., 1902. T. 4. Book I. Section 2. 304 p.
38. Tokarev S. A. History of foreign ethnography [Istoriya zarubezhnoy etnografii]. M., 1978, 352 p.
39. Filippova S. V. Theory and practice of community education in the kibbutz [Teoriya i praktika obshchinnogo vospitaniya v kibutse] // Izvestia of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. No. 3, 2009, pp. 305-308.
40. Philosophy of history [Filosofiya istorii] / edited by A. Panarin. M.: Gardariki, 1999, 432 p.
41. Frank S. L. Spiritual foundations of society [Dukhovnyye osnovy obshchestva]. M., 1992, 510 p.
42. Thucydides. History // Historians of Antiquity [Istoriki antichnosti]. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1989, 624 p.
43. Khvostov V. M. Theory of the historical process: Essays on the philosophy and methodology of history [Teoriya istoricheskogo protsessa: Ocherki po filosofii i metodologii istorii]. M., 191, 316 p.
44. Jaspers K. The meaning and purpose of history: trans. with him [Smysl i naznachenie istorii: per. s nem]. M.: Politizdat, 1991, 527 p.

45. Yachmenikhin K. M. Novgorod military settlements in 1816-1831: administrative and economic structure [Novgorodskie voyennyye poseleniya v 1816-1831 gg.: administrativno-khozyaystvennaya struktura] : Moscow, 1985, 315 p.

46. Yachmenikhin K. M. Military settlements in Russian pre-revolutionary and Soviet historiography [Voyennyye poseleniya v russkoy dorevolyutsionnoy i sovetskoy istoriografii] // Bulletin of Moscow State University. Ser. 8. History. 1985. No. 3, pp. 63-71.

47. A. De Buck. The egyptian coffin texts (Sarcophagus texts, spell). Vol. II. Chicago, 1938. P. 22, 23.

48. Bettelheim Br. Die Kinder der Zukunft. Gemeinschaftserziehung als Weg einer neuen Pädagogik. Deutsch von Ilse Winger. Deutscher Taschenbuch Verlag. München. 1975. P

49. Shalaev V. P. Bifurkacionnyj chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya [Bifurcation person in a global consumer society] // Socio Time / Social'noe vremya. — 2016. — № 2 (6). — Pp.71-81.

50. Shalaev V.P. Ostorozhno, mutaciya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizacii, zapadofi-kacii i potrebleniya: protivorechiya narastayut // Socio Time / Social'noe vremya. -2015.-N3.- Pp.48-57.

Author's Bio

SHISHKIN Alexey Efimovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Social Philosophy, Department of Humanities, Medical University "Reaviz", Samara, Russia. E-mail: ladomir12345@rambler.ru.

Библиографическая ссылка

Шишкин А. Е. Исторические сценарии солидаризации общества в контексте концентриальной безопасности // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 1 (25). — С. 105-120. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.1.105

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» — это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200—250 слов), ключевые слова (5—10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4—1,0 авторского листа (16—40 тысяч знаков, включая пробелы), оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате A4. Подписуточные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 8,5): Ф. И. О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, Email.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация — краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;

- *Заключение (Conclusion).*

Ключевые слова — основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т.д.;

- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение:* изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение:* теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10—30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников — 3-5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. **Порядок рассмотрения рукописи.** Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1-3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала SocioTime / Социальное время: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

Email: sociotime@volgatech.net.

Телефон редакции (главного редактора): 8-8362-686040.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200-250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5-10, font size 9);
- The manuscript 7-16 pages (16-40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and Email.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200—250 words) - summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5-10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5—2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10-30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3-5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1-3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

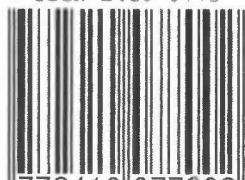
5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

Email: sociotime@volgatech.net.

Tel. (Editor in Chief): 8-8362-686040.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**)

ISSN 2410-0773

9 772410 077002 >